

**СИЛЬВА
КАПУТИКЯН**

ПОСВЯЩЕНИЕ

Издательство
«Детская
литература»

**Издательство
«Детская литература»**

**СИЛВА
КАПУТИКЯН**

ПОСВЯЩЕНИЕ

СТИХИ

Перевод с армянского

**Москва
«Детская
литература»
1979**

С (Арм) 2
К20

Художник А. П а н и н

К 70803—051 280—78
М 101 (03) 79

© Состав предисловие. Иллюстрации.
Издательство «Детская литература». 1979 г.

СЛОВО НА КАМНЕ

ниги Сильвы Капутикян читают не только армяне в самой Армении и за границей, через переводы на русский язык они хорошо известны почитателям ее светлого таланта во всей нашей стране, в семье ленинского братства народов, в многообразном и нервном мире современного человеческого прогресса.

Она пишет стихи и прозу для взрослых и для детей. Она верно служит своим редкостным талантом своему времени, внимательно и чутко прислушиваясь к его усиливающемуся сердцебиению.

Сильва Капутикян — поэт беспокойного характера и глубокого интереса к происходящим на земле событиям, к живому движению жизни. Поэтому она много путешествует по материкам и странам нашей планеты, по широтам и долготам нашей Родины, всматриваясь в жизнь людей, в их тревоги и радости,

в их заботу и любовь, и рассказывает об этом с присущей ей проникновенностью и простотой.

Но, естественно, больше всего и глубже всего ее волновала и волнует Армения, чья культура и история поражает упорством и жизненной силой народа, умеющего добывать хлеб и вино из камня. Всей тревогой и очарованием своим Армения входит в строчечную суть стихов Сильвы Капутикян. И наверное, вся неопенимая заслуга поэта в том и заключается, что она песней души своей перекидывает мостики родства от Армении ко всему миру, к душам и сердцам всех людей, трудом своей жизни мужественно и последовательно отстаивающим чудо жизни в этом мире.

Ее стихи тревожны и открыты. В них есть материнское начало, есть любовь ко всему сущему. Живая конкретность жизни армянского народа силой ее поэзии выходит за горный горизонт Армении на всеобщий праздник человеческого единства.

Мы с Сильвой Капутикян люди одного поколения. Я знаю ее давно, с 1947 года. С первой встречи на первом совещании молодых писателей в Москве на Маросейке, собранном Центральным Комитетом Ленинского Комсомола и Союзом писателей.

Мы были молоды тогда, и сама Победа, одержанная содружеством справедливости над диким мра-

кобесием фашизма, была фундаментом наших характеров, нашей лирики и эпоса. И мы остались верны этой дружбе, и где бы ни перекрещивались наши пути, мы оставались солдатами и поэтами подвига нашего поколения и смотрели на все в этом мире с вершины этого подвига, да и не могли смотреть иначе.

Познакомившись, мы уже не могли обойтись друг без друга. Нас несли одни и те же волны времени. Нам приходилось противостоять одним и тем же штормам. Мы дышали одним воздухом надежды и печалились одними печальями.

Мне иногда доводилось даже переводить стихи Сильвы Капутикян на русский язык и радоваться тому, как со временем зрело ее мастерство и мысль обретала упругие крылья мудрости.

Сейчас ее талант в расцвете познания жизни.

Многое — уже сделано.

Многое — делается.

Самое главное — впереди.

Ее путь — путь в гору по своей тропинке, проложенной шаг за шагом собственным усилием. Он выверен, этот путь, ценой своих раздумий и трагедий и великим чувством сочувствия, присущего настоящим художникам, ищущим единства с движущимися время идеями.

У художника, живущего и творящего, нет вершин. Вернее, они есть, но они тут же после их достижения сразу затмеваются более прекрасными, более значительными вершинами новых, неотложно зовущих свершений.

Что задумывает Сильва Капутикян, чем она обрадует нас и куда увлечет наши души, на какую только ей известную высоту, я не знаю. Но я уверен в одном: она никогда не свернет с этой своей тропинки в гору, потому что она знает цену камня и слова, горечь материнских слез и бессмертие виноградной лозы, посаженной человеком.

28. 7. 77

Ленинград

Михаил Дудин

**ТЕБЕ,
СТРАНА
МОЯ**

ПЕСНЯ
О НАШИХ КАМНЯХ

О камни —
Вы сама история!
Мы жили в бедах, в нищете
И зданья траурные строили,
Как памятники темноте.
Творцы с глазами обреченными
Стирали кровь и пот со лба,
И камни в стенах были черными,
Как наша черная судьба.
Черны монастыри задумчивые,
И храмы древние черны,
И проступают в них измученные
Моей Армении черты.
О камни траурные, черные
Полов,
И потолков,
И стен,
Захватанные,
Закопченные,
Со вмятинами от колен!

А где-то праздничные, разные,
Забившись тихо в уголки,
В земле таились камни радости,
Как бы под пеплом угольки...
О камни, спавшие веками
И время знавшие суровое!
О камни, розовые камни,
Сиреневые и лиловые!
Но вы из мглы подземной выбились —
Вам не пристало быть во мгле!
Наверх,
На землю,
К людям вырвались —
И стало радостней земле!
И новых стен цвета весенние
Под цвет весенних наших дней,
И вся судьба моей Армении,
Как и судьба ее камней!
Своими добрыми руками
Их пробудило время новое.
О камни, розовые камни,
Сиреневые и лиловые!

Армянская страна, родная сторона,
Огромен белый свет, а я тебе верна.

Ты стародавний храм над древнею скалой,
А небо над тобой что купол голубой.

Голубкою бы стать под куполом твоим,
Чтоб тень его была мне кровом дорогим.

Куда б ни улететь — к тебе вернуться вновь,
Под купол голубой нести свою любовь.

Умру — меня твоя укроет тишина,
Армянская страна, родная сторона.

НА ПЛОЩАДИ
ЛЕНИНА
В ЕРЕВАНЕ

Храмы на скалах мы воздвигали —
Ближе к богу и небесам.
Но даже камень враги сжигали
И сокрушали за храмом храм.

Мы строили крепости на горах —
Свирепые реки внизу гремели!
Но враг настиг нас во мгле ущелий,
Но крепости наши разрушил враг
И размолот их в прах.

Мы строили башни выше, грозней
И сражались — упрямей, бесстрашней.
И чтобы прочнее стояли башни —
Мы камни скрепляли кровью своей.
Все, что имели, мы клали в фундамент —
Верность, веру, заветов свет,—
Но рушился испепеленный камень,
И тьма покрывала след...

Но вот — мы начали строить снова.
На сердцевидный клочок земли
Мы руины Ани¹ принесли —
Камень, от крови отцов багровый.
Мы строили жарко, истово, яро,
И гордые арки из Ахтамара²
Для потомков наших спасли.
Звартноца³ сияющие капители
Вырывали мы из объятий тьмы.
Цемент на мечте замесили мы,
На звезды грядущего мы смотрели!
И верим, надежно верим ныне,
Что под взглядом зорким твоим
Бессмертна пребудет наша твердыня,
Что новый дом наш — несокрушим...

¹ Ани — средневековая столица Армении.

² Ахтамар — остров на Ванском озере, где находятся старинные архитектурные памятники.

³ Звартноц — разрушенный храм, памятник VII века.

ГОЛУБИ АРМЕНИИ

Трепетные голуби Армении!
Вас тиранил беспрестанный страх.
Люди вас пугали и строения.
Жили вы в немых монастырях.
Колокола легкое движение,
Камень, детской кинутый рукой,
Нарушали зыбкий ваш покой,
Голуби тревожные Армении!
Ныне на асфальт слетели вы,
Затопили площади весенние.
Шум вокруг,
Кипение листвы,
Гул толпы, машинное гудение —
Но, тугими крыльями шурша,
Вы плывете к нам без опасения,
И зерно с ладони малыша
Вы клуете, голуби Армении!..

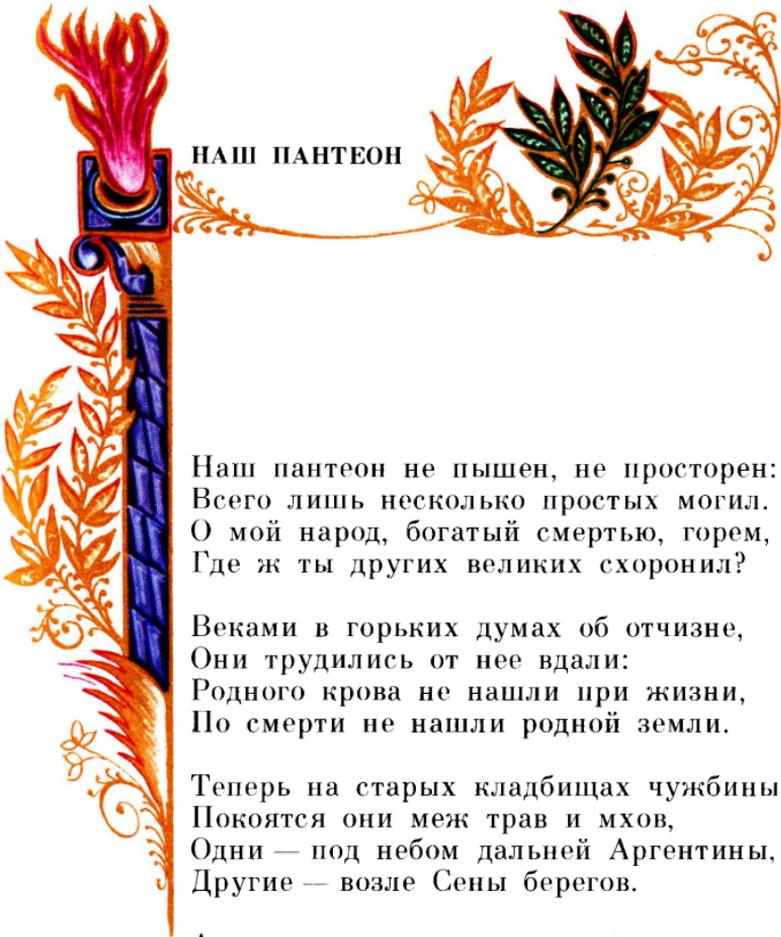
АРМЯНСКИЕ ГЛАЗА

Где ни встречу его: на лице ль малыша,
У крестьянки морщинистой и седоглавой,—
Узнаю этот взор: в нем сияет душа.
О армянские очи, прекрасны всегда вы!

Отразившие древних времен маету,
Сквозь беду и бесправье, сквозь боль вековую
Как смогли пронести вы свою красоту,
Задушевность такую и ясность такую?..

НАШ ПАНТЕОН

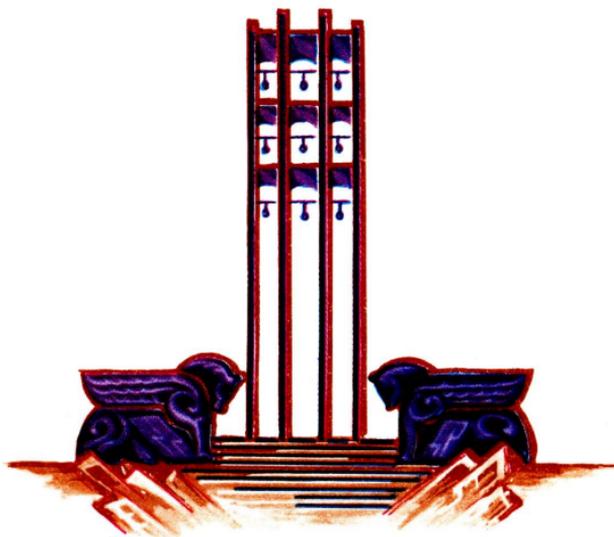
Наш пантеон не пышен, не просторен:
Всего лишь несколько простых могил.
О мой народ, богатый смертью, горем,
Где ж ты других великих схоронил?

Веками в горьких думах об отчизне,
Они трудились от нее вдали:
Родного крова не нашли при жизни,
По смерти не нашли родной земли.

Теперь на старых кладбищах чужбины
Покоятся они меж трав и мхов,
Одни — под небом дальней Аргентины,
Другие — возле Сены берегов.

А сколько их под острым ятаганом
В немой пустыне обрело конец!
Могилы их — сухой песок с бурьяном
Да боль живущих, раны их сердец.

Наш пантеон... В безмолвии, в забвенье
Разбросан он по всем краям чужим.
Лишь слезы, слезы и благословенье
Наш дар могилам дальним дорогим!..

СЛОВО СЫНУ

Едва забормотал ручей,
Едва над зеленью долин
Запела птица меж ветвей —
Заговорил и ты, мой сын.
Ты слово первое сказал
На древнем нашем языке,
Губами детскими припал
К бессмертным струям в роднике.
Мой сын, тебе я отдаю
Наследство. Обещай беречь,
Как ценный клад, как жизнь свою,
Армянскую родную речь.
Гремел в пустынях наш язык,
Звенел у края горных троп,
Стрелюю Гайка¹ в мир проник,
Ему учил народ Месроп...²
На свитках письменами стал,
Стал нашим знаменем в веках

¹ Гайк — по легенде, родоначальник армян.

² Месроп Маштоц — создатель армянской письменности.

И вел народ меж диких скал
Под небом в хмурых облаках.
На нем о тяжелой доле пел
Изгнанник вечный — армянин,
Язык наш песнею гремел
В дни испытующих годин.
Бывало, пела мать, грустя,
Мне колыбельную на нем,
Теперь к тебе, мое дитя,
Пришел он сквозь века ручьем.
Журчи весеннею водой,
Как птица щебечи в садах,
Пусть станет наш язык седой
Ребенком на твоих устах!
Храни его, да будет он
Так чист, как Арарат в снегах,
Храни его для всех времен,
Как незабвенных предков прах.
Ты защищай его везде,
Как защитил бы мать свою,
Придя на помощь к ней в беде,
Сражаясь за нее в бою.
Не запятнай же чистоты,
Куда бы ты ни правил путь.
И если мать забудешь ты —
Армянской речи не забудь!

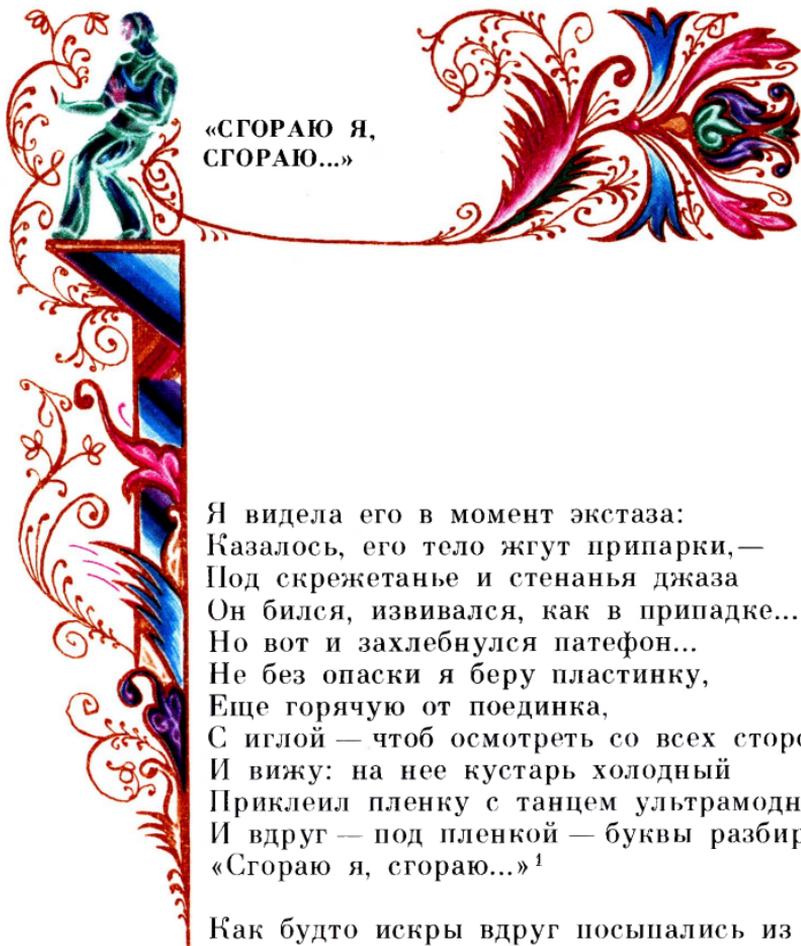

КАРАБАХСКОЕ НАРЕЧИЕ

Язык этот, словно скала, неотесан,
И древен и груб, как будто скала.
И тверд и упорен, как будто утес он —
Его бы и буря разбить не смогла.
В народ навсегда неколеблемо врос он,
Как горная цепь в эту землю вросла...

«СГОРАЮ Я,
СГОРАЮ...»

Я видела его в момент экстаза:
Казалось, его тело жгут припарки,—
Под скрежетанье и стенанья джаза
Он бился, извивался, как в припадке...
Но вот и захлебнулся патефон...
Не без опаски я беру пластинку,
Еще горячую от поединка,
С иглой — чтоб осмотреть со всех сторон.
И вижу: на нее кустарь холодный
Приклеил пленку с танцем ультрамодным.
И вдруг — под пленкой — буквы разбираю:
«Сгораю я, сгораю...»¹

Как будто искры вдруг посыпались из глаз...
Душа от гнева и от боли сжалась.

¹ «Сгораю я, сгораю...» — старинная армянская песня, обработанная армянским композитором Комитасом.

Мне показалось: здесь мой Комитас
Вот в этой самой комнате сейчас
Вторично гибнет — так мне показалось...

Юнец, с горячим блеском черных глаз,
Красивый, точно сам Ара Прекрасный!
А ты подумал,— сколько надо было
Твоим далеким прадедам неспроста
Любви, душевной стойкости и силы,
Сквозь смуту всех веков ключами бьющей,
Чтоб песня, с уст седых певцов слетев,
Пришла к нам, устояв и уцелев,
И стала бы пластинкою поющей?!

И вот мальчишка, сбившийся с тропы,
Ты с легкостью — ценитель звуков тонкий! —
Ту песню душишь липким слоем пленки,
Коньками взбесившейся трубы...
Постой, остановись!

Не дай втянуть
Себя в водоворот безумный,
Чтобы, подобно веточке бездомной,
Теряя путь,
Забыв свой ствол, без сока, без корней,
Носился ты среди чужих камней
И, наконец, без трав родных, без скал,
Без роду и без племени — пропал...
Не допусти — а ты, ты топчешь сам, —
Чтоб то, чего не удалось врагам
Достичь в веках мечом и ятаганом,
Вдруг удалось бы вкрадчивым словам,
Улыбкам,
Ритмов жалкому дурману!..

Сорви огонь с нее — скорей сорви,
Взгляни, в клею пластинка иль в крови?
Прислушайся: под пленкою чужой
К нам песня рвется раненой душой,
Она зовет, к нам руки простирая:
«Сгораю я, сгораю...»

ВХОДИТЕ К НАМ

Люблю сумятицу суббот,
Когда, приехав из селенья,
Племянники — лихой народ —
Ворвутся без предупрежденья.

Работа, отдых —
Все вверх дном!
Взывает мама: — Ноги, ноги!.. —
Куда там!
На подошвах в дом
Несут едва ль не полдороги!

Хохочут — гам стоит вокруг! —
И пахнут ветром и деревней,
И лезут в бабушкин сундук,
И мучат мой приемник древний...

Но с этой осени у нас
Ведут себя мальчишки чинно:
Едва придя ко мне — тотчас
Спешат ребята к пианино.
И мир настроженно-тих,

И мальчики играют вволю
Все то,
Чему учили их
В новорожденной сельской школе.

И вечер светел и широк,
И я откладываю книжку,
И резвый, маленький «Сурок»
Бежит по комнатам вприпрыжку...

Бетховен!
Ты издалека
Приходишь нынче в город, в дом мой,
Из той деревни, что века
Лишь с песней гор была знакома.
Лишь грусть ашуга пела там,
Был в камень горизонт закован.

Великие, входите к нам,
Добро пожаловать, Бетховен!..

ОРЕХОВОЕ ДЕРЕВО

Армянам за рубежом

Мой древний народ, мой мудрый народ,
С ореховым деревом ты сравним:
Ты в мира саду, средь горных высот,
Рос в самом конце, под ветром сухим.
Так мало земли под стволом твоим,
И так распростерты руки ветвей,
Что падали век за веком вдали
Плоды, вскормленные кровью твоей,
На пыльные тропы чужой земли...

«МАРСЕЛЬЕЗА»
В АРМЯНСКОМ
СЕЛЕ

Все на столе уже давно
Расставлено, как надо:
И апшаракское вино,
И хлеб, и маринады.
Спускается вечерний мрак,
А здесь светло, как днем...
Доволен дядюшка Седрак
Гостями за столом!
— Спой «Марсельезу» нам, Мари,
А вы сидите тише!
Спой «Марсельезу» нам, Мари,
Да только двери отвори —
Пусть все вокруг услышат!
Всем песня будет по душе,—
Старик добавил веско.
И вот спешит к нему уже
С улыбкою невестка.
Не нужно дважды повторять,
Она начать готова!

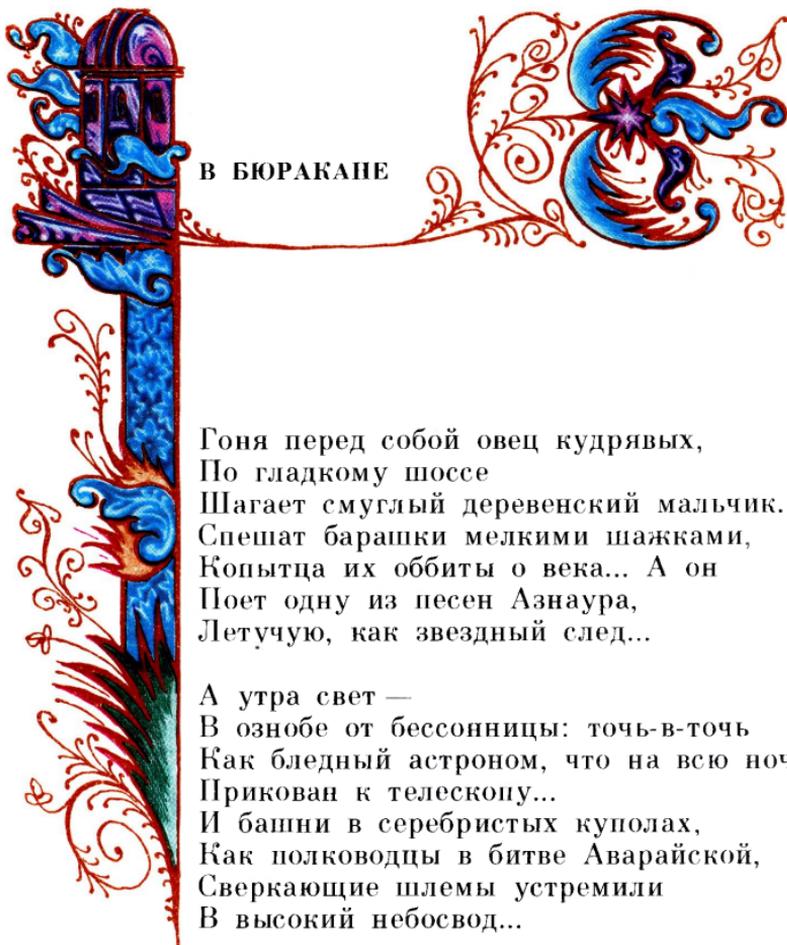
И вот, со лба откинув прядь,
Стройна и черноброва,
Мари запела.
Песни звук
Взлетает над столами.
В ее спокойном взгляде вдруг
Забушевало пламя.
Тот гимн поднявшейся зари,
Могучий, непреклонный,
Везла прядильщица Мари
Из дальнего Лиона.
Она твердила наизусть
Его и днем и ночью,
Она взяла его из уст
Бастующих рабочих.
А улица, людьми полна,
Как песня, бушевала,
Тогда казалось — вся страна
Под «Марсельезу» встала.
Тогда она — в который раз! —
Звала народ в атаку,
Звучавшая вот здесь, сейчас,
У дядюшки Седрака...

Старик сияет сам не свой,
Он смотрит на певичку,
Репатриантку-снохой
Не может нахвалиться!
Пусть он не знает языка
(Греха таить чего же!),
Но песня так ему близка,
Что он сидеть не может,
Так ясно, что ни говори,

Он понял, в чем тут дело,
Как будто песню ту Мари
Не по-французски пела.
— Односельчане и друзья!
Стакан свой, полный света,
С любовью поднимаю я
Сейчас за песню эту.
Тот, кто сумел ее сложить
И мужество в нее вложить,
Борьбою окрыленный,
Тот, верю я, не сможет жить
Врагом порабощенный...—
И каждый за столом встает
И, чокаясь с волнением,
Пьет за французов — за народ,
Не вставший на колени,
За «Марсельезу», чтоб жила
Она в сердцах миллионов, —
Сегодня жители села
Пьют за ткачей Лиона
На новой, радостной земле,
Поднявшейся из мрака,
В армянском маленьком селе,
У дядюшки Седрака...

В БЮРАКАНЕ

Гоня перед собой овец кудрявых,
По гладкому шоссе
Шагает смуглый деревенский мальчик.
Спешат барашки мелкими шажками,
Копытца их оббиты о века... А он
Поет одну из песен Азнаура,
Летучую, как звездный след...

А утра свет —
В ознобе от бессонницы: точь-в-точь
Как бледный астроном, что на всю ночь
Прикован к телескопу...
И башни в серебристых куполах,
Как полководцы в битве Аварайской,
Сверкающие шлемы устремили
В высокий небосвод...

Поет
Идущий мальчик, мне напомнив
Свободной, независимой походкой

И выправкой уверенной своей —
Кого? Не самого ль Амбарцумяна?
Взаимосвязь таинственна и странна
Меж ними — как меж небом и землей...

Ночной покой...
Сквозь вырубленный в крыше Бюракана
Ердык — вселенная видна.
Созвездиями сыплется она
Сквозь телескоп к мальчишке на подушку
И счастье сулит,—
Как в давние года
Одна звезда...

Хотя черны их глазенки круглые
И угольками горят-горят.
Гамлеты, маленькие и потешные,
Над мудрыми книгами еще не потевшие,
Штанишки свои по заборам рвущие,
Бегущие от матерей за порог...
Еще невдомек им: а что оно — лучшее?
А где она — лучшая из дорог?
«Быть иль не быть?» —

сомнение жгучее

Их не касалось еще и не мучило,—
Но всем своим безоблачным обликом,
Обликом, солнечным светом облитым,
Но громким топотом и весельем,
Здоровьем, которого не погасить,
В мир устремленным взглядом весенним:
«Быть! — они утверждают. —

Быть!...»

РУССКОМУ ДРУГУ

Поэтессе Марии Петровых

Высокая дружба подмены не хочет,
Не нужно ей фальши и лести ничьей.
Бывает, что чистые чувства порочат
Потоком неискренних, праздных речей.

Словами, подобными липкому тесту,
Спешат доказать, что, мол, слаб я и мал,
И к месту подчеркивают и не к месту,
Что жизнь и дыхание кто-то нам дал.

Мне попросту хочется снова сегодня
С тобою, сестра моя, поговорить.
Как быть, чтоб слова зазвучали свободней,
Чтоб с праздными их не посмели сравнить?!

В Звартноце мы встретились... Что-то большое
Светилось во влажных глазах, в глубине.
Ты — тоненькая — мне казалась свечою,
Сгорающею на своем же огне.

И мы подружились. И стала ты другом
Заветной, как памятка, древней страны,
Коснулась ты с благоговейным испугом
Души ее, словно письмен старины.

И ты увидала, как в глуби колодца,
Бездонное горе — наш давний удел,
И то, как, поднявшись из праха Звартноца,
Орел на колонны из туфа взлетел.

Как я, ты гордишься красой наших песен,
Без скидки осудишь любой наш порок,
И не покровителем — другом без спеси
Ты переступила наш новый порог.

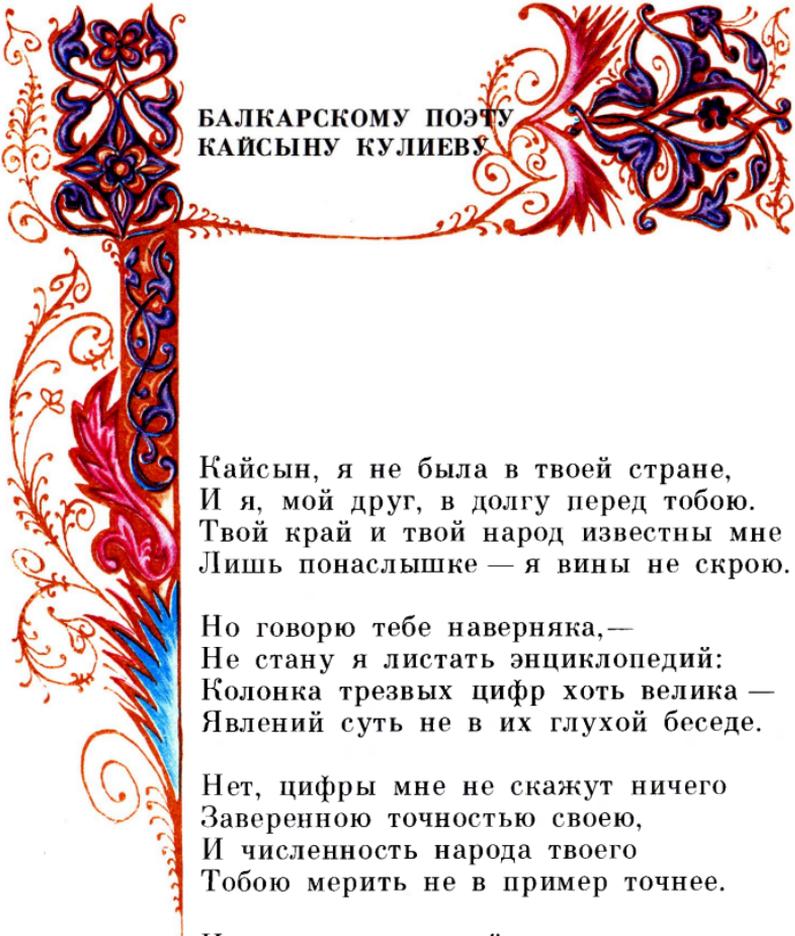
Сестрой ты бываешь мне в грусти и горе,
Защитником-братом в опасности час,
Когда ошибаюсь, взволнованно споря,
Меня исправляешь, любя, горячась.

Когда обижаюсь на мир, на тебя я,
Прощаешь ты мне охлаждение мое,
Смеешься, когда, чувство меры теряя,
Без удержу славлю я только свое...

И пусть друг от друга живем далеко мы, —
Я знаю, что в снежной Москве для меня
Открыты всегда двери доброго дома,
Что есть у тревожного сердца родня.

Мне кажется: предки в тоске о свободе
Искали такого тепла и добра,
Когда говорили о русском народе —
Они о тебе говорили, сестра!..

БАЛКАРСКОМУ ПОЭТУ
КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ

Кайсын, я не была в твоей стране,
И я, мой друг, в долгу перед тобою.
Твой край и твой народ известны мне
Лишь понаслышке — я вины не скрою.

Но говорю тебе наверняка, —
Не стану я листать энциклопедий:
Колонка трезвых цифр хоть велика —
Явлений суть не в их глухой беседе.

Нет, цифры мне не скажут ничего
Заверенною точностью своею,
И численность народа твоего
Тобою мерить не в пример точнее.

И территорию твоей страны
Я уточню души твоей простором.
В могучих реках голоса волны
Твой стих не заглушат стозвучным хором.

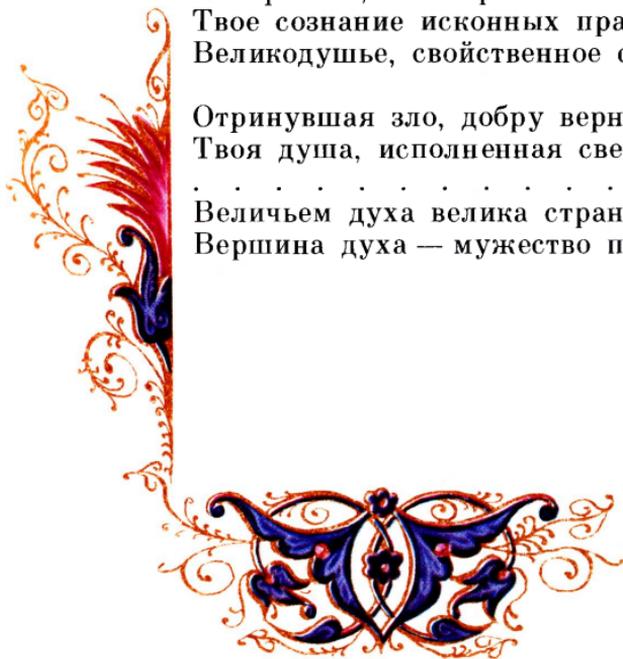
Сравнится ль щедрость всех полей земных
С твоей душой, распахнутой и чистой?
Тропинкой восходящих строк твоих
Я поднимусь, Кайсын, в твой край гористый.

Мне лишь дыхание твоей строки
И жизнь твоя о нем доверят тайны.
Всем фактам и всем цифрам вопреки
Увижу, что Балкария — бескрайна.

О ней расскажет мне твой гордый нрав
И верность, о которой не забыли,
Твое сознание исконных прав,
Великодушье, свойственное силе.

Отринувшая зло, добру верна
Твоя душа, исполненная света...

Величием духа велика страна,
Вершина духа — мужество поэта.

НА ЮБИЛЕЕ
ДЖАМБУЛА
В АЛМА-АТЕ

Мы слетелись, друзья, из неведомых далей.
Как дышалось легко на высоком пути!
И как будто затем самолет создавали,
Чтоб могли мы друг друга скорее найти.

Пусть один от другого росли далеко мы
И в глазах отразился несхожий рассвет, —
Мы беседуем так, будто с детства знакомы
Иль друг друга искали мы с детских лет.

Ведь от северных вьюг до бесснежного юга —
Мы единой семьи, что любовью крепка.
Но могли ли мы, братья, понять друг друга,
Если б не было русского языка?

СОЛНЦЕ
В ЛЕНИНГРАДЕ

Я выросла у склонов Арарата,
Где солнце источает блеск и жар
Без устали до самого заката.
А здесь его лучи — бесценный дар.

Теперь я знаю, как они желанны!
Сквозь дождь бросает солнце ясный взгляд
И, озаряя небосклон туманный,
Внезапно обнимает Ленинград.

Все засияло...

Солнце приютила
В своем теченье гордая Нева.
Оно гранит прибрежный осветило,
Мосты, оград чугунных кружева.

Спокоен бег волны, в гранит зажатой,
И сумрачный светлеет паранет.
И ожил, розовея, мрамор статуй,
Как будто кровью изнутри согрет.

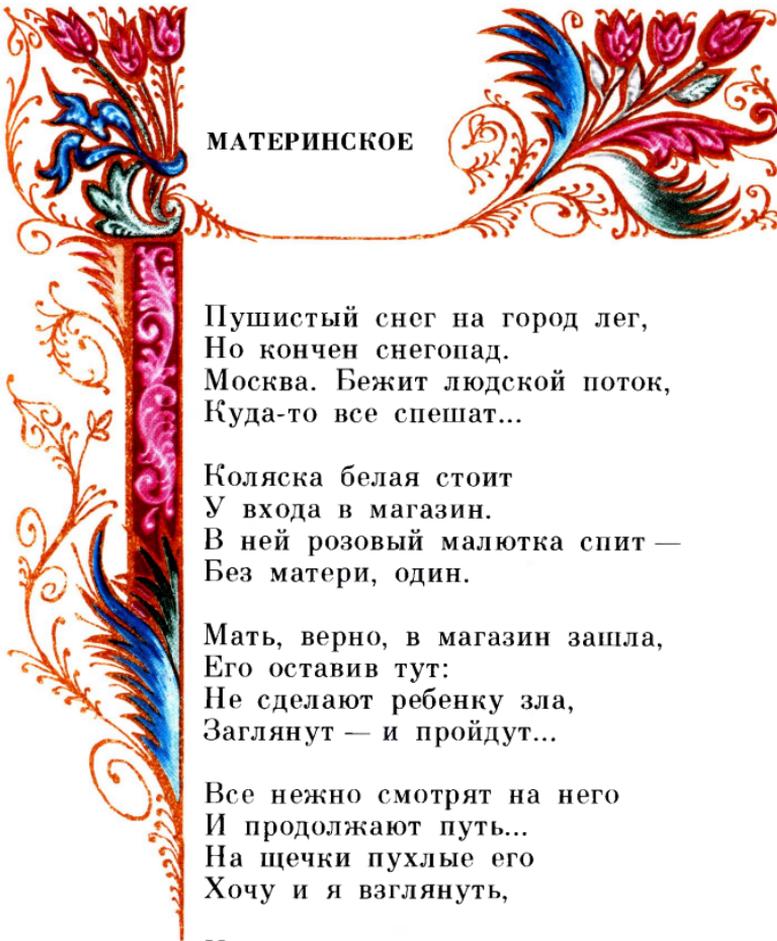

Как зеркало, асфальт сияет гладкий.
Дробятся в каплях яркие лучи.
По мокрым тротуарам ленинградки
Проходят, сняв прозрачные плащи.

Навстречу солнцу белые коляски
Спокойно потекли со всех сторон.
Его теплу и свету, словно ласке,
Детишки улыбаются сквозь сон.

Глаза людские озарились блеском.
Казалось, все прохожие — друзья.
Недаром, солнце повстречав на Невском,
Как земляку, обрадовалась я.

МАТЕРИНСКОЕ

Пушистый снег на город лег,
Но кончен снегопад.
Москва. Бежит людской поток,
Куда-то все спешат...

Коляска белая стоит
У входа в магазин.
В ней розовый малютка спит —
Без матери, один.

Мать, верно, в магазин зашла,
Его оставив тут:
Не сделают ребенку зла,
Заглянут — и пройдут...

Все нежно смотрят на него
И продолжают путь...
На щечки пухлые его
Хочу и я взглянуть,

И целовать, и ощущать
Их нежный холодок!..
На крошку я смотрю, как мать, —
Далёко мой сынок!

Шепчу, склоняясь, над чужим:
«Мой милый, мой родной,
Ты не узнаешь, как любим
Ты матью одной.

Спи, маленький, спи, дорогой,
Спи, нежный мой цветок,
Ты — радость матери другой,
Родной земли росток!..»

В ЛЕСАХ ПОДМОСКОВЬЯ

1. Белая береза

Белая береза, стройная береза
В подмосковной роще, около ручья...
О тебе, далекой, тосковала я.
Ты мне снилась часто на краю откоса,
Осенью, в грозовый сорок первый год,—
Ствол твой изувечен, ветер ветви рвет,
Белая береза, пленная береза!

Отшумели бури, отгремели грозы.
Средь сестер стоишь ты, заново жива.
Вновь зазеленела на ветвях листва,
На листве зеленой заблестели росы,
И осколок мины, что застрял в стволе,
Вывалился наземь, ржавеет в земле,
Белая береза, вольная береза!

Что же на глаза мне набегают слезы,
И сжимает сердце гневная тоска,

И кору погладить тянется рука.
Шрам твой чуть приметен, изнутри зарос он,
Раскаленной боли потемневший след,
Памятка недавних легендарных лет,
Белая береза, стройная береза!

2. Здесь

Здесь наше все, — навек, исконно,
Со дня рожденья, с малых лет,
И этот домик трехконный
Под вывескою «Сельсовет»,
И тропка вдоль лесного ската,
И песня, что звенит над ней,
И в красных галстуках ребята
Из пионерских лагерей.
Простых, родных названий прелесть:
Вертушино, Бородино,
И трепетной березки шелест —
Все русской музыки полно.
Не скажешь ни за что на свете,
Под сенью вешнего леска,
Что оглашал раздолья эти
Картавый окрик чужака.

3. Девочка в лесу

Она еще совсем мала —
Лет пять на свете прожила,
А здесь, в лесу, полно чудес,
Как сказка, манит темный лес.

Откуда Оле знать о том,
Что бой гремел в лесу густом,
Что эти ямы в два ряда
Звались траншеями тогда!

И Оля дальше в лес бежит,
От мамы спрятаться спешит.
Вот яма на ее пути,
Здесь маме дочку не найти.
Откуда Оле знать о том,
Что стойкий взвод в лесу густом
В окопах двадцать дней лежал
И оборону здесь держал!

И Оля вновь бежит вперед,
Как сказка, лес ее влечет.
В другую яму забралась,
Срывает ягоды смеясь.
Откуда Оле знать о том,
Что каждый шаг в лесу густом,
Веселый путь среди цветов
Оплачен кровью смельчаков!

Откуда Оле знать о том!

4. Земля

Здесь, в дремучей чаще, в сердце леса,
Землю изувечила война.
Но истлело ржавое железо,
Темная воронка чуть видна,

Вся позаросла травкою нежной,
Старый дуб раскинул корни в ней,
И уютно, мирно, безмятежно
Белый гриб уселся меж корней.

Ель широколапая над краем
Прикрывает трещины земли,
Всюду, всюду, всюду — нет числа им,
Незабудки ярко расцвели.

Нет, мы не забыли, не забудем,
Даже в этом полдне голубом,
Что земля цветет на радость людям,
Что земля цветет не ради бомб!..

В московском говоре весеннем,
В его прощании с зимой
И колдовством, и откровеньем
Звучит акцент армянский мой.

К рассвету побледнеют лампы,
Настанет полдень, как вчера,
Разлуку не смущают штампы:
Дороги, полдни, вечера.

Пускай сиянье водопада
Исходит от летящих дней!
Пусть будет нежная награда —
Старанье памяти твоей

Рас слышать в говоре весеннем,
В прощании Москвы с зимой,
Как давним, дальним откровеньем
Звучал акцент армянский мой...

НА ПОЛЯХ УКРАИНЫ

Шумит пшеница, словно море,
Тяжелой солнечной волной.
Колосья зреют на просторе,
Обвить готовы шар земной.

Им путь не преграждают межи,
Не угрожает суховей.
Хранит запас прохлады свежей
Густая сень лесных ветвей.

Блестят на солнце налитые,
Густые, спелые хлеба —
Точь-в-точь колосья золотые
Отечественного герба.

ПОД КИЕВСКИМИ КАШТАНАМИ

1. Любовь

Я о тебе еще в шестнадцать лет
Мечтала, как умела, по-армянски,
И все слова, нежней которых нет,
Шептала я несмело по-армянски.

С твоих больших неведомых дорог
Звала тебя, бывало, по-армянски,
О том, как ты прекрасен и высок,
В стихах я рассказала по-армянски.

Как знать могла я, что любовь свою
(В Армении поем мы по-армянски!)
Когда-нибудь потом я воспою
На языке другом, не по-армянски!

2.

Иду... Из-под ног уплывает земля...
Качайтесь, качайтесь, каштаны!
Я жду — не появится ль радость моя?
Встречайте, встречайте, каштаны!

Как быстро темнеет! Не видно ни зги,
Уймите тревогу, каштаны!
Вы слышите, вы узнаете шаги?
Откройте дорогу, каштаны!

Шаги замолкают... И вновь никого...
Печальтесь, печальтесь, каштаны!
Машите ветвями, зовите его.
Качайтесь, качайтесь, каштаны!

3.

Мы идем по Крещатику.
Только не рок и не случай
Свел нас здесь в этот час,
на земле украинской твоей:
С детства рядом мы шли
под сияньем кремлевских огней,
Оба мы подрастали
в союзе народов могучем.

Под листвою шелковиц
и под сенью каштанов зеленых
Во дворах нас обоих
Чапаев в атаки водил;
И прославленный Чкалов
на полюс с собой увозил,

Уносил нас обоих,
одною мечтой окрыленных,

И в театре Франко, и в театре моем
мы Любовь Яровую сто раз вызывали
Сундукияна
подряд...

А когда над землею твоей
разорвался снаряд,
Долетели осколки
до стен моего Еревана.

Шел ты первым на приступ,
бойцов за собой увлекая,
Я шагала с тобой
на далеких путях фронтовых.
Вместе в Киев вошли мы
и слез не скрывали своих,
Оба вышли на площадь мы
утром девятого мая.

Сколько трудных дорог
остается у нас позади!
Мы идем по Крещатику.
Машут калины ветвями.
Сколько новых путей
устремляется вдаль перед нами...
Где б ты ни был — в грядущее,
знаю,
нам рядом идти!

4. Прощание

Мой дом вдали, за желтыми горами...
Звонок... Другой... Настал прощанья час,
И равнодушно, не считаясь с нами,
Спокойный поезд разлучает нас.

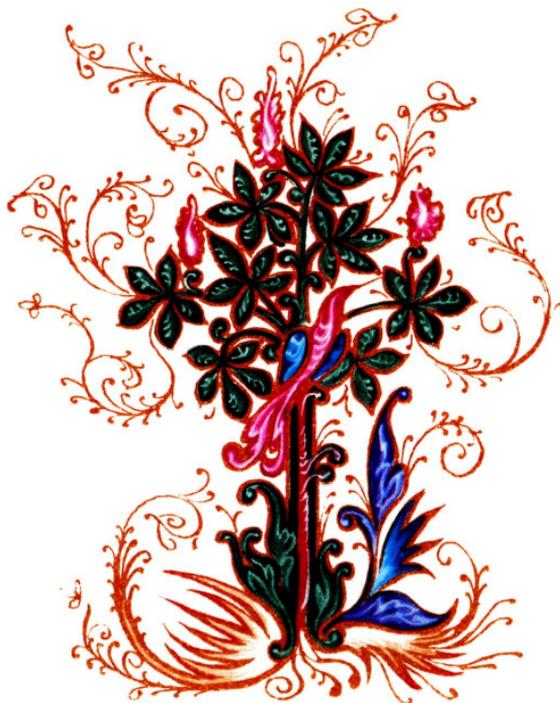
Остался за лесами белый Киев,
Бегут столбы, за окнами скользя.
Передо мной твои глаза, такие,
Синей которых выдумать нельзя.

Тряхнул наш поезд серой гривой дыма,
Зажглась на небе дальняя звезда.
Плывут поля, бредут деревья мимо,
И остаются сзади города.

Со мной в пути далекий белый Киев,
Бегут столбы, за окнами скользя...
Передо мной твои глаза, такие,
Синей которых выдумать нельзя.

Армения!.. В окошках ранний вечер,
И на чинары оседает дым.
Как братья, горы вышли мне навстречу,
Окрашены закатом золотым.

Меня места встречают дорогие,
Встречают черноглазые друзья...
Передо мной твои глаза, такие,
Синей которых выдумать нельзя.

НА ДАЛЬНИХ ДОРОГАХ

Плывут, уплывают на юг облака,
А поезд на север спешит, и вокруг
Поля колосятся и даль широка...
Плывут облака, уплывают на юг.

Тоска по Армении сжала мне грудь.
Когда бы на миг очутиться мне там
И облаком белым неслышно прильнуть
К неласковому, дикому, скалистому горам!

**ДУМА
О ЛАВРОВОЙ
ВЕТВИ**

Смотри!
Идет через цех прокатный
Плакат кумачовый, огромен и нов:
«На этих станках работает
знатный

Рабочий
Василий Пономарев».
И заводским художником нашим
Лавровою веткой плакат украшен...

Прославленный лавр!
Он листовой чеканной,
Надменною царственной бронзой блистал,
Вплетался в кудри тщеславных тиранов
И лысины цезарей обвивал.
Его на щитах малевали бароны,
Им короли украшали короны.
В мансардах
Годами корпели ваятели,
С трудом высекая листву для венца
На медную голову завоевателя,

На белый холодный лоб мудреца...
Но вот —

идет через цех прокатный
Плакат кумачовый, огромен и нов:
«На этих станках работает
знатный

Рабочий
Василий Пономарев».

И заводским художником нашим
Лавровую ветвью плакат украшен.

Великий смысл в этой ветви лавровой
Над скромной фамилией Пономарева!

ПИСЬМО
НАЧАЛЬНИКУ СТРОИТЕЛЬСТВА
ТОВАРИЩУ БОЧКИНУ

Дорогой товарищ Бочкин, обращаюсь к Вам
с письмом,
Пусть не кажется Вам странным то, о чем пишу
я в нем.

Вот сидят передо мною рядом шестеро ребят,
Огорченьем и надеждой взоры юношей горят.

Я в глаза ребят вгляделась, к их прилушалась
словам
И причину их волнения сообщить решила Вам.

Вшестером послали в детстве их в училище одно,
Шестерым по окончанье званье токаря дано.

Вшестером они трудились и гуляли в выходной,
По одним учились книгам, жили в комнате одной.

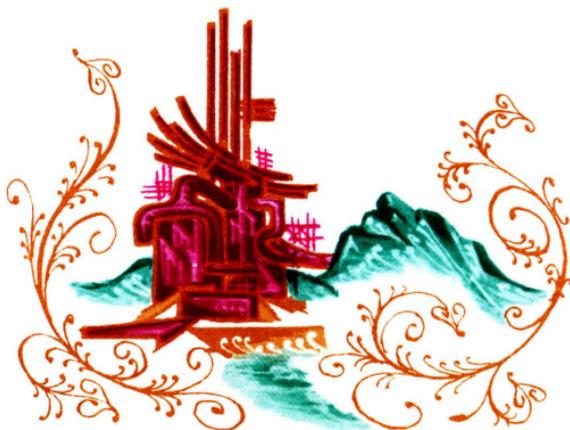
Всё на шесть частей делили. И когда ложились
спать,
Так друг дружку укрывали, как когда-то в детстве
мать.

И сильней забьется сердце, и яснее станет взгляд.
Так что, думаю, не стоит огорчать таких ребят.

Просто в виде исключения, на себя приняв «вину»,
Предоставьте в общежитье всем им комнату одну.

Пусть приказ о деле этом Вами будет срочно дан.
С самым дружеским приветом. Подпись:

С. Капутикян.

ВЕЧЕР

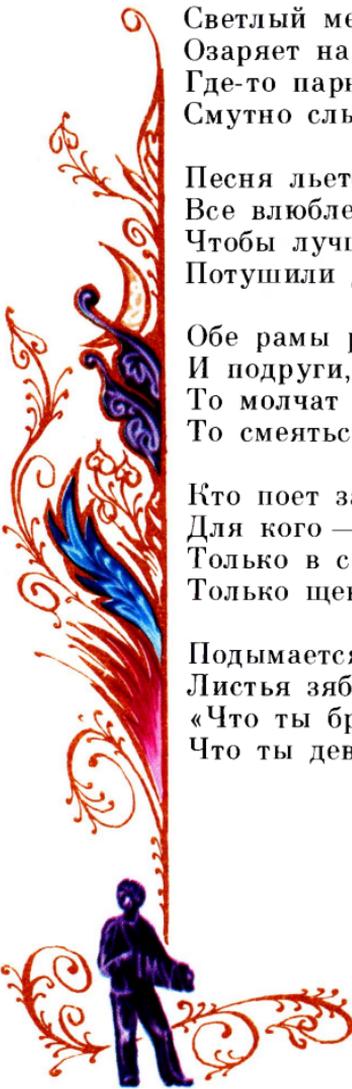

Потянуло вечерней прохладой,
Тонкий месяц на тучку прилег,
В общежитье девичья бригада
Возвратилась в положенный срок.

Восемь каменщиц, восемь ровесниц,—
Всем восьми — девятнадцатый год...
Вспоминается девушкам месяц,
Что над дальним колхозом плывет.

Пропыленные сняты спецовки,
Разноцветные блузки легки...
Смуглолицая нежно и ловко
Поливает на окнах вьюнки,

Черноглазая матери пишет,
Белокурая косу плетет...
Только что эти девушки слышат?
Кто под окнами с песней идет?

Светлый месяц все выше восходит,
Озаряет на стройке леса,
Где-то парни веселые бродят,
Смутно слышатся их голоса.

Песня льется все мягче, все тише,
Все влюбленной вздыхает гармонь...
Чтобы лучше тоску ее слышать,
Потушили девочки огонь.

Обе рамы распахнуты настежь,
И подруги, обнявшись в тиши,
То молчат от неясного счастья,
То смеяться начнут от души.

Кто поет за окном — неизвестно.
Для кого — непонятно еще.
Только в сердце от радости тесно,
Только щеки горят горячо.

Подымается месяц высоко,
Листья зябкие тронула дрожь...
«Что ты бродишь, гармонь, одиноко,
Что ты девушкам спать не даешь?..»

ПЕСНЯ ДОРОГ

Как хорошо порой покинуть
И дом и город свой родной
И в мир, что пред тобой раскинут,
Отправиться совсем одной!
Где на земле еще дороги
Так бесконечно хороши?
Где ветер странствий и тревоги
Так освежающ для души?

Пусть иногда меня не знают,
Откуда я, иду куда,—
Но незнакомую встречают
Гостеприимством города.
Как хорошо в краю далеком
По новым улицам пройти
И в лицах, что глядят из окон,
Родное, близкое найти!

И сблизиться со всеми, зная,
Что здесь везде твоя семья
И что везде ты как родная,

И со своими, и своя.
Где сразу станешь близкой всем ты,
Увидишь столько доброты,
Когда хоть робко, хоть с акцентом
Заговоришь по-русски ты.

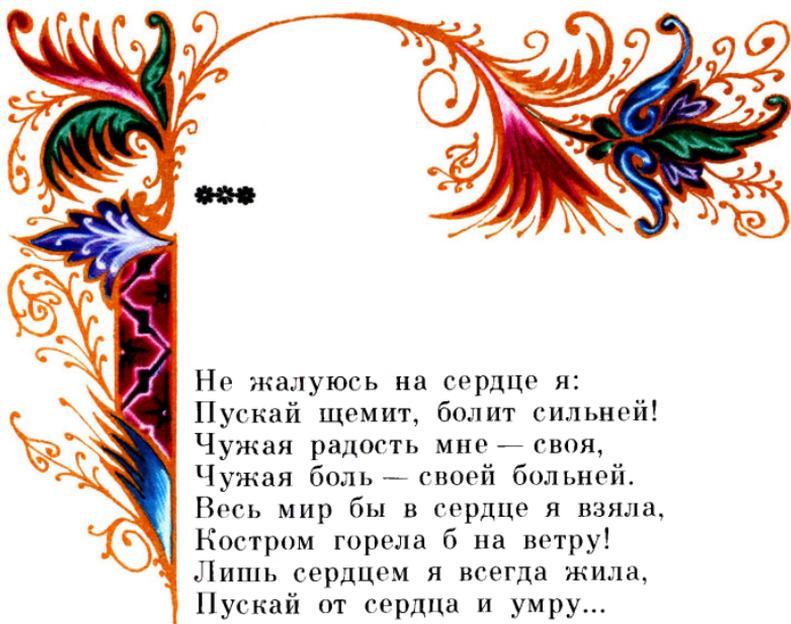
Как хорошо, душою доброй
Вобрав всей Родины простор,
Вернуться освеженной, бодрой
К подножью белоснежных гор,
Войти к друзьям и с жаждой новой
Вино своих садов испить
И под родимым кровом снова
Трудиться, радоваться, жить!..

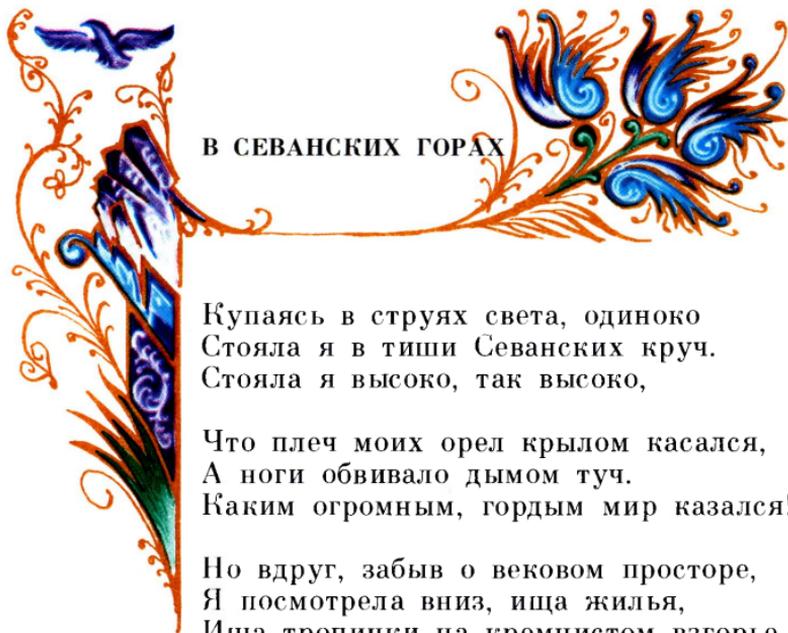
**ТЕБЕ,
ЧЕЛОВЕК**

Не жалуясь на сердце я:
Пускай щемит, болит сильнее!
Чужая радость мне — своя,
Чужая боль — своей больней.
Весь мир бы в сердце я взяла,
Костром горела б на ветру!
Лишь сердцем я всегда жила,
Пускай от сердца и умру...

В СЕВАНСКИХ ГОРАХ

Купаясь в струях света, одиноко
Стояла я в тиши Севанских круч.
Стояла я высоко, так высоко,
Что плеч моих орел крылом касался,
А ноги обвивало дымом туч.
Каким огромным, гордым мир казался!

Но вдруг, забыв о вековом просторе,
Я посмотрела вниз, ища жилья,
Ища тропинки на кремнистом взгорье.
По человеку стосковалась я!..

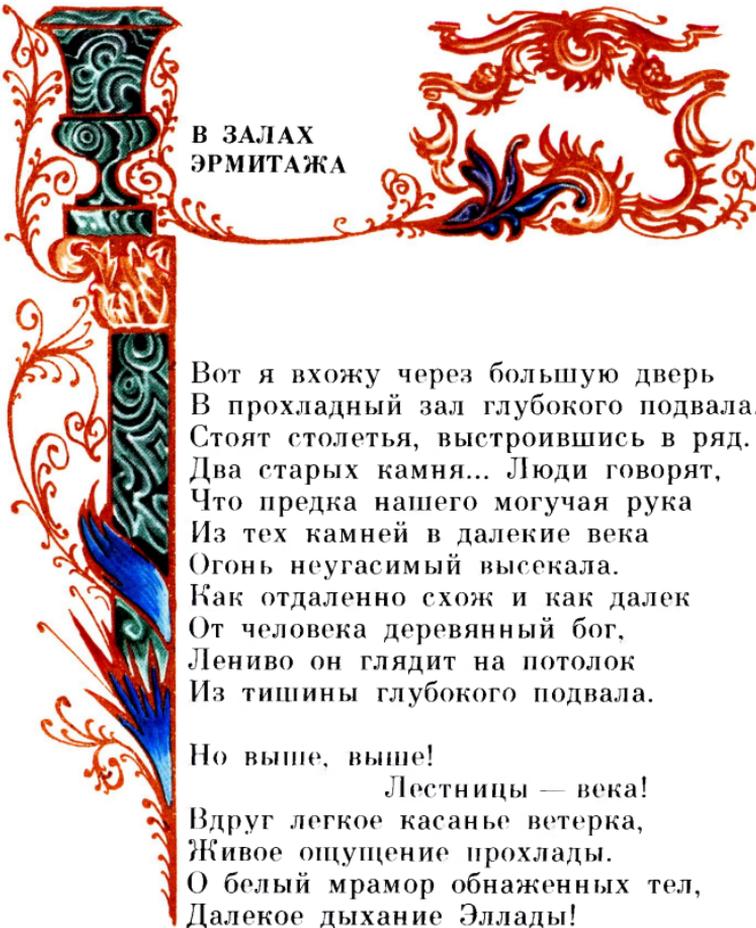
ЖИЗНЬ МОЯ

Словно убывающий Севан —
Жизнь моя... Бессонно мчатся годы.
Так Зангу несется сквозь туман
И севанские уносит воды.
Время каждой капле счет вести!
Жизнь моя, стремительней, бесстрашней
Закружи турбины на пути,
Напои сады, баштаны, пашни,
Одинокий тополь на скале,
Виноградник в поле знойным летом, —
Каждой каплей послужи земле,
Все отдай — и позабудь об этом.

В каждом доме стань теплом и светом,
Стань вином и хлебом на столе...

A large, ornate initial letter 'В' in green and blue, decorated with intricate floral and scrollwork patterns in red and gold. To the right of the letter is a horizontal floral ornament with similar colors and designs.

В ЗАЛАХ
ЭРМИТАЖА

Вот я вхожу через большую дверь
В прохладный зал глубокого подвала.
Стоят столетья, выстроившись в ряд.
Два старых камня... Люди говорят,
Что предка нашего могучая рука
Из тех камней в далекие века
Огонь неугасимый высекала.
Как отдаленно схож и как далек
От человека деревянный бог,
Лениво он глядит на потолок
Из тишины глубокого подвала.

Но выше, выше!

Лестницы — века!

Вдруг легкое касанье ветерка,
Живое ощущение прохлады.
О белый мрамор обнаженных тел,
Далекое дыхание Эллады!
Ее нетленной славой озарен, —
Неужто это камень бездыханный?
С чуть видною улыбкой Аполлон
Глядит на деревянного чурбана.

Но выше, выше!

Мир мужал и рос,
Гремели битвы, и века летели...
Распят Христос... Еще один Христос...
Улыбка матери святых и чище слез,—
Сияет светлый гений Рафаэля:
За окнами клубятся облака,
Но залы полны солнечного света.
Художника горячая рука,
Полотна Рубенса — огонь, вино и лето.

Но выше, выше!

Как ты хороша,
Живая неустанная душа,
В любви и в радости мудра и вдохновенна!
Она живет, страдая и греша,
В мазке Рембрандта и в резце Родена.
Как прост и как прекрасен человек,
Живущий устремленьями большими,
Дерзая и творя,
из века в век
Стремясь вперед, грядущего во имя!

Но выше, выше!

За окном гранит,
Седые гребни неевского простора.
А там вдали на якоре стоит,
Как часовой, великая «Аврора».
Она стоит, о город Октября,
На вечной вахте,
на бессменной страже.
Твой грозный зал, Октябрьская заря,
Открыл мне двери в залы Эрмитажа,

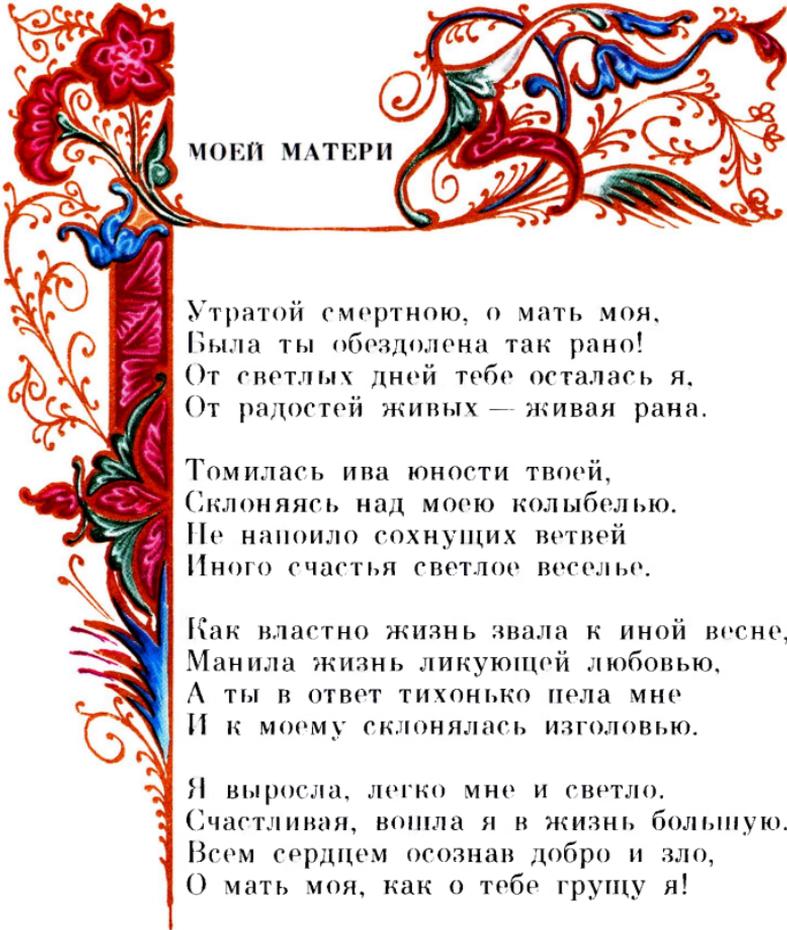
Вручил мне мировую красоту,
Все то, что создал гений человека,
Путь от подвалов каменного века
На нынешнюю нашу высоту
И дал наказ мне:

выше!

выше!

выше!

МОЕЙ МАТЕРИ

Утратой смертною, о мать моя,
Была ты обездолена так рано!
От светлых дней тебе осталась я,
От радостей живых — живая рана.

Томилаcь ива юности твоей,
Склоняясь над моею колыбелью.
Не напоило сохнувших ветвей
Иного счастья светлое веселье.

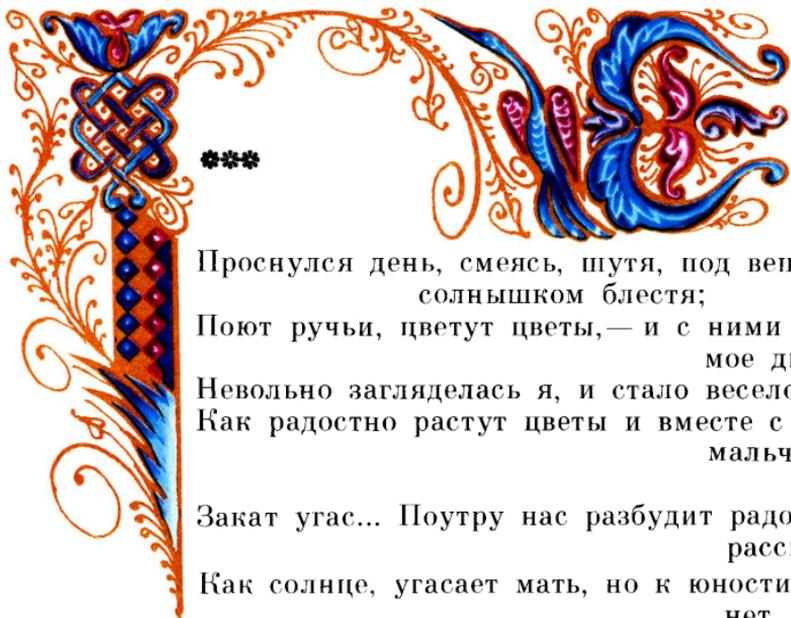
Как властно жизнь звала к иной весне,
Манила жизнь ликующей любовью,
А ты в ответ тихонько пела мне
И к моему склонялась изголовью.

Я выросла, легко мне и светло.
Счастливая, вошла я в жизнь большую.
Всем сердцем осознав добро и зло,
О мать моя, как о тебе гущу я!

Чем я воздам, печальница моя!
Мне так ясна немислимость отплаты,
А для тебя всего дороже я,
Со мною все мечты свои слила ты.

Я славы для себя не жажду, мать,
Но стать хочу я сильной, мудрой, смелой,
В пути моем тебя достойной стать,
Чтоб ты об отданном не пожалела.

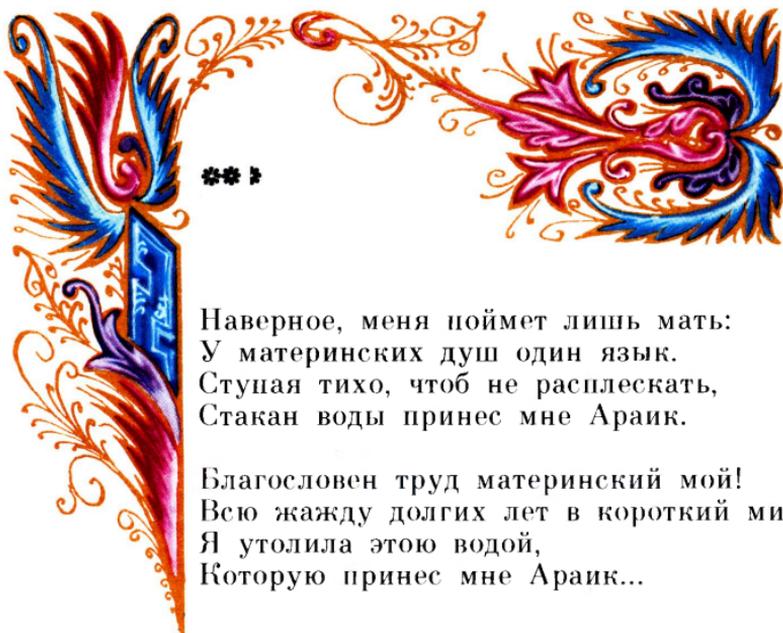

Проснулся день, смеясь, шутя, под вешним
солнышком блестя;
Поют ручьи, цветут цветы, — и с ними ты,
мое дитя.
Невольно загляделась я, и стало весело самой:
Как радостно растут цветы и вместе с ними —
мальчик мой.

Закат угас... Поутру нас разбудит радостный
рассвет.
Как солнце, угасает мать, но к юности возврата
нет.
И, слыша сердцем детский смех, с глубокой
болью
вижу я:
К земле склоняются цветы и вместе с ними —
мать моя.

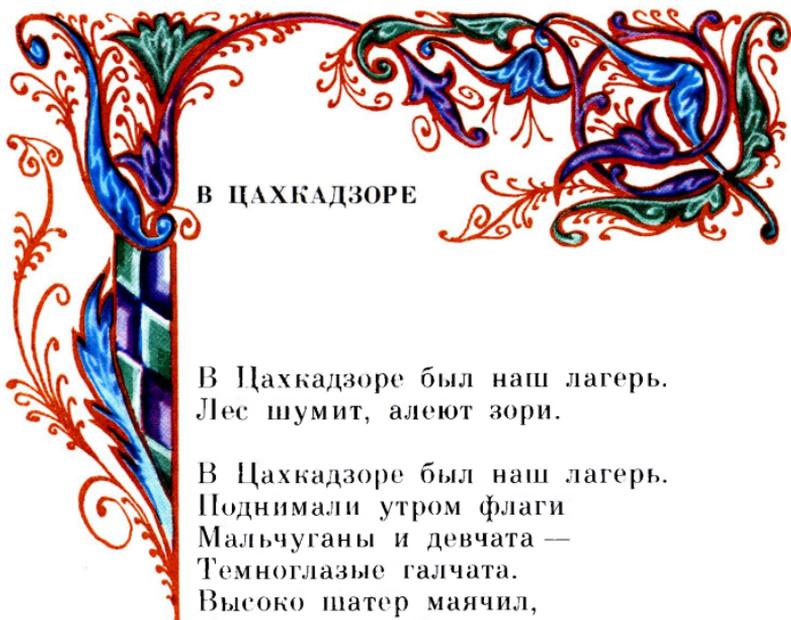

Наверное, меня поймет лишь мать:
У материнских душ один язык.
Стуная тихо, чтоб не расплескать,
Стакан воды принес мне Араик.

Благословен труд материнский мой!
Всю жажду долгих лет в короткий миг
Я утолила этою водой,
Которую принес мне Араик...

В ЦАХКАДЗОРЕ

В Цахкадзоре был наш лагерь.
Лес шумит, алеют зори.

В Цахкадзоре был наш лагерь.
Поднимали утром флаги
Мальчуганы и девчата —
Темноглазые галчата.
Высоко шатер маячил,
Долетал до неба мячик...
Как мы все костры любили!
Эти дни ушли, уплыли,
Но плывет дымок тот синий
В памяти моей доныне;
Будто, девочкой, играя,
Все дивлюсь огню костра я.
В Цахкадзоре, в Цахкадзоре
Тот же лес и те же зори.

Поднимаюсь лесом в гору,
Не спеша иду, не скоро:
Я веду с собой ребенка,
Он мне руку сжал ручонкой.

А потом бежит за птицей,
Пестрой бабочке дивится,
Мак срывает придорожный
И бегом назад тревожно —
Весь в пыли, устав от зноя, —
Вновь под крылышко родное.
Так бредем под солнцем летним
Мы путем тысячелетним.

В Цахкадзоре, в Цахкадзоре
Вечен лес, бессмертны зори...

ПЕСНЯ МАТЕРИ

Хочу я так воспеть тебя,
Слова такие подобрать,
Какими никогда, любя,
Ребенка не ласкала мать.

Осколок сердца моего,
Ты принял мир из рук моих.
Мой светлый, ясный, для кого
Таит тепло мой каждый стих!

Вчера едва ты лепетал
В своей младенческой поре,
А нынче школьником ты стал,
С детьми играешь во дворе...

Наш двор я вижу: ручеек
Бурлит, шелковица растет...
Здесь я играла, мой сынок,
Теперь и твой настал черед.

Все, что прошло в тени ветвей,
Все, что ручей унес давно.
Веселой резвостью твоей
Сегодня мне возвращено.

Ты словно — вижу я в окно —
Играешь в прятки и в снежки,
Не замечая, что давно
Осыпал снег мои виски,

Что взор тускнеет с каждым днем,
Подобно солнцу в облаках,
Но вспыхивает вновь огнем
В похожих на мои глазах.

Играй, мой мальчик, жизнь моя,
Мой мир — и прежний и другой,
Где заново рождаюсь я,—
Твой мир, сынок мой дорогой!

Хотела так воспеть тебя,
Слова такие подобрать,
Какими никогда, любя,
Ребенка не ласкала мать.

И что ж! Я знаю — песнь моя
Поется много сотен лет
И, вечно новое тая,
Хранит тысячелетий след...

СЫНУ

Ты не отличник, мой мальчик, нет,
Домой не приносишь грамот-наград,
И другие матери мне вослед
С доброй завистью не глядят.

Бабушка старенькая ворчит:
«Мячик да мячик — дни напролет!»
Соседка сердито ко мне стучит —
Видимо, жаловаться идет.

Но бывает, игру ты бросишь не раз,
И склонишься над бабушкой больной,
И взглядом живым в мой тяжелый час
Украдкой, с любовью следишь за мной.

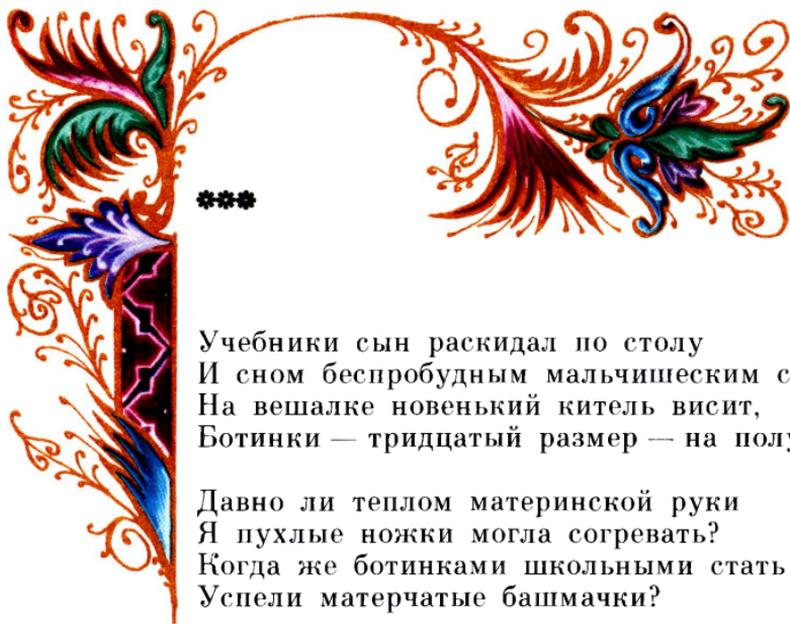
Но когда ты подаренный шоколад
Другу с охотой отдаешь,
Когда на защиту слабых ребят
В драке дворовой смело встаешь,

Я в глубине твоей вижу, сынок,
Под шероховатой и грубой корой,
Чистое золото, ясный поток,
Душа твоя светлая бьется порой.

Может, звездой тебе не блеснуть,—
Званий не будет, талантов нет,
Но сердцем раскройся, пускаясь в путь,
Сверкни и людям отдай свой свет,—

Но будь человеком, мой мальчик, будь!..

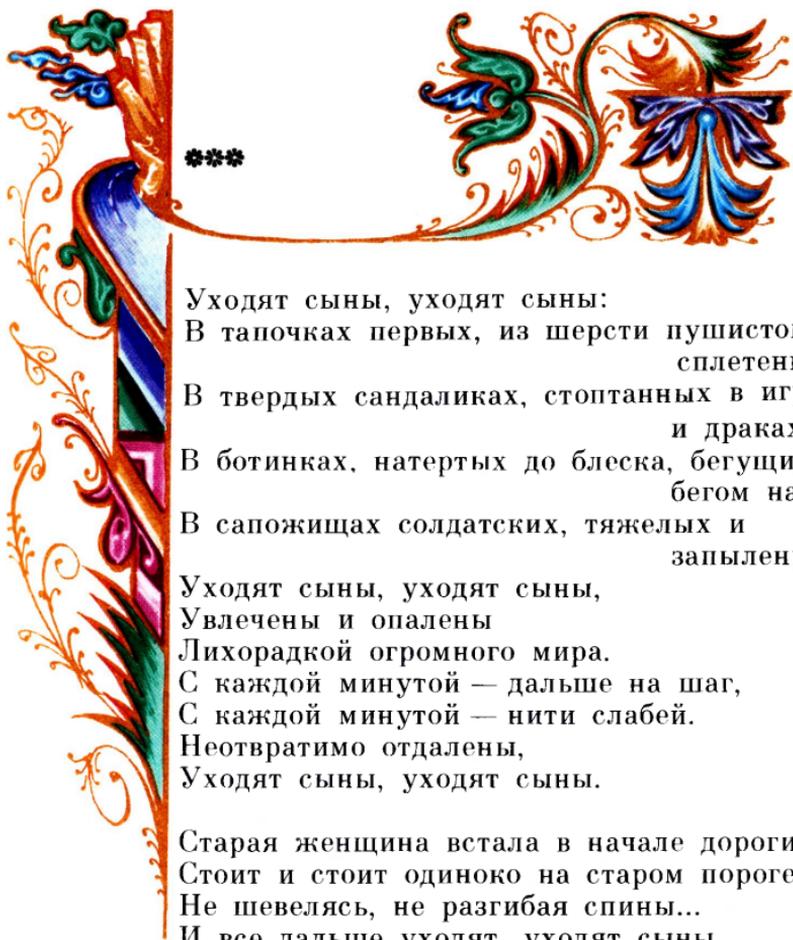

Учебники сын раскидал по столу
И сном беспробудным мальчишеским спит...
На вешалке новенький китель висит,
Ботинки — тридцатый размер — на полу...

Давно ли теплом материнской руки
Я пухлые ножки могла согреть?
Когда же ботинками школьными стать
Успели матерчатые башмачки?

Когда же мы столько успели, сынок,
прошагать?

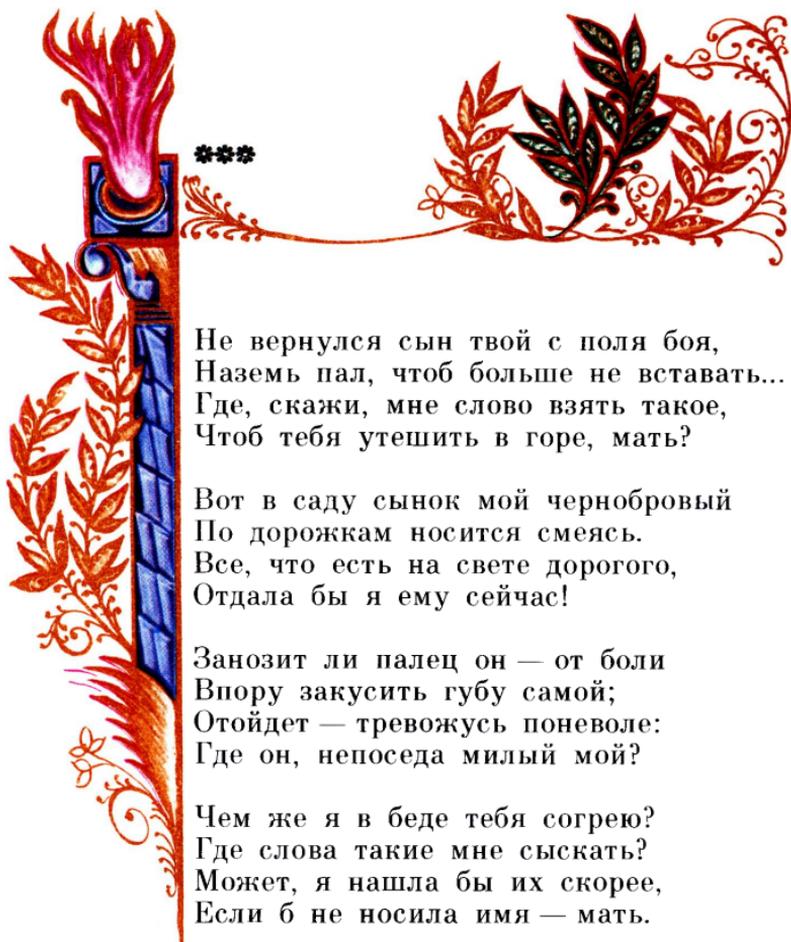

Уходят сыны, уходят сыны:
В тапочках первых, из шерсти пушистой
сплетенных,
В твердых сандаликах, стоптанных в играх
и драках,
В ботинках, натертых до блеска, бегущих
бегом на свиданье,
В сапожищах солдатских, тяжелых и
запыленных,

Уходят сыны, уходят сыны,
Увлечены и опалены
Лихорадкой огромного мира.
С каждой минутой — дальше на шаг,
С каждой минутой — нити слабей.
Неотвратимо отдалены,
Уходят сыны, уходят сыны.

Старая женщина встала в начале дороги.
Стоит и стоит одиноко на старом пороге,
Не шевелясь, не разгибая спины...
И все дальше уходят, уходят сыны.

Не вернулся сын твой с поля боя,
Наземь пал, чтоб больше не вставать...
Где, скажи, мне слово взять такое,
Чтоб тебя утешить в горе, мать?

Вот в саду сынок мой чернобровый
По дорожкам носится смеясь.
Все, что есть на свете дорогого,
Отдала бы я ему сейчас!

Занозит ли палец он — от боли
Впору закусить губу самой;
Отойдет — тревожусь поневоле:
Где он, непоседа милый мой?

Чем же я в беде тебя согрею?
Где слова такие мне сыскать?
Может, я нашла бы их скорее,
Если б не носила имя — мать.

Твердь земную пропитала кровь,
Не смолкает гул артиллерийский...
Здесь узнали первую любовь
Лейтенант и девушка-связистка.

Все замолкло в грохоте свинца,
Но в громах, что ударяют близко,
Четко слышат, как стучат сердца,
Лейтенант и девушка-связистка.

ПЕСНИ О РОДНИКАХ-
ПАМЯТНИКАХ

1

В чужом краю, в полях чужой земли
Без имени пропал он, без могилы.
Хотя б домой рубаху привезли,
Чтоб мать слезами кровь на ней отмыла...

Но памятник-родник стоит в селе,
В тени орешины зеленокудрой.
Немало их на каменной земле, —
С войны у нас такой обычай мудрый.

Есть где поплакать матери седой.
Она сюда приходит утром рано,
Мешает слезы с льющейся водой,
Ласкает камень алый, словно раны.

Так каждый день встречаются они —
Сын с матерью, друг друга утешая.
Бежит вода — бегут за днями дни,
Безвыходное горе облегчая.

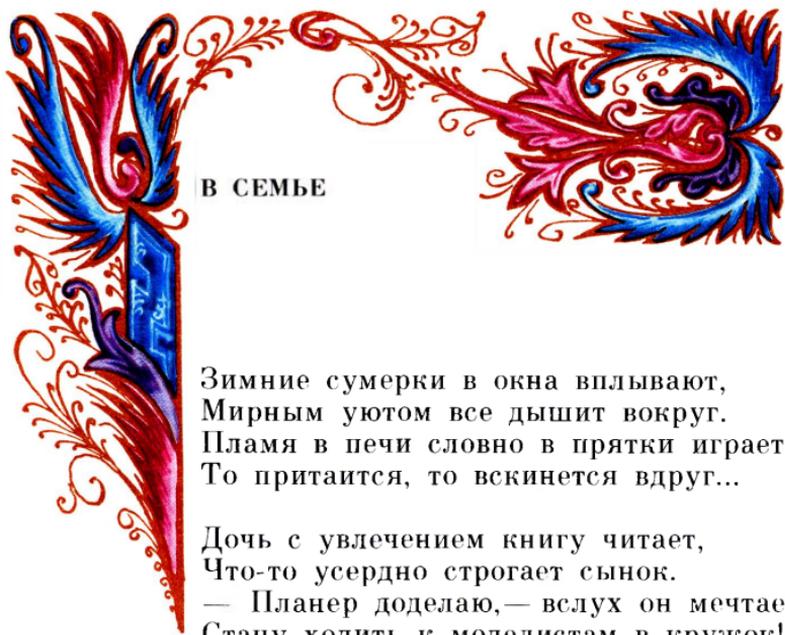

2

И день и ночь — свежа, легка,
Бежит вода из родника.
Пойдут ли пахари в поля —
Напьются, жажду утоля.
Горянка по воду пойдет —
На парня глазом поведет.
В тени орешины с утра
Шумит босая детвора,
Ребята бегают гурьбой,
Друг друга брызгают водой.
Течет вода и лепет свой
Вплетает в жизни шум живой.
В ней павших воинов сердца,
И ей, как жизни, нет конца...

3

Если мутны и совесть твоя, и душа,
Смотришь косо на все ты, чем жизнь хороша,
Если со справедливостью ты не в ладу,
Ищешь легкой судьбы, жизни в праздном
чаду,
Если этой священной чистой водой
Никогда не омоешь ты пот трудовой,
Не падет его капля на землю отцов,
Не сольется в земле с кровью павших
бойцов —
Проходи и не пей!

В СЕМЬЕ

Зимние сумерки в окна вplyвают,
Мирным уютom все дышит вокруг.
Пламя в печи словно в прятки играет —
То притаится, то вскинется вдруг...

Дочь с увлечением книгу читает,
Что-то усердно строгаёт сынок.
— Планер доделаю, — вслух он мечтает, —
Стану ходить к моделистам в кружок!

Мать удивляется: взрослыми стали!
Так и глядеть бы на них без конца...
Годы, как день, пронеслись — не вчера ли
Прыгала дочь на руках у отца?

Вот он, отец, за детьми наблюдая,
Смотрит с портрета, и кажется ей —
Хочет сказать он: «Спасибо, родная!
Радостно видеть мне наших детей».

Мать головою поникла устало.
О, если б чуду свершиться теперь!

О если б мог он, как прежде бывало,
Сильной рукой распахнуть эту дверь,

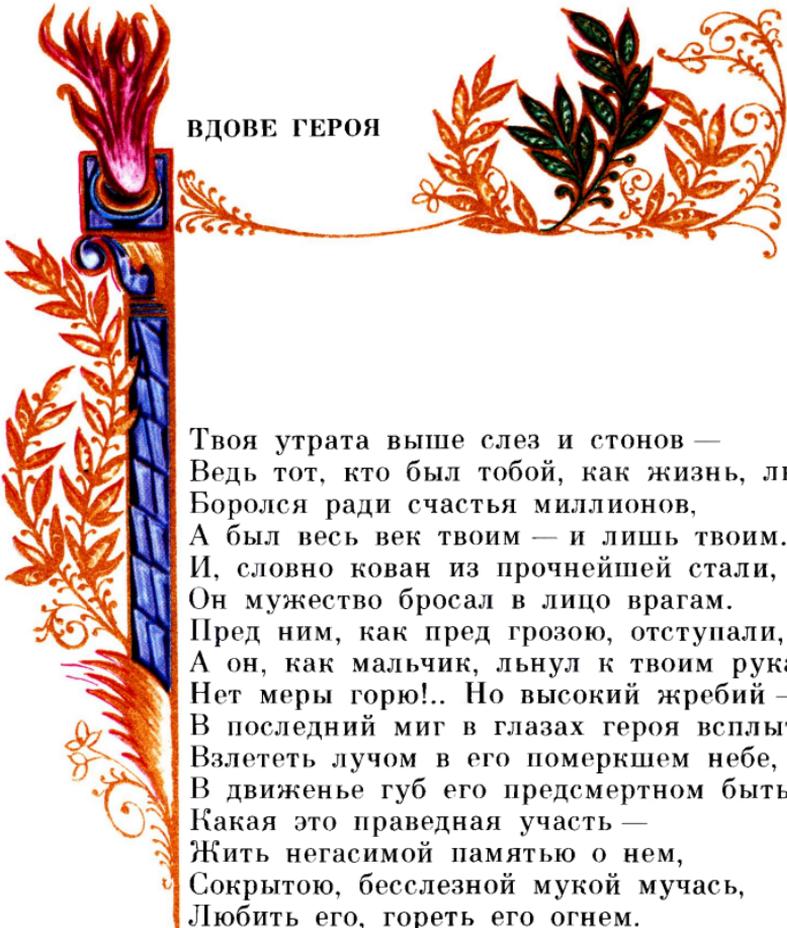
Пряди волос непослушных пригладить,
Чай пить со всеми усестся за стол,
После у дочки проверить тетради
И похвалить ее: умница, мол!

Сын, на колени взобравшись, играя,
Папой назвал бы его в первый раз...
В печке огонь, как надежда пустая,
Вспыхнул на миг и, колеблясь, угас...

Дочка, украдкой взглянув из-за книжки,
Быстро глаза опустила опять.
— Мама, готово! — кричит ей сынишка...
Но умолкает и смотрит на мать.

Взор на портрете спокоен и светел:
«Плачешь ты, Нвард? Перестань, не грусти!
Пал я в бою для того, чтобы детям
Горя и слез не видать на пути!»

ВДОВЕ ГЕРОЯ

Твоя утрата выше слез и стонов —
Ведь тот, кто был тобой, как жизнь, любим,
Боролся ради счастья миллионов,
А был весь век твоим — и лишь твоим.
И, словно кован из прочнейшей стали,
Он мужество бросал в лицо врагам.
Пред ним, как пред грозою, отступали,
А он, как мальчик, льнул к твоим рукам.
Нет меры горю!.. Но высокий жребий —
В последний миг в глазах героя всплыть,
Взлететь лучом в его померкшем небе,
В движенье губ его предсмертном быть.
Какая это праведная участь —
Жить негасимой памятью о нем,
Сокрытою, бесслезной мукой мучась,
Любить его, гореть его огнем.
А в трудный миг печали и обиды
Его письмо достать, как талисман,
И гордой стать, и слез своих не выдать,
И пересилить боль живучих ран.

И, озаряясь светом этим прошлым,
Живой любовью мертвого любя,
Встать над соблазном, над довольством пошлым,
Что гибнет, разбиваясь о тебя.
И с этой чистой памятью живую
Идти вперед наперекор судьбе...

Пусть все вокруг зовут тебя вдовою,
А я подчас завидую тебе.

Осиротевших матерей венчает славою народ,
Учтиво уступают путь вдове погибшего бойца,
Охотно на руки берут, ласкают бережно сирот,
Стараются от всей души родного заменить отца.

А вы? Кто замечает вас, случайно встретив на пути?
Вас, не успевших дорасти до званий матерей и жен.
Потере вашей меры нет, — ведь не успели вы найти.
Чьи имена оплакать вам? Ведь не узнали вы имен.
Вы не успели их узнать, они не увидали вас.
Вы были созданы для них. Они бы всюду вас нашли.
Их тьма, ослепших, не прозрев, не вспыхнувших
любовью глаз,

Не прозвучавших нежных слов во глубине сырой земли.

А каждый шепот милых губ в вас целый мир
бы разбудил,
Возвел бы кров над головой очей влюбленных
каждый взгляд,
И в ваших выцветших глазах возникло бы сиянье сил,
Что наполняют женщин тех, которым о любви
твердят.

Напрасно ждали вы дождя — жестокой засуха была.
Иссякла нежности река, и вы увяли вместе с ней.
И материнства благодать на вашу плоть не снизошла,
Не подарили жизни вы своих единственных детей.

Война... Не кончилась она, когда умолк последний
взрыв,
Она, как мина, много лет взрывает медленно сердца.
Мать вечной памятью жива — ее ребенок с нею жив,
И дети взрослые вдове — живая память про отца.

А вы? Кого вам вспоминать? Чего вам ждать?
Идут года...

Их след — морщинка на лице, в тяжелых косах
седина.

Движенье времени — увы! — вас не утешит никогда,
Вы те печальные поля, где продолжается война...

ГОЛУБЬ МИРА

На груди широкой командира,
Чуть раздвинув ордена, медали,
Приютился белый голубь мира,
Белый голубь мира из эмали.

Белой птицы крошечные крылья
Сложены в торжественном покое;
От грозы и бури их укрыли
Боевые ордена героя...

ВЕСНА

Назло тем, кто горе пророчит Вселенной,
Кто землю обвил паутиной военной,

Назло ненавистникам мира и света
Опять приближается к солнцу планета!

И тают снега, и весна, светлолица,
Шагает по улицам нашей столицы.

Гремит ледоход на Днепре и Амуре,
С Тянь-Шаня ручьи понеслись, балагурия.

И древние липы и саженцы-дочки
Зеленые скоро наденут сорочки.

Кавказ без снегов по-весеннему черен,
Набух чернозем в ожидании зерен.

Вся Родина, четко, размеренно строя,—
Как сердце здоровое и молодое!

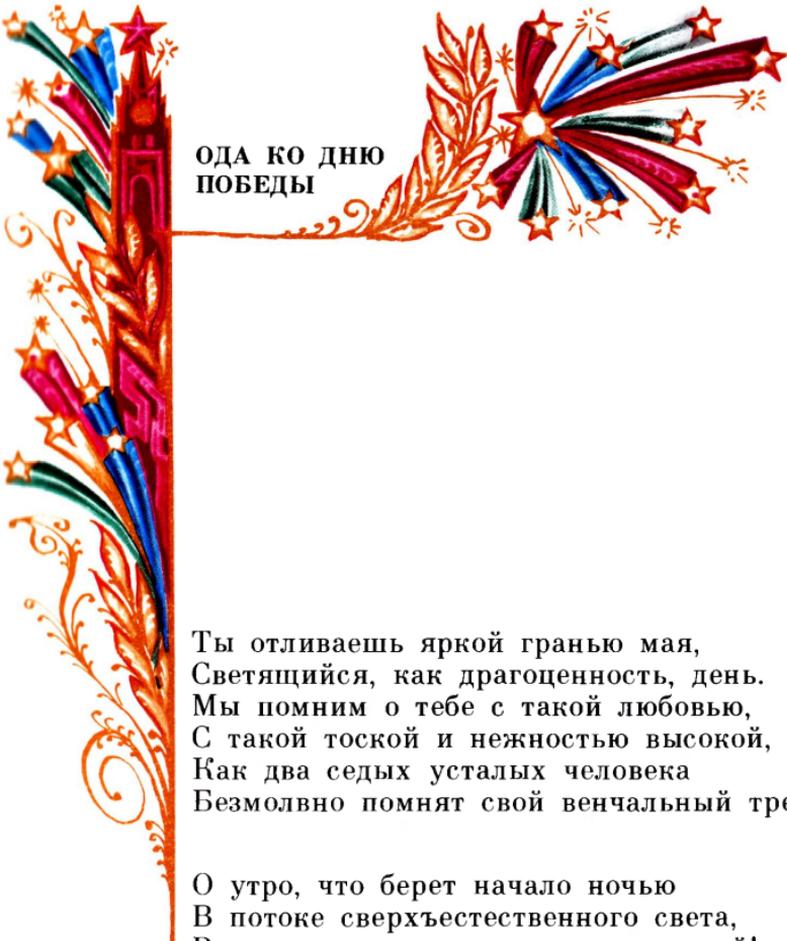
...Речам кровожадным пигмеев не внемля,
Спускается вечер на мирную землю.

Огней и цветов на проспектах без счета —
Как радостно дышится после работы!

И свет и веселье разлились рекою...
А там расписалась огромной рукою

Природа сама на страницах эфира
Мильонами звезд под воззванием мира!..

A decorative border on the left side of the page, featuring a vertical column of stylized fireworks in red, blue, and green, with golden stars and floral motifs. A horizontal branch of a laurel wreath extends from the top of this column to the right, framing the title.

ОДА КО ДНЮ
ПОБЕДЫ

Ты отливаешь яркой гранью мая,
Светящийся, как драгоценность, день.
Мы помним о тебе с такой любовью,
С такой тоской и нежностью высокой,
Как два седых усталых человека
Безмолвно помнят свой венчальный трепет.

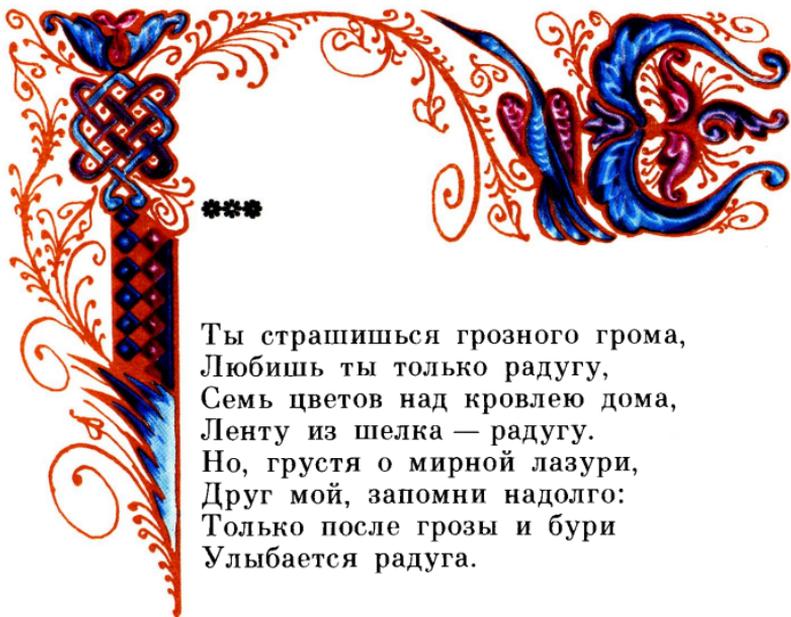
О утро, что берет начало ночью
В потоке сверхъестественного света,
Рожденного в глазах, сердцах людей!
Ты ликование принесло на землю.
И мир напоминает мне бутылку,
Наполненную солнечным шампанским.

О нетерпенье пенного вина!
Как далеко летит печали пробка,
Как радостно прогрохотал восторг
Спустя минуту залпами из пушек!
В какой бокал влетит фонтан ракет?
День радости, восторга, День Победы!
Поцеловались небо и земля,
Закинув головы в сиянье фейерверка.
И добрыми губами океанов
Сомкнулись полушария Земли.
Войска с войсками целовались громко,
И, как веревки, спутались, смешались
Железные границы государств.
Поцеловались радиоволнами
Потресканные губы городов,
Поцеловались улица и площадь
Восторженными толпами людей.
Мужчины крепко целовали женщин,
Забыв себя и плоть свою на миг,
Забыв тоску, и выгоду, и горе,
Став за одно священное мгновенье
Великими в любви и доброте.
День вдохновенья, чистоты, величья!
Стал небосвод объятием бездонным,
А горизонты — тонкими руками.
Они в одно кольцо соединились
И взяли человечество в свой круг.
Оно смеялось громко, простодушно,
Его страданья сделали ребенком, —
И вот оно опять готово верить.
День ласки, перемирья и доверья,
День до конца оправданных надежд!

Ты — самый яркий среди всех прошедших,
Ты — самый щедрый среди всех минувших,
Неповторимый, самый невозвратный,
Не знающий подобных,
День Победы!..

Ты страшишься грозного грома,
Любишь ты только радугу,
Семь цветов над кровлею дома,
Ленту из шелка — радугу.
Но, грустя о мирной лазури,
Друг мой, запомни надолго:
Только после грозы и бури
Улыбается радуга.

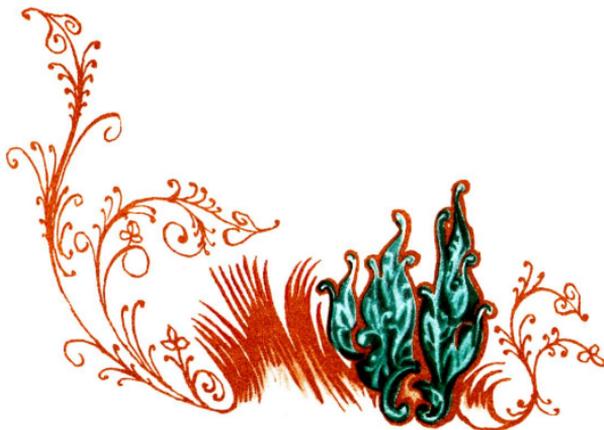

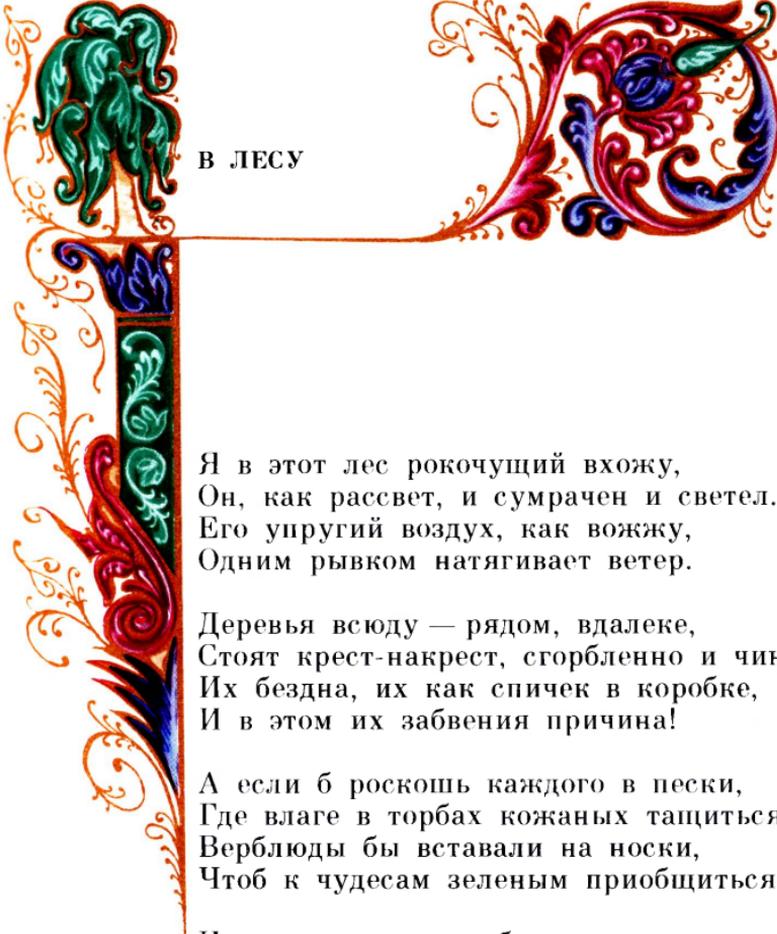
ВЕСЕННЕЕ

Последний снег исчез как сон,
Перил сверкающих не вижу.
О, кто предвидеть мог, что он
Так беззаветно канет в жижу!
Сперва покинул высоту —
Заполнил леса этажерку,
Теперь безмолвно чистоту
Принес цветам и солнцу в жертву.
Еще ни песни, ни ростка,
Еще, не зная чувства меры,
Природа взвинчена, резка,
И безнадежно краски серы.
И бог весть что она творит,
С тех пор как поборола снежность!
Лишь ель зеленая стоит,
Вся — иероглиф слова «свежесть»!
Одна, во всем лесу одна,
У всех подруг под снежной маской

Приметы видела она
Апрельской зелени и майской,
Во имя лиственной поры
Надломы смолкой затирала,
Когда свирепые пиры
С бураном вьюга затевала.
Понять ли воспрянувшем от сна
Березкам тонким, словно нитки,
Как доставалась ей весна,
Зеленой этой пирамидке?..

В ЛЕСУ

Я в этот лес рокошущий вхожу,
Он, как рассвет, и сумрачен и светел.
Его упругий воздух, как вожжу,
Одним рывком натягивает ветер.

Деревья всюду — рядом, вдалеке,
Стоят крест-накрест, сгорбленно и чинно,
Их бездна, их как спичек в коробке,
И в этом их забвения причина!

А если б роскошь каждого в пески,
Где влаге в торбах кожаных тащиться,—
Верблюды бы вставали на носки,
Чтоб к чудесам зеленым приобщиться!

И за младенца у тебя, земля,
Была б осинки розовая ножка,
И снились бы душистые поля
Погонщикам шершавым, как картошка.

А дерево шумело б и росло.
И в пламя нескончаемого лета
Однажды б горло певчее вошло
Прославить ствол кристалликом куплета.

Мы пили все без этих слов росу
И бредили той одинокой тенью...
Толпятся с гулким рокотом в лесу
Лишенные внимания растенья.

И яркой головой, как головней,
Качают в гневе, требуя участия.
О дерево в каемке голубой,
В песках иль дебрях — ты достойно счастья!..

ПЕСНЯ О ВЕСНЕ

Уж третий день так щедро светит солнце,
Родную землю будит ото сна!
Раскрыла настежь я свое оконце,
Чтоб в дом привольно хлынула весна.

Внимая песенке, что я слагаю,
Глядит в окно цветущий абрикос.
Толпою пестрой в комнату вступают
Все краски жизни, радость вешних рос...

Влились, наполнив сердце, и избыток
Пролился на бумажные листы,—
И вижу я, как рифм бесплотных свиток
Вдруг обратился в ветви и цветы.

Внезапно ржавый скрип дверной задвижки
Ворвался в звуки песенки моей,
И друг за другом шествуют мальчишки:
Изволь, прими непрошенных гостей!

Тихонько встали рядом у порога,
Наказывала бабка не мешать...
Но как тут ни внушай дотошно, строго,—
Что взять с них: вот явились опять!

Носков, ботинок ноги их не знают,
Глянь — по росе гоняли босиком,
Румянцем яблоч щеки полыхают,
Глазенки светят черным огоньком.

Стоят и смотрят с видом деловитым,
Не то останутся, не то уйдут...
Их тянет к двери старший, но — смотри ты! —
И сам глазеет, что творится тут.

Что жизнь могла послать стиху чудесней?
Ну, ближе, не робейте, все ко мне!
Босой ватагою шагайте в песню:
Она — о вас, она — о всей весне...

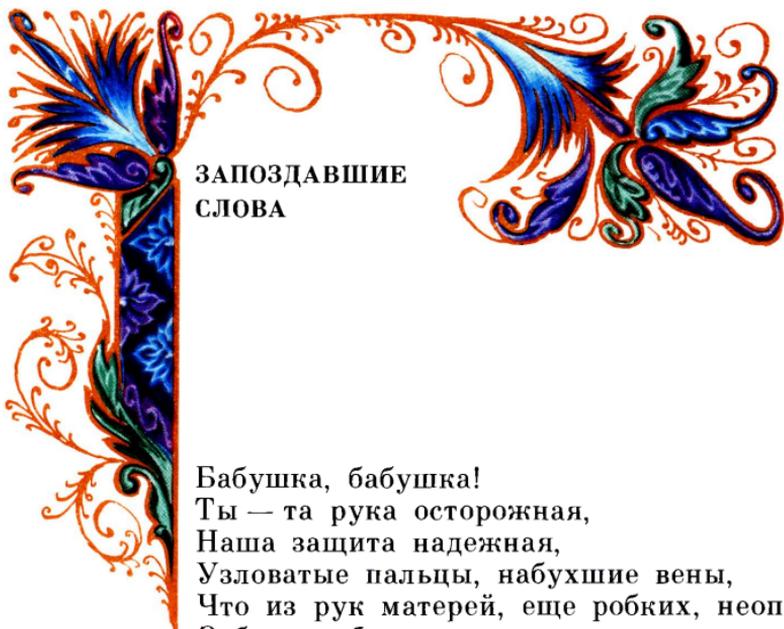
ОСЕННИЙ САД

Ты полыхай, ты пламеней,
Ты не бледней, осенний сад!
Еще совсем немного дней
Повремени, о листопад!

Ручей, беги, звени, дыши,
Не стань немим под тонким льдом,
Холодный ветер, не туши
Огонь, пылающий кругом!

Там, где горит еще листва,
Должна дожждаться я любви,
Должна произнести слова,
Еще горящие в крови.

И смех в журчанье ручейка
Еще услышать должен сад!
Ручей, беги, звени пока,
О, затянись же, листопад!

ЗАПОЗДАВШИЕ СЛОВА

Бабушка, бабушка!
Ты — та рука осторожная,
Наша защита надежная,
Узловатые пальцы, набухшие вены,
Что из рук матерей, еще робких, неопытных,
Забирали беспомощных, но отнюдь
не безропотных,
И несли нас к корыту, полному пены,
И купали нас,
Священнодействуя...

Ты в младенческих наших ушах,
Полных гула и звона,
Песня первая «Лорик» во мгле полусонной.
Слово, что малыша,
Только что отделенного от пуповины,
Прочно связывает с землей и отчизной
И с историей воедино...

Ты недремлющий глаз, сон лелеющий наш,
Ты наш плач стерегущее ухо бессонное,
Нашим первым шагам ты опора и страж.
Ты гостинец, что вечно для внука припрятан,
Горсть орехов и кисть винограда.

Ты объятье, что прячет обиду притихшую
И повинную голову, вдруг подзатыльник
схватившую...

Вижу камень щербатых дорожек,
Вижу взгляд твой встревоженный,
Твой передник из ситца в горошек,
Куда катятся наши слезинки-горошины...

Уязвленная жестким невесткиным словом,
От сынов своих боль свою прячущая,
Снова и снова — всепрощающая
И сводящая вместе воду с огнем...
День за днем подымая нас выше и выше,
Все склоняешься ниже к земле...
В перестуке посуды — не пересуды,
А подавленный стон слышен...

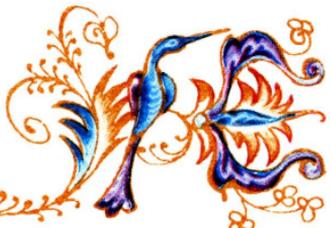
Бабушка, бабушка!
Ты, в свое время не понятая,
На пьедестал на почетный не поднятая,
Словно книга святая в глубине сундука,
Затерявшаяся, непрочитанная,
Пусть земля тебе будет легка!

Ты в сердцах своих внуков,
Нынче дедов и бабок уже,
Голос долга восставший
И горькая память душе
О сладостных днях.
Вздых раскаянья слезный:
«Поздно... Поздно...»

В ГЛУБИНАХ
СЕРДЦА

Я помню глинобитный дом и деревянную
тахту,
На ней — затасканный палас, впитавший
пыль глухих путей.
Уходит на работу мать. Как травка в поле, я
расту,
Старуха бабушка добра, и я играю рядом с ней.

Я помню пышный магазин, витрины за большим
стеклом —
Как за хрустальной стеной, сидела кукла
в том окне.
Голубоглазую мечтой, волшебным белокурым
сном,
Царевной сказочной страны казалась эта кукла
мне.

Но у меня была своя, черноволосая, как я.
Я ей сама карандашом глаза и брови навела.

Заветный узелок тряпья достала бабушка моя —
Она из Вана с ним ушла, — мне ситца лоскуток
дала.

Сама я сшила платье ей, тряпичной куклке
моей.

Мне все же нравилась она, и весело бывало нам!
Мы с ней вдвоем играли в дом, в крестины,
в свадьбу и в гостей
И уплывали на тахте к счастливым дальним
берегам.

Но раз, в один прекрасный день, — могла ли я
мечтать о нем? —

Мне подарили куклу ту, что улыбалась мне
в окне.

Царевна сказочной страны, как поздно ты
пришла в мой дом!

Я выросла без тебя, — как поздно ты пришла
ко мне!

Старалась любоваться я ее головкой золотой,
Ее прижав к своей груди, из дому гордо
вышла я.

Но сердце у меня в груди не билось прежней
теплотой,

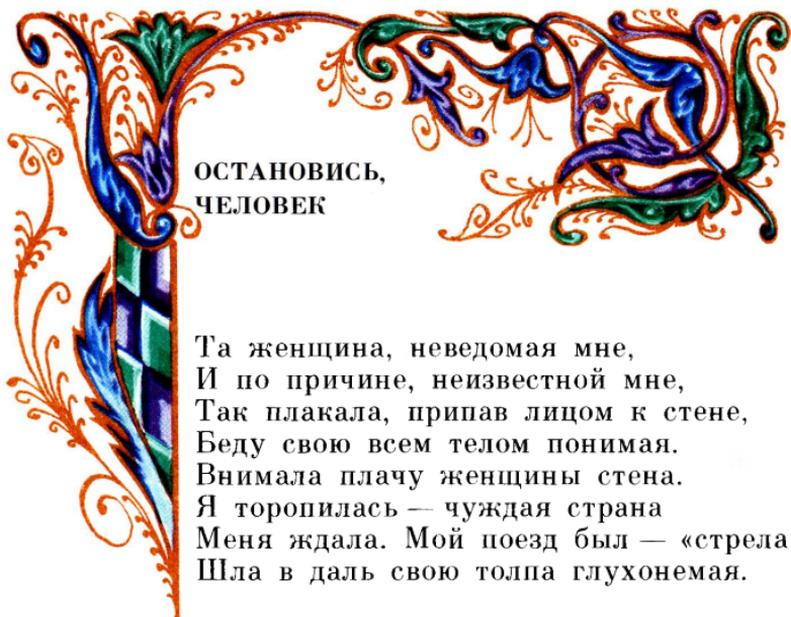
Ее богатая краса уже не трогала меня.

Вот так и время отошло, и годы юности прошли,
Жизнь разостлала предо мной свои шелка,
свои ковры.

Я увидала яркий блеск в богатой голубой дали,
И множество манящих благ, и драгоценные дары.

Но глубже всех, дороже всех, в глубинах
сердца моего,
Черноволосая, как я, с тоской в глазах,
осталась та.
О этот нищий узелок! Из Вана вынесли его.
О кукла в платье простом из ситцевого
доскута!..

ОСТАНОВИСЬ,
ЧЕЛОВЕК

Та женщина, неведомая мне,
И по причине, неизвестной мне,
Так плакала, припав лицом к стене,
Беду свою всем телом понимая.
Внимала плачу женщины стена.
Я торопилась — чуждая страна
Меня ждала. Мой поезд был — «стрела».
Шла в даль свою толпа глухонемая.

Взлетел гудок. Стакан пустился в пляс.
Как бледный мим, витал во тьме мой плащ.
И вдруг огромный безутешный плач
Меня настиг средь мчащегося леса.
Печальный поезд сострадал ему —
Колесами, считающими тьму,
Он так звучал, внушая боль уму,
Как будто это плакало железо.

Болтался плащ. Приплясывал стакан.
О спешка мира! Как рвануть стоп-кран?
Плач, как палач, меня казнил стократ.
Подушка сна была груба, как плаха.
Остановитесь, поезда земли!

Не рвитесь, самолеты, в высь зари!
Мотор столетья, выключись, замри!
Виновны мы в беде чужого плача.

Повремени, мой непреклонный век,
С движением твоим — вперед и вверх.
Стой, человек! Там брат твой — человек
Рыдает перед каменной стеною
И бьется лбом в затворенный Сезам.
Люби его! Внемли его слезам!
Не торопись! Пусть ждет тебя вокзал
Прогулок меж Землею и Луною.

В ОДНОЙ КОНТОРЕ

1

Волнуются люди у кассы:

— Ну, что там?

Ну что там, скажите, случилось опять?

Куда же годится такая работа,

Нам что же, до ночи придется стоять? —

В окошечко смотрит кассир через силу:

Глаза утомленные, сомкнутый рот...

Но, ждать не желая, торопит кассира,

Ворчит и шумит недовольный народ.

2

За сорок ему... Худощавый и лысый,

Всегда он корректным и сдержанным был.

В пустых разговорах не видел он смысла,

Единственно шахматы страстно любил.

И если бы после работы партнера
Домой не тянуло к детишкам, к жене,
Кассир бы не скоро ушел из конторы,
Играл до утра бы, счастливый вполне.

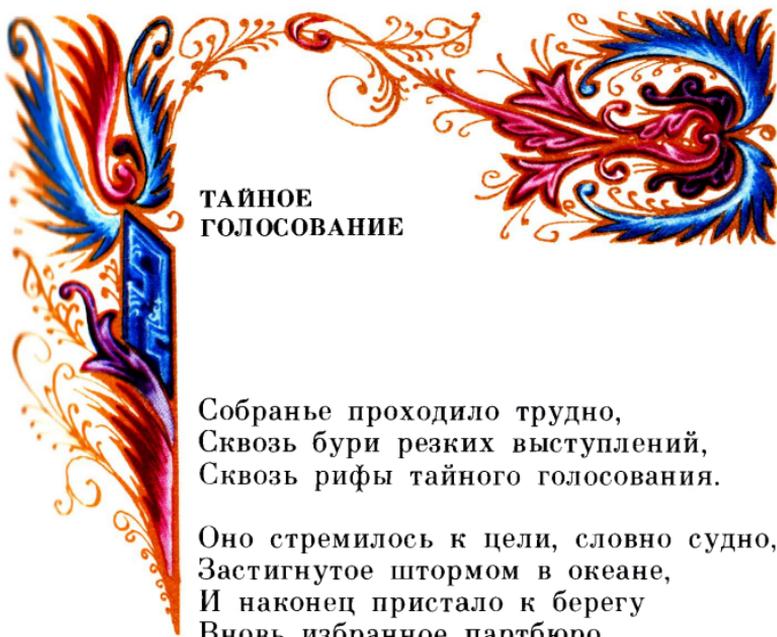
...В то утро чуть-чуть запоздал он. Ни слова
Не вымолвил, тут же за счета засев.
Лицо его замкнуто было, сурово,
Как будто бы сейф, недоступный для всех.
Но как-то, сквозь стены проникнув случайно,
В балансах и счетах шепча и шурша,
Пошла по конторе печальная тайна:
— Жена от кассира с ребенком ушла!..

Вот близится час окончания работы,
Как веки, захлопнулись папки, устав...
Пора по домам! Но сотрудники что-то
Замешкались, видно, — сидят на местах.
Жена у того не вернулась с работы,
Свиданье в конторе назначил другой,
А вот счетоводу сегодня охота
Добиться реванша ценою любой...

...Дни горя идут чередою холодной,
И с видом беспечным, молчанье храня,
Сражаются в шахматы поочередно
Сотрудники после рабочего дня.
И только лишь за полночь, в миг расставанья,
Когда начинается белеть небосвод,
По-прежнему молча кассир на прощанье
Товарищу руку признательно жмет...

Волнуются люди у кассы: — Ну что там!
Из ваты, видать, у кассира рука...—
А там ведь и счастье свое, и заботы,
Не только бумаг бесконечных река,
А там ведь, с душою большою и нежной,
В тревогах живет трудовая семья.
Не надо бросаться словами небрежно,
Не надо шуметь, потерпите, друзья!..

ТАЙНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

Собрание проходило трудно,
Сквозь бури резких выступлений,
Сквозь рифы тайного голосования.

Оно стремилось к цели, словно судно,
Застигнутое штормом в океане,
И наконец пристало к берегу
Вновь избранное партбюро.

...Поздний вечер.
С тобою споря, недовольный собой,
Припоминая чьи-то речи,
Я возвращаюсь медленно домой...

О тайное голосование!
Ты в самом деле вычеркнул тайком
Того, кто, выступая на собрании,
Корил тебя прямым и честным языком.
В тебе обида с совестью боролась,
И, самолюбью мелкому послушный,
Ты вычеркнул его, хоть твердо знал: он прав!

И вот он провалился, недобрав
Всего один — не твой ли это? — голос.
Прошел другой, беспечный, равнодушный,
Без сердца, без души, но мягкотелый,
И ласково-искательный, и зыбкий

Когда тебе придется очень туго,
Пройдет он мимо с деланной улыбкой,
Добру и злу бестрепетно внимая.
И никогда в защиту нашей правды
Не грянет гневно речь прямая.

А тот, другой, боец и коммунист,
Который волей тверд и сердцем чист,
За все дурное спрашивает смело,
Как малое дитя, добру бывает рад,
Который честно послужил бы делу,
Он не прошел в бюро...

Ты в этом виноват.

Ты вычеркнул его, идя на поводу
У маленького «я», обиженного правдой.
Признайся сам себе хотя б в ночной тиши,
Хотя бы в этот миг себе не смей солгать.
Ведь минет эта ночь, наступит завтра,
И снова у людей ты будешь на виду
Святые истины вещать от всей души,
К принципиальности высокой призывать...

Иду я медленно. Прозрачна мгла ночная.
Как город мой хорош! Как мягок ветер с гор!
Он остужает лоб, как будто предлагая
Переменить нелегкий разговор.

Но те же мысли, как во мраке искры,
Преследуют меня, летят за мной вослед
И требуют: «Не забывай нас быстро!»
И требуют: «Держи прямой ответ!»
И требуют: «Уйти во мрак не дай нам!
Не дай нам отступить, лишь свой покой храня!»

И совесть голосованьем тайным
Свой голос отдает не за меня!..

**БЕРЕГИ СЕБЯ,
ФИДЕЛЬ!**

Со Сьерры-Маэстры, с крутых высот
Сошел, с бородатым Иисусом схож,
Но крепче, моложе, земной породы,
Шагает по юной своей стране
И алчущим, жаждущим мощной рукой
Землю насущную раздает.

Упрямо печатая крупный шаг,
Он — здесь, и он — там. Он с людьми повсюду,
Но в зарослях может скрываться враг —
Теперь и с небес слетает Иуда!..
И женщины с трепетом сердца тревожным,
И старцы, что многое в жизни видали,
И дети высокими голосами
Громко кричат, заклиная, молят:
— Фидель, береги себя!

Фидель, береги себя!
От заговора, от пули вражьей,
От недосыпанья, от недомоганья,

От стужи, дождей, от жары жестокой,
От черных напастей, разящих сразу,
От тех, что еще не имеют названья,
Фидель, береги себя!

Со старым солдатом ты делишь пищу,
Жилье твое скромное — в общем доме.
Одним ты богат — народной любовью.
Фидель, береги достояние это,
Фидель, береги себя!

Всем сердцем внимает твоим речам
Усталый крестьянин, как в церкви, стоя
И об усталости позабыв,
И все же, когда ты кончаешь речь
И прежде, чем речь начинаешь снова, —
Послушай, Фидель, человека простого!
Повсюду тебя воспевают поэты,
Матери шепчут благословенья.
Бойся привыкнуть лишь к восхваленьям,
Бойся боязни прямого слова!
И подчиняющий может ослепнуть
От слепоты подчинившихся слепо...
Фидель, береги себя!

Себя сохрани средь сладчайших похвал,
Не слушай льстецов, если скажут: «гений»
И если отцом тебя назовут,
Когда ты лишь пламенный, лишь беззаветный,
Лишь преданный сын своего народа.
В непогрешимость свою не верь!

От безоговорочного поклоненья,
От жажды считаться единственно правым,—
Фидель, береги себя!

Дорого к правде дается дорога.
Здесь одинокому не пройти.
Зоркого взгляда идущего рядом,
Друга надежного верную руку
В трудном пути не отвергай!
Не забывай, что ты держишь знамя,
Народ за тобою, Фидель!

Фидель, береги себя!
На беспокойный малый остров
Смотрят глаза всех людей на свете:
Вражеские — с раздраженьем острым,
Дружеские — с восхищеньем и верой...
Фидель, береги себя!..

ДЫХАНИЕМ ОДЫ

*Директору совхоза Ноемберянского района
старому большевику Баграту Варганяну*

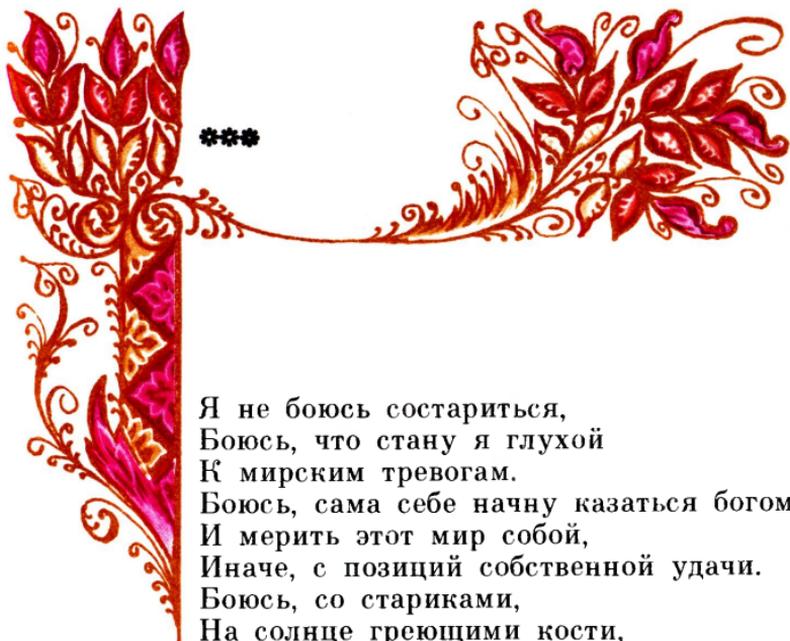
Давно я не пишу величественных од,
Правдивой простоты ждет от стихов народ,
Пусть подтверждает жизнь описанное словом.
...С лицом рабочего, обветренным, суровым,
В потертом пиджаке, сам крепкий, как скала,
Стоишь ты предо мной!

А про твои дела
Словоохотливо, забыв бывшее горе,
Шумит река Девбет, взойдя на плоскогорье
По воле рук твоих. Вот кипарисов ряд
(Как выросли юнцы, как зелен их наряд!)
Стоит перед тобой в почетном карауле,
А розы, доченьки твои, смутясь, нагнули
Головки алые и сдерживают смех,
Известно им, что ты их любишь больше всех,
Олива — званый гость, — тот летописец старый,
Что будет жить века под облаком отарой,
Итоги подводя, напишет на стволе,

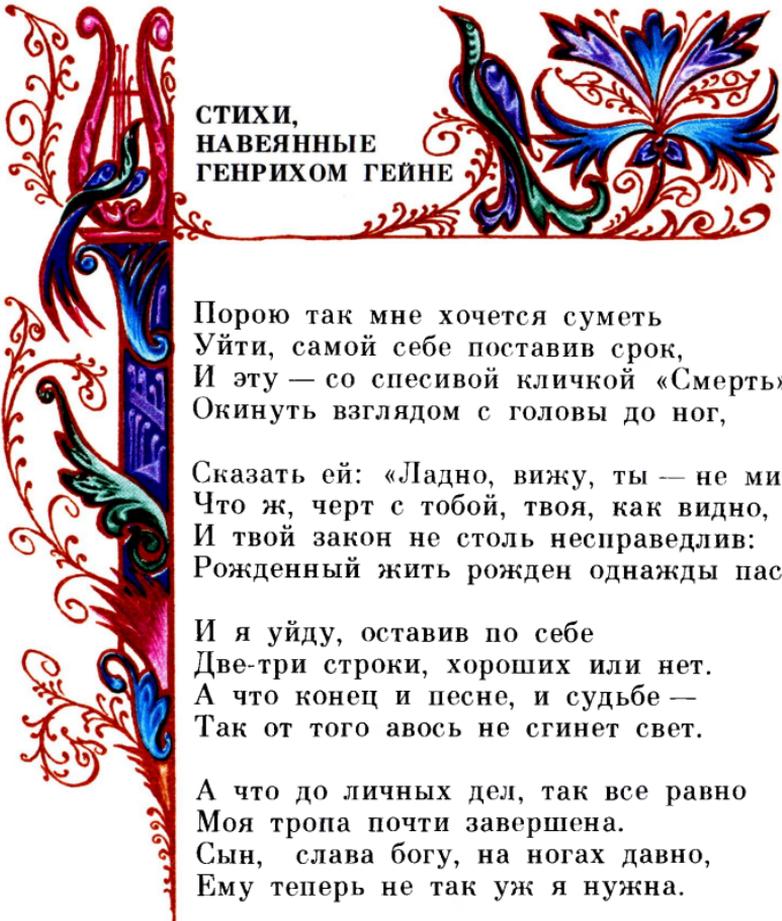
Что здесь, в ущелье змей, на выжженной земле,
Жил некий армянин, что был он коммунистом
И сделал этот край зеленым и тенистым.
Давно я не пишу величественных од.
Ты — в скромном пиджаке, простой, как наш народ,
С лицом рабочего — вдохнул дыханье оды
В мои стихи, и вот — я вижу дни и годы:
Ты кровью добывал мир для земли моей,
Ты потом поливал любой росток на ней,
Ты саженцы сажал рукой, державшей знамя,—
Колышется оно теперь листвою, ветвями.
Ты в скромные дела большую мысль вложил,
И в повседневности не угасал твой пыл,
Не превратился он в огонь домашней печки,—
С землею слился он, с движеньем бурной речки.
Он землю окрылил, стал ароматом роз,
И персиками стал, и полнотою лоз...
Не меряют годов одной и той же меркой,—
Сегодня вновь себе кажусь я пионеркой:
С такой же верою я слушала рассказ,
Что старый большевик вел у костра для нас.

Благодарю тебя за этот светлый час!..

Я не боюсь состариться,
Боюсь, что стану я глухой
К мирским тревогам.
Боюсь, сама себе начну казаться богом
И мерить этот мир собой,
Иначе, с позиций собственной удачи.
Боюсь, со стариками,
На солнце греющими кости,
Я буду тары-бары разводить
Вокруг назначенной мне пенсионной славы,
Вздыхать и разводить руками.
Боюсь, что юности сияющей забавы
Меня невольно станут раздражать.
Боюсь всего, на чем печать
Покорной узости:
Боюсь я узковидеть, узкомыслить
И узкочувствовать боюсь.
А больше смерти
Боюсь я не заметить воцаренья
В просторном словаре моей души
Глаголов этих низких, узколобых.

СТИХИ,
НАВЕЯННЫЕ
ГЕНРИХОМ ГЕЙНЕ

Порою так мне хочется суметь
Уйти, самой себе поставив срок,
И эту — со спесивой кличкой «Смерть» —
Окинуть взглядом с головы до ног,

Сказать ей: «Ладно, вижу, ты — не миф.
Что ж, черт с тобой, твоя, как видно, власть.
И твой закон не столь несправедлив:
Рожденный жить рожден однажды пасть.

И я уйду, оставив по себе
Две-три строки, хороших или нет.
А что конец и песне, и судьбе —
Так от того авось не сгинет свет.

А что до личных дел, так все равно
Моя тропа почти завершена.
Сын, слава богу, на ногах давно,
Ему теперь не так уж я нужна.

Ни дома нет, чтоб вбить последний гвоздь,
Ни сада нет, чтоб первых ждать плодов.
Моя фортуна — запоздалый гость,
Я не из тех, кто ждать ее готов...

Так что же, Смерть, бери, когда берешь!..
Но до чего оскал ехиден твой.
Насмешница, неужто сознаешь,
Что живо все в душе моей живой!»

Какая мысль крылом бессонным бьет,
Какую боль лелею и таю!..

Ах, в девяностый, столь далекий год
Увидеть бы Армению мою!..

**ТЕБЕ,
ЛЮБИМЫЙ**

СЛОВА
ЛЮБВИ

И на сияющей земле,
И в глубях сердца твоего
Останусь я твоей страной,
Останусь Айастаном¹ я.

Каких бы ни изведал чар,
Я — пламя в холоде твоём,
Страданью твоему — сестра,
Успокоенье ранам — я.

Пленишься ль в пышных городах
Красою мраморных дворцов,—
Бессмертный камень стен Гарни,
Окутанный туманом,— я.

¹ Ай а с т а н — Армения.

Есть в мире бурные моря
И тайны глубже тайн морских,
Невыплаканным, полным слез,
Таюсь в горах Севаном я.

Кем хочешь очарован будь,
Я знаю, что вернешься ты,
И горько жду, неволью став
Твоим родимым Ваном я.

ДУМА О ЛЮБВИ

Любовь — как Родина!
Лишь ты один, единственный передо мной
стоишь.
Единственный стоишь...
С какой из стран
Сравню пленительность родных долин!
Мы часто слышим речь о чарах дальних мест,
Но сколь он ни могуч, тот город-великан,
И сколь ни полон звезд тот город-исполин,
А сердцу твоему милей родной очаг,
Земля, поля, родник...
В любимом имени звучит родная речь...
Любовь — как Родина! Умей ее беречь!..

Любовь большую мы несем,
Но я — к тебе, а ты — к другой.
Опалены большим огнем,
Но я — твоим, а ты — другой.

Ты слова ждешь, я слова жду,
Я — от тебя, ты — от другой.
Твой образ вижу я в бреду,
Ты бредишь образом другой.

И что уж тут поделывать, раз
Самой судьбе не жалко нас.
Что нас жалеть? Живем любя,
Хоть ты — другую, я — тебя...

ЛИЛИТ¹

«Ева», — шептали его губы,
но душа его откликнулась:
«Лилит».

А. Исаакян

Ты — первый огонек меж первых двух кремней,
Ты — движущийся блеск неоновых огней,
Неуловимая от самых давних дней,
Лилит, Лилит!

От века скрытая в душевной глубине,
Всегда как в облаке, как в дымке, как во сне,
Вдвойне желанная, бесценная вдвойне,
Лилит, Лилит!

В теснинах сердца ты, как праздничный тайник
Родник влечения, сомнения родник,
Падение и взлет, блаженства краткий миг,
Лилит, Лилит!

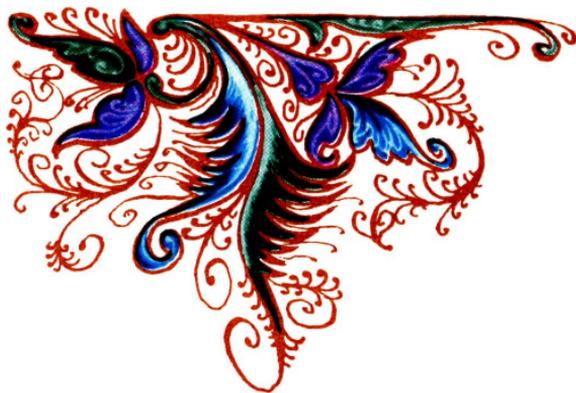
Здесь — и земля, и хлеб, а ты — порыв мечты,
Ты — где-то, и твои изменчивы черты,
Воспламененная, испепеляешь ты,
Лилит, Лилит!

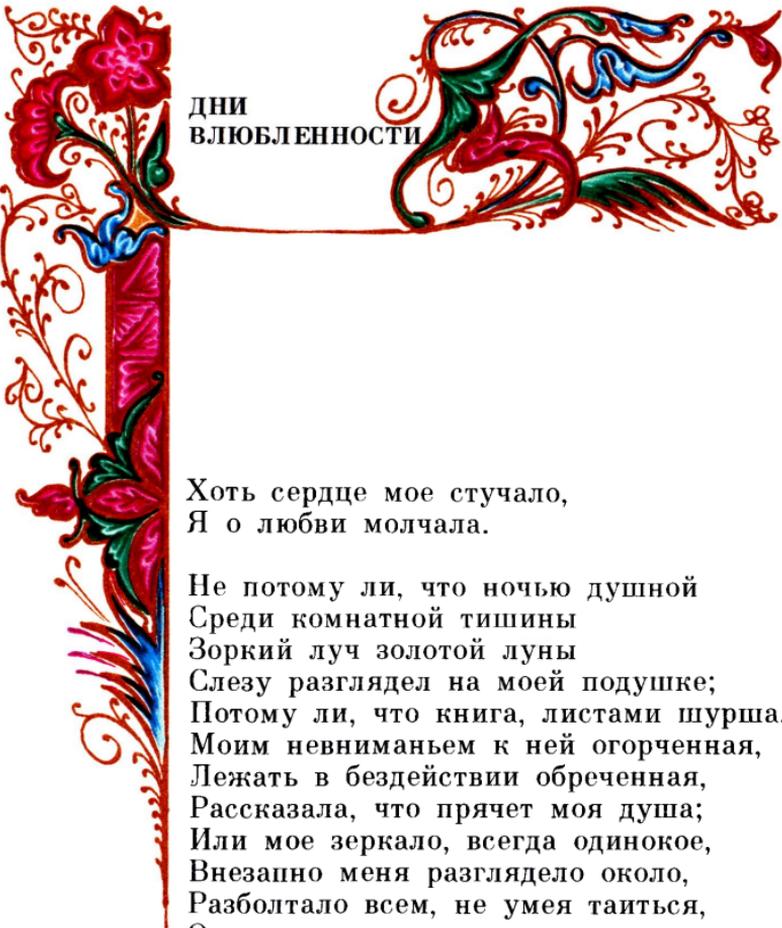
¹ Л и л и т — по талмудическому преданию, первая женщина, созданная богом.

Здесь — тихий, теплый кров, а ты — пустырь, простор.
Здесь — тлеющий очаг, а ты — лесной костер,
Здесь — примирение, а ты — извечный спор,
Лилит, Лилит!

Непризнанная, ты всему и всем чужда.
Здесь — Ева. Здесь — плоды. Твой цвет не даст плода.

Меж небом и землей одна, одна всегда,
Лилит, Лилит!..

ДНИ
ВЛЮБЛЕННОСТИ

Хоть сердце мое стучало,
Я о любви молчала.

Не потому ли, что ночью душной
Среди комнатной тишины
Зоркий луч золотой луны
Слезу разглядел на моей подушке;
Потому ли, что книга, листами шурша,
Моим невниманьем к ней огорченная,
Лежать в бездействии обреченная,
Рассказала, что прячет моя душа;
Или мое зеркало, всегда одинокое,
Внезапно меня разглядело около,
Разболтало всем, не умея таиться,
О том, что в сердце моем творится,
Или твоя улица разнесла на версту
Робких моих каблуков перестук,
Или взгляд мой, любовь до поры храня,

Вдруг выдал меня,
Предал меня,
Или из души, как из глубин морей,
Имя твое вырвалось ненароком.

Все теперь знают до срока
О тебе,
О любви моей...

Нет для тебя ни преград, ни помех,
Чтобы творить чудеса надо мною,
Сделать меня красивее всех,
Радостней всех под этой луною.

Можешь весь мир движеньем одним
Или одним лишь зовущим взглядом
Мне подарить и поднять над ним,
Чтоб оказалась я с солнцем рядом!

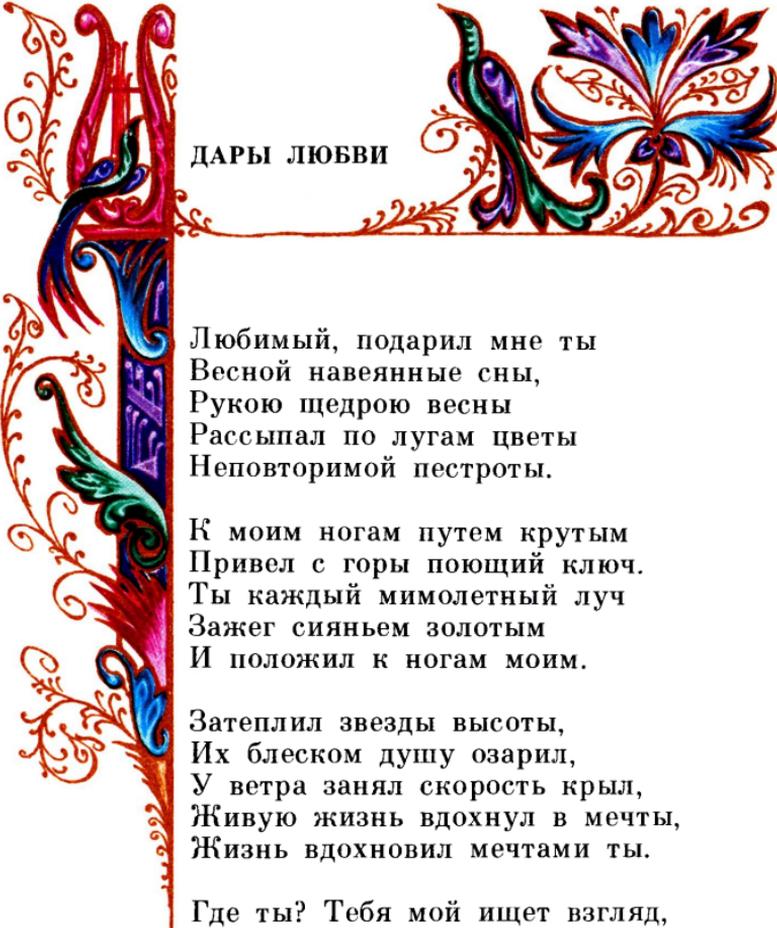
Дай же мне юность изведать вновь,
Дай же мне силы мои измерить,
Дай мне поверить в твою любовь,
Дай мне поверить, дай мне поверить!..

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Весна зовет покинуть дом.
Прохладно после духоты...
Вокруг, как в сердце молодом,
Теснятся, кружатся мечты.
И, лунным молоком полны,
Ручьи-тропинки льются с гор,
Зовут в пределы тишины
Послушать звездный разговор.
Ведь звезды шепчутся во мгле,
Сродни влюбленным на земле,
И, не смолкая ни на миг,
Кого-то все зовет родник...
Кустам, деревьям — всем подряд —
Признанья шепчет ветерок,
И те, счастливые, шумят,
Покачиваясь вдоль дорог.
Блестит роса, горит луна.
Весь мир влюблен, весь мир в бреду...
О, как же без тебя, одна,
Я этот вечер проведу?

ДАРЫ ЛЮБВИ

Любимый, подарил мне ты
Весной навеянные сны,
Рукою щедрою весны
Рассыпал по лугам цветы
Неповторимой пестроты.

К моим ногам путем крутым
Привел с горы поющий ключ.
Ты каждый мимолетный луч
Зажег сияньем золотым
И положил к ногам моим.

Затеплил звезды высоты,
Их блеском душу озарил,
У ветра занял скорость крыл,
Живую жизнь вдохнул в мечты,
Жизнь вдохновил мечтами ты.

Где ты? Тебя мой ищет взгляд,
Ты не оглянешься назад.
Твой легок шаг. Своим путем
Идешь, не ведая о том,
Что ты так щедр и так богат.

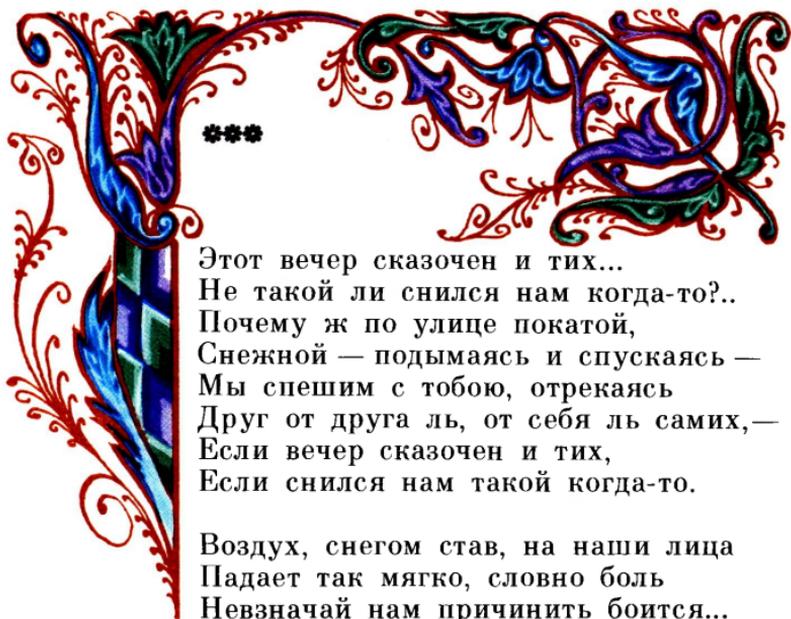

НА ОЗЕРЕ

Скользя по синеве озерной,
Я лодку правлю на закат.
Мне треплет кудри ветер горный,
Лицо мне брызги горячат.

И сердце счастье не измерит,
А ведь подарки так просты —
Веселый ветер, лодка, берег,
Где ждешь меня, любимый, ты...

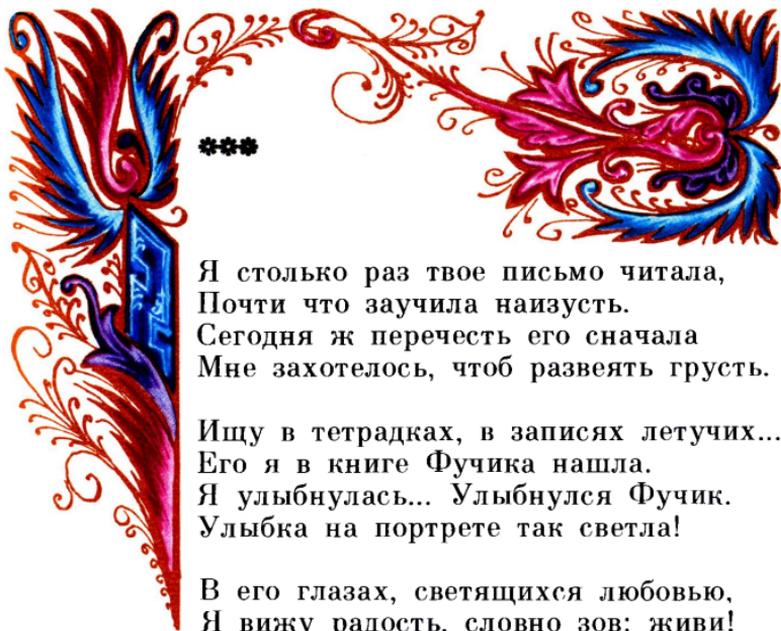

Этот вечер сказочен и тих...
Не такой ли снился нам когда-то?..
Почему ж по улице покатоЙ,
Снежной — подымаясь и спускаясь —
Мы спешим с тобою, отрекаясь
Друг от друга ль, от себя ль самих, —
Если вечер сказочен и тих,
Если снился нам такой когда-то.

Воздух, снегом став, на наши лица
Падает так мягко, словно боль
Невзначай нам причинить боится...
Почему ж сердца свои с тобой
Мы подвергли острой дробИ града?
Почему? Зачем нам это надо? —
Если воздух, снегом став, на лица
Падает сквозь сумрак голубой?..

Свет и радость и покой над нами,
Будто вечер поглощен одним:
Чтобы шли мы легкими шагами,
Счастьем осененные своим...
Почему же, почему мы сами
Омрачаем этот светлый час,
Если ради нас — да, ради нас
Свет и радость и покой над нами?..

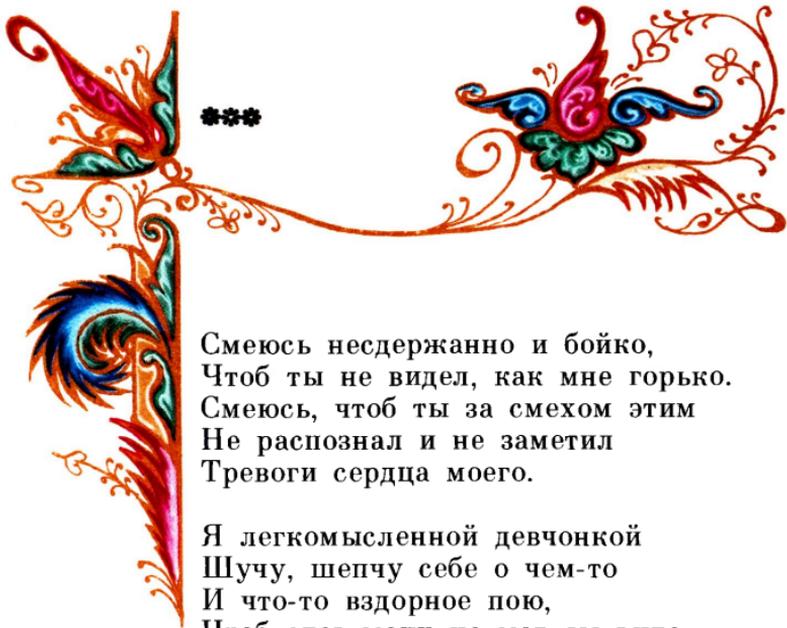

Я столько раз твое письмо читала,
Почти что заучила наизусть.
Сегодня ж перечесть его сначала
Мне захотелось, чтоб развеять грусть.

Ищу в тетрадках, в записях летучих...
Его я в книге Фучика нашла.
Я улыбнулась... Улыбнулся Фучик.
Улыбка на портрете так светла!

В его глазах, светящихся любовью,
Я вижу радость, словно зов: живи!
Он рад, что в книге, писанной им кровью,
Лежит письмо любви...

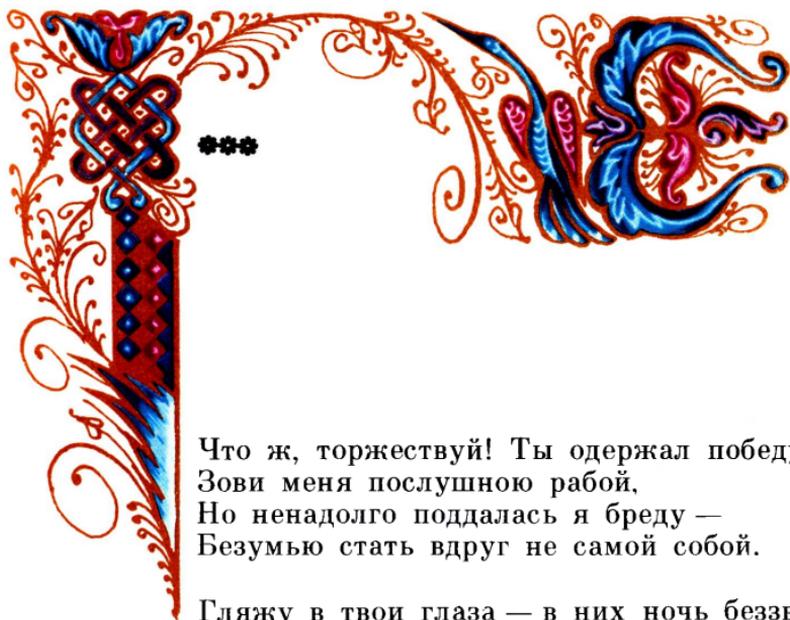

Смеюсь несдержанно и бойко,
Чтоб ты не видел, как мне горько.
Смеюсь, чтоб ты за смехом этим
Не распознал и не заметил
Тревоги сердца моего.

Я легкомысленной девчонкой
Шучу, шепчу себе о чем-то
И что-то вздорное пою,
Чтоб слез моих не мог ты видеть,
Чтоб невзначай тебе не выдать
Любовь мою!..

Что ж, торжествуй! Ты одержал победу,
Зови меня послушною рабой,
Но ненадолго поддалась я бреду —
Безумью стать вдруг не самой собой.

Гляжу в твои глаза — в них ночь беззвездна
Я заплуталась в этой гиблой тьме,
Но выбраться мне из нее не поздно,
Покамест я еще в своем уме!

Вот на лице твоём победы скука —
Предшествовала ей всего игра, —
А на моем лице, ты видишь, — мука.
Что ж, торжествуй! Но как близка пора,

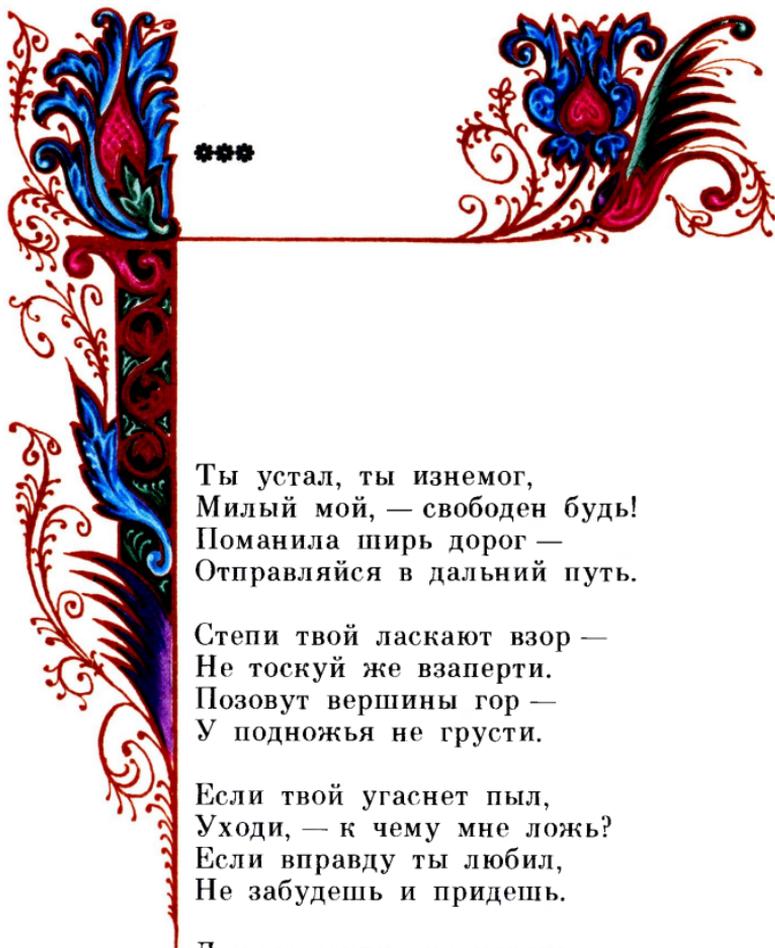
Когда я на тебя совсем бесслезно,
Нелюбящая, гордая, взгляну
И медленно пойду туда, где звездно
И мрак не застилает вышину.

Я в мыслях судеб наших не связала,
Надеждами не обольщалась, нет,—
Люблю так безрассудно я, так шало,
Как любит море, солнце, лунный свет.

И зря меня в дому твоём, ревнуя,
Клянут, как неотвязную беду:
Не бойтесь! В окна к вам не загляну я,
Ни разу даже мимо не пройду!..

Ты устал, ты изнемог,
Милый мой, — свободен будь!
Поманила ширь дорог —
Отправляйся в дальний путь.

Степи твой ласкают взор —
Не тоскуй же взаперти.
Позовут вершины гор —
У подножья не грусти.

Если твой угаснет пыл,
Уходи, — к чему мне ложь?
Если вправду ты любил,
Не забудешь и придешь.

Ложью сердце не порочь,
Не клянись... Ведь неспроста
Клетка птицу гонит прочь,
Если дверца заперта.

НА ПЕРРОНЕ

Дрогнули вагоны, и в окне
Грустная улыбка промелькнула.
Поезд уходил. И, как во сне,
Вслед ему я руки протянула.

Замерло дыханье на лету,
Голос потонул в колесном стуче,
Только устремились в пустоту
Рельсы, как протянутые руки.

Да, я сказала: «Уходи»,—
Но почему ты не остался?
Сказала я: «Прощай, не жди»,—
Но как же ты со мной расстался?
Моим словам наперекор
Глаза мне застилали слезы.
Зачем доверился словам?
Зачем глазам не доверялся?

Снега от тоски в разлуке с тобой
Чернеют, застыв, и тают,— приди!
Созвездья небес, на путь твой ночной
Глаза обратив, сгорают,— приди!
Бушуют леса и, тысячи рук
В тоске заломив, вздыхают,— приди!
Дробясь об утес, потоки вокруг
В весенний разлив вскипают,— приди!
Все в мире слилось в единый призыв,
Мир, многоголос, взывает — приди!..

A large, ornate decorative flourish in shades of red, pink, and green, featuring intricate scrollwork and floral motifs. It frames the title on the left and extends across the top of the page.

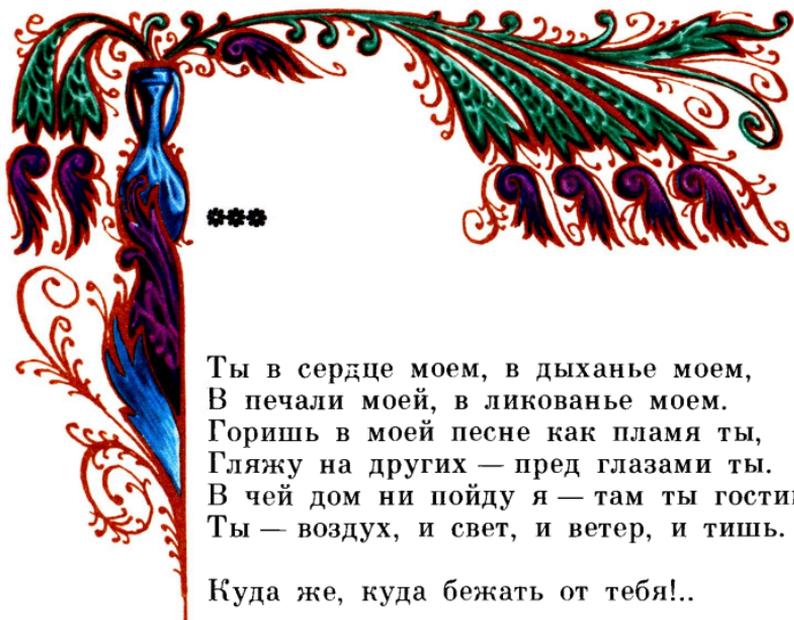
ЧАСЫ ОЖИДАНИЯ

Не пришел ты... И ночь почернела в тоске.
Вот и сердце мое как пустой переулок.
Лишь клюет тишину чей-то шаг вдалеке,
Чей-то шаг запоздалый, тревожен и гулок.

Я надеюсь еще. Я впиваюсь во тьму,
Я ловлю, как шаги нашу улицу мерят.
Вот все громче, все ближе к крыльцу моему,
Вот сейчас подойдут и затихнут у двери...

Но шаги, удаляясь от двери моей,
Раздаются в тиши все спокойней и строже...
И болит мое сердце сильнее и сильнее,
Будто топчет сейчас его каждый прохожий.

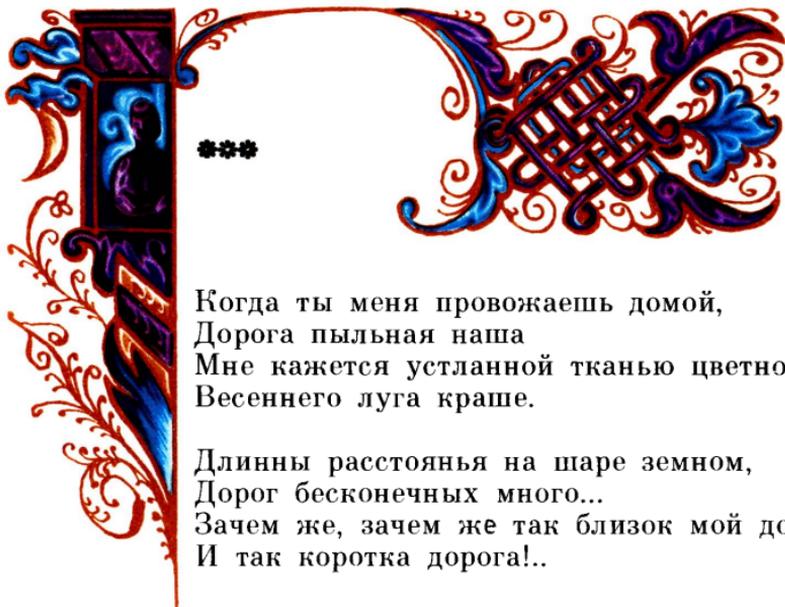

Ты в сердце моем, в дыханье моем,
В печали моей, в ликованье моем.
Горишь в моей песне как пламя ты,
Гляжу на других — пред глазами ты.
В чей дом ни пойду я — там ты гостишь.
Ты — воздух, и свет, и ветер, и тишь.

Куда же, куда бежать от тебя!..

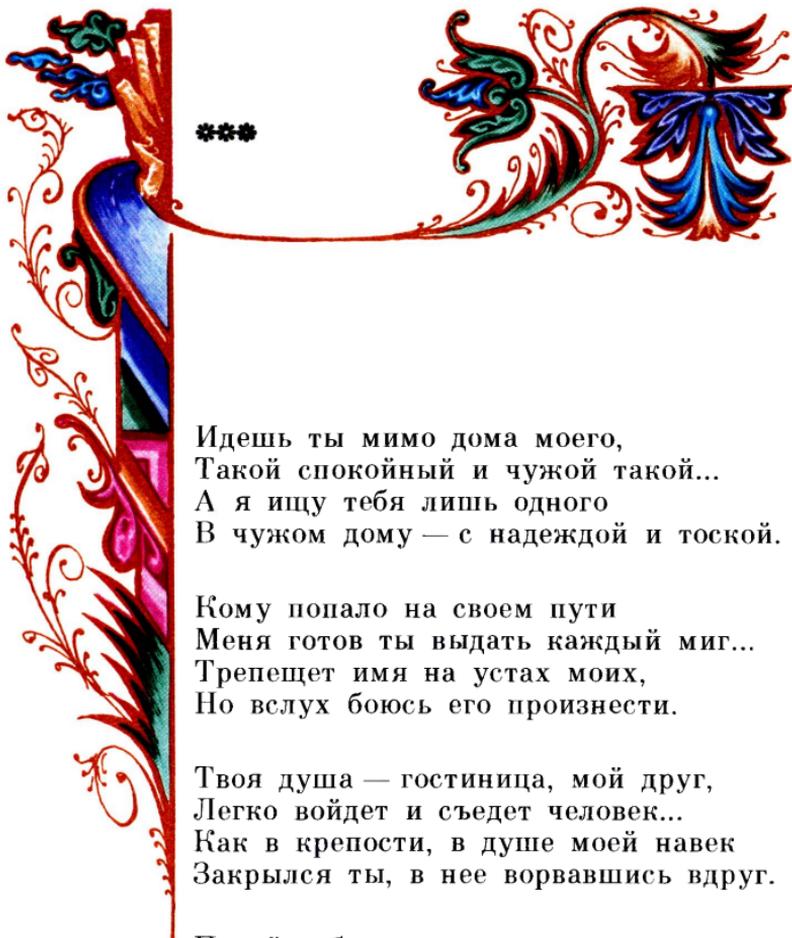

Когда ты меня провожаешь домой,
Дорога пыльная наша
Мне кажется устланной тканью цветной,
Весеннего луга краше.

Длины расстоянья на шаре земном,
Дорог бесконечных много...
Зачем же, зачем же так близок мой дом
И так коротка дорога!..

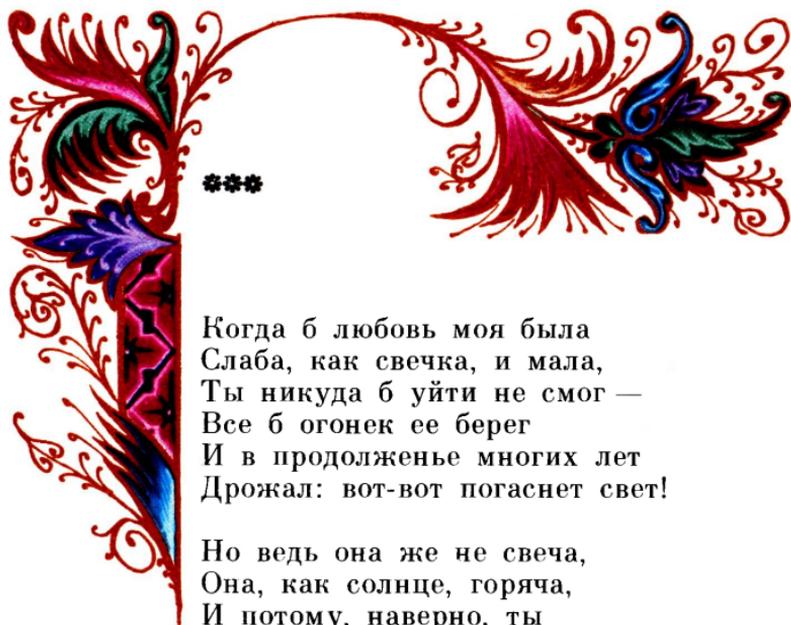

Идешь ты мимо дома моего,
Такой спокойный и чужой такой...
А я ищу тебя лишь одного
В чужом дому — с надеждой и тоской.

Кому попало на своем пути
Меня готов ты выдать каждый миг...
Трепещет имя на устах моих,
Но вслух боюсь его произнести.

Твоя душа — гостиница, мой друг,
Легко войдет и съедет человек...
Как в крепости, в душе моей навек
Закрылся ты, в нее ворвавшись вдруг.

Порой тебе завидую до слез,
Собою недовольства не тая,
Что в гуле жизни встретить довелось
Тебе любовь такую, как моя...

Когда б любовь моя была
Слаба, как свечка, и мала,
Ты никуда б уйти не смог —
Все б огонек ее берег
И в продолженье многих лет
Дрожал: вот-вот погаснет свет!

Но ведь она же не свеча,
Она, как солнце, горяча,
И потому, наверно, ты
Не знаешь страха темноты,
Уходишь ты на срок любой —
Любовь, как солнце, над тобой!

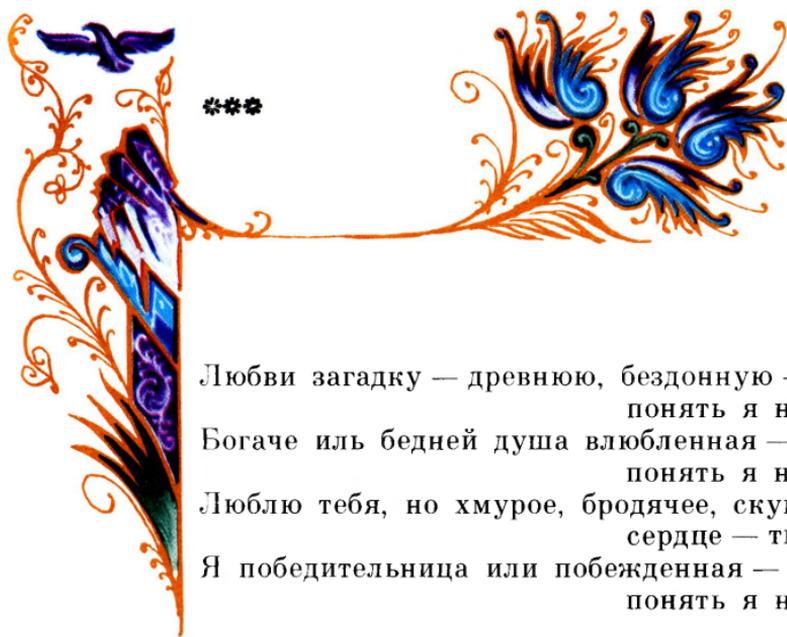

В хрустальной вазе на столе твоём
Стоят цветы, подаренные мною.
Ты не меняешь воду. День за днём
Они все ниже никнут головою.

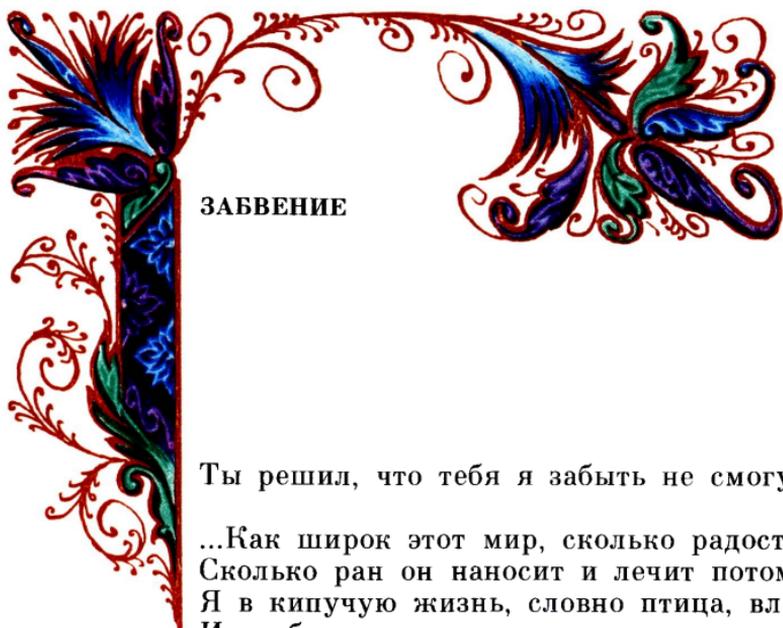
И падают, как слезы, лепестки,
Касаясь чуть твоей сухой руки...

Любви загадку — древнюю, бездонную —
понять я не могу.
Богаче иль бедней душа влюбленная —
понять я не могу.
Люблю тебя, но хмурое, бродячее, скупое
сердце — ты.
Я победительница или побежденная —
понять я не могу.

ЗАБВЕНИЕ

Ты решил, что тебя я забыть не смогу?..

...Как широк этот мир, сколько радости в нем!
Сколько ран он наносит и лечит потом!..
Я в кипучую жизнь, словно птица, влечу
И глубокую рану свою залечу,—
Я забуду, навеки забуду тебя...

И, плененная маем, одна за двоих,
Я брожу, опьяненная счастьем других,
Улыбаясь прохожим, деревьям, домам,—
О минувшем я сердцу и вспомнить не дам...
О, как славно бродили мы вместе с тобой!..

В полночь дружеский стол зазывает меня,
Беззаботным весельем и смехом маня,
Песня птицей парит над моей головой —
Растворяюсь я в радости этой живой...
О, как пел ты когда-то всю ночь до утра!..

Ночь сияет, и звезды мерцают над ней.
Я пьянею от праздничных жарких огней,
И на миг чей-то взгляд в мою душу проник —
Я счастливой себе показалась на миг...
О, как нежно и строго умел ты смотреть!..

Кто-то долго меня провожает домой,
Мы смеемся и шутим, окутаны тьмой.
По ночным мостовым пробродив допоздна,
Мы желаем друг другу приятного сна...
«Ну, прощай!» — я твой голос в душе берегу...

Ты решил, что тебя я забыть не смогу?..

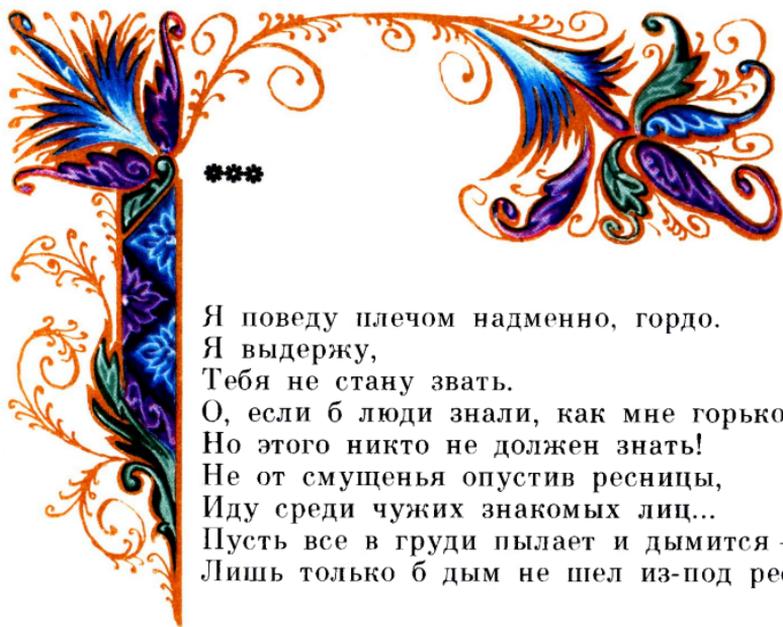

Нет! Я видеть тебя не хочу!
Если очи станут искать —
Веки темные ошу.

А язык мой тебя назовет —
Я зубами его прикушу:
«Замолчи, не шепчи, сумасброд!»

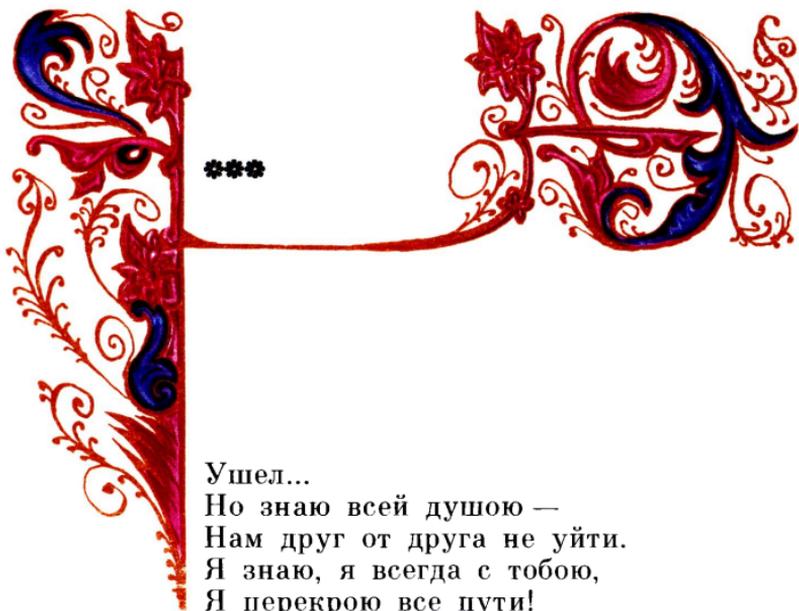
Ну, а если из сердца — крик?
Если сердце начнет тебя звать,
Как мне сердца унять язык,
Как язык мне сердца унять?

Я поведу плечом надменно, гордо.
Я выдержу,
Тебя не стану звать.
О, если б люди знали, как мне горько!
Но этого никто не должен знать!
Не от смущенья опустив ресницы,
Иду среди чужих знакомых лиц...
Пусть все в груди пылает и дымится —
Лишь только б дым не шел из-под ресниц!

Ушел...

Но знаю всей душою —

Нам друг от друга не уйти.

Я знаю, я всегда с тобою,

Я перекрою все пути!

Я — дом твой, я — твоя дорога,

Ты ходишь с образом моим.

В тебе меня настолько много,

Что нету места там другим.

И сколько б женских глаз ни встретил —

Мои глаза увидишь в них.

Я для тебя одна на свете,

И тут не может быть других.

И чьи б ни слышал голоса ты —

Услышишь в них меня одну.

...Коснусь тебя ветвями сада,

Глазами полночи взгляну.

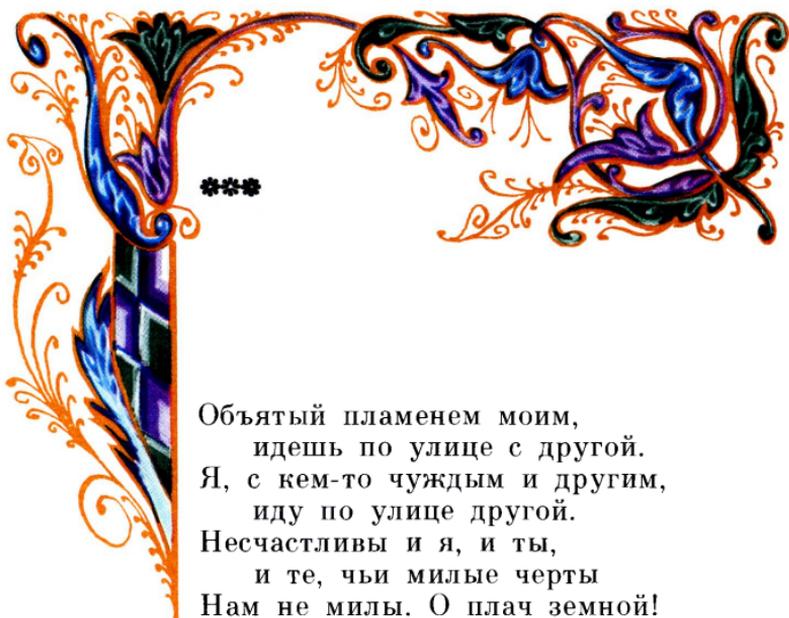
...Когда домой вернешься поздно,

Ты снова вспомнишь обо мне.

Я стану дымом папиросным,
Я стану звездами в окне,
Через любые километры
До сердца сердцем дотянусь.
В окно влечу я нежным ветром,
Закроешь — бурею ворвусь.
Есть у любви своя отвага!
Влетев в твой дом, в твой мир, в твой быт,
Смешаю все твои бумаги,
Всю жизнь смешаю, может быть...

Не смеешь ты меня забыть!

Объятый пламенем моим,
идешь по улице с другой.
Я, с кем-то чуждым и другим,
иду по улице другой.
Несчастливы и я, и ты,
и те, чьи милые черты
Нам не милы. О плач земной!
Всегда — с другим, всегда — с другой!

ПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР

Как вырвавшийся зов, летят
Ракеты прямо в поднебесье,
А залпы звучные гремят
И затихают, словно песня.

На улице сегодня все:
Отцы, и матери, и дети.
В голубоватой полосе
Прожектора, как в лунном свете.

Ликует город наш родной,
Плывут проспекты и предместья,
Подхвачена большой волной,
Плыву и я с народом вместе.

Я знаю, что и ты сейчас,
С людской толпой смешавшись где-то,
Как я, не сводишь с неба глаз,
Следя за каждой ракетой.

Давным-давно мы не друзья,
Как будто даже незнакомы...
Но в этот вечер, знаю я,
Обоих вывела из дома

Одна — к своей стране — любовь,
Один восторг, в глазах горящий,
С которым смотрим вновь и вновь
На этот фейерверк блестящий.

Опять, опять летит звезда,
За ней другие — полукругом.
...Мне кажется, что никогда
Не расставались мы друг с другом!..

ВЕСНА

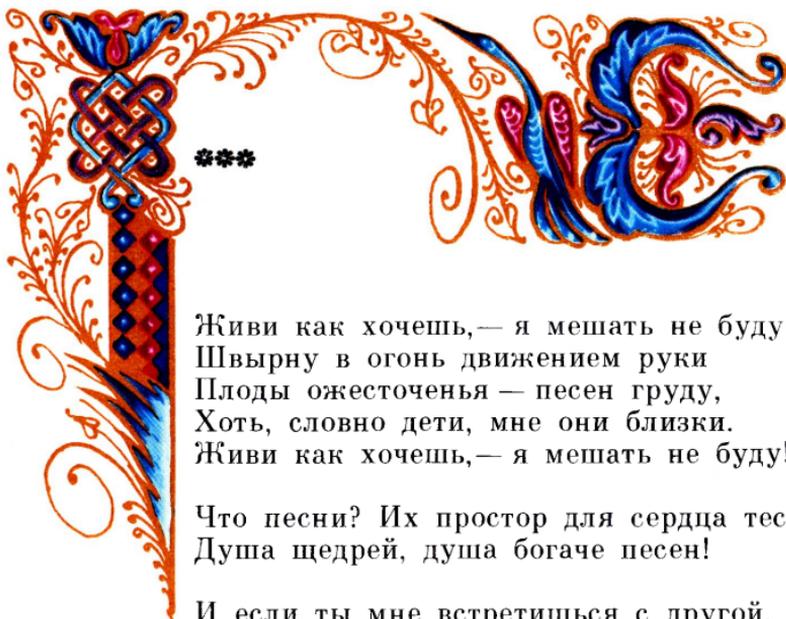
Ты был холодным, белым, как зима,
Любовь моя и та не растопила
Твой вечный лед. Но близ тебя сама
Замерзла я, хоть пламенно любила.

Суровой та зима ко мне была,
И в теплом доме сердце леденело,
И грусть, как хлопья снежные, бела,
На жизнь мою ложилась то и дело...

Но время шло. Под солнцем таял снег,
Весна несла восходов полыханье,
А ты все мерз, холодный человек,
От своего холодного дыханья.

Весна, весна! Она лишь к тем идет,
Чье сердце — словно в половодье реки.
Восторг и грусть, кипенье вешних вод...
Весна! Весна! Ты мне дана навеки.

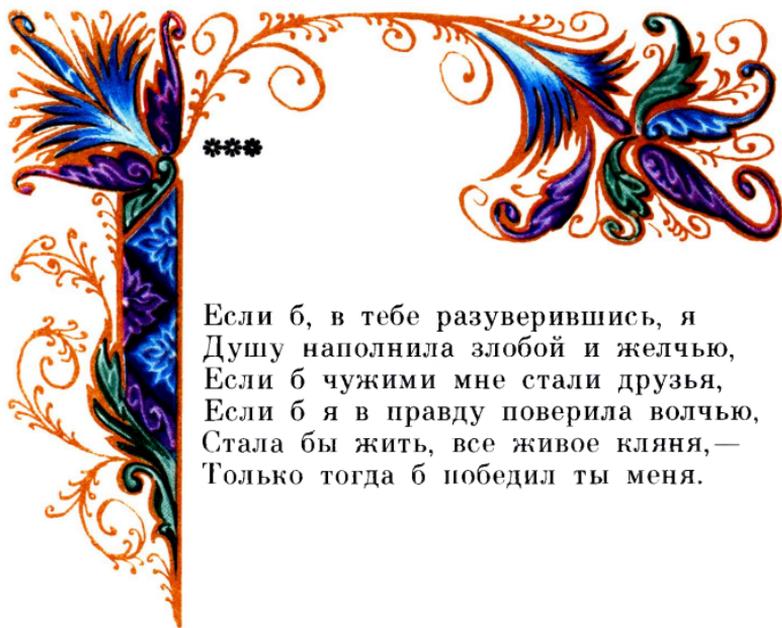
Живи как хочешь,— я мешать не буду!
Швырну в огонь движением руки
Плоды ожесточенья — песен груду,
Хоть, словно дети, мне они близки.
Живи как хочешь,— я мешать не буду!

Что песни? Их простор для сердца тесен,
Душа щедрей, душа богаче песен!

И если ты мне встретишься с другой,
Не поглядев, сверну с твоей дороги,
Чтоб тени угрызенья иль тревоги
Не вызвал ненароком облик мой.

Живи как хочешь,— я мешать не буду!

Если б, в тебе разуверившись, я
Душу наполнила злобой и желчью,
Если б чужими мне стали друзья,
Если б я в правду поверила волчью,
Стала бы жить, все живое кляня, —
Только тогда б победил ты меня.

В дыму горячем горького прощанья
Твоей вины огонь гасила я.
Как часто ревность мучила меня.
Ее душила я без содроганья
В дыму горячем горького прощанья.

И этот дым клубился столько раз,
Что в нем огонь любви моей погас...

ПЕСНЯ
СОЖАЛЕНИЯ

Зачем сошел, зачем сошел
ты с той безмерной высоты,
Зачем же и меня с небес
безжалостно низводишь ты?..

Пришла весна: очнулся мир,
стучат сердца — пришла весна!
О ком я стану тосковать,
бродя по улицам без сна?
Мне сердце для кого раскрыть?
Чья нежность мне наполнит грудь?
Чья грусть опустится легко
на мой весенний светлый путь?

И если юноша пройдет
с щемящей песней под окном,
Кого в той песне мне узнать
и пеплом стать под чьим огнем?

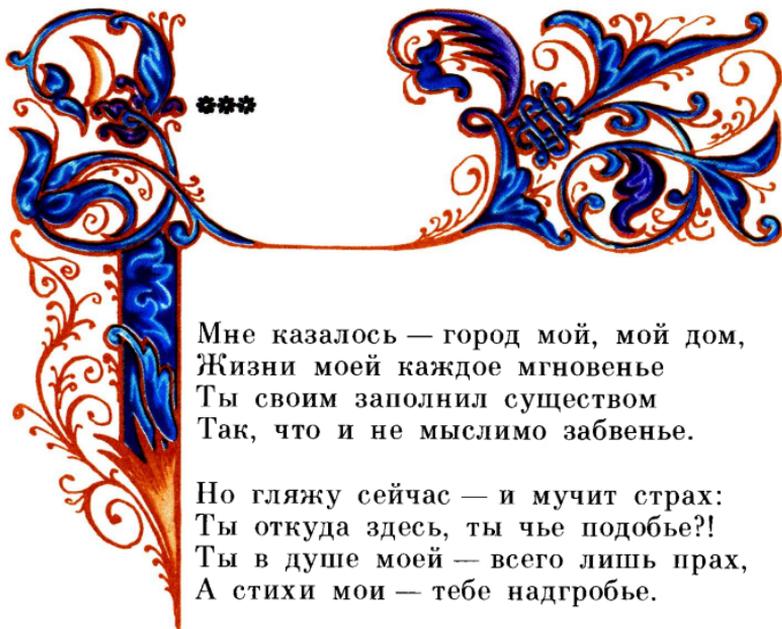

И если девушки, смеясь,
 пройдут у дома моего,
То за кого бояться мне
 и ревновать мне к ним кого?

Проходят дни — один, другой —
 однообразной чередой,

Чьим именем начну свой день,
 чьей радостью и чьей бедой?
Кого мне ждать в полдневный час
 и с кем проститься вечером,
Не спать мне из-за чьей тоски
 и засыпать с мечтой о ком?
Зачем сошел, зачем сошел
 ты с той безмерной высоты,
Зачем же и меня с небес
 безжалостно низводишь ты?..

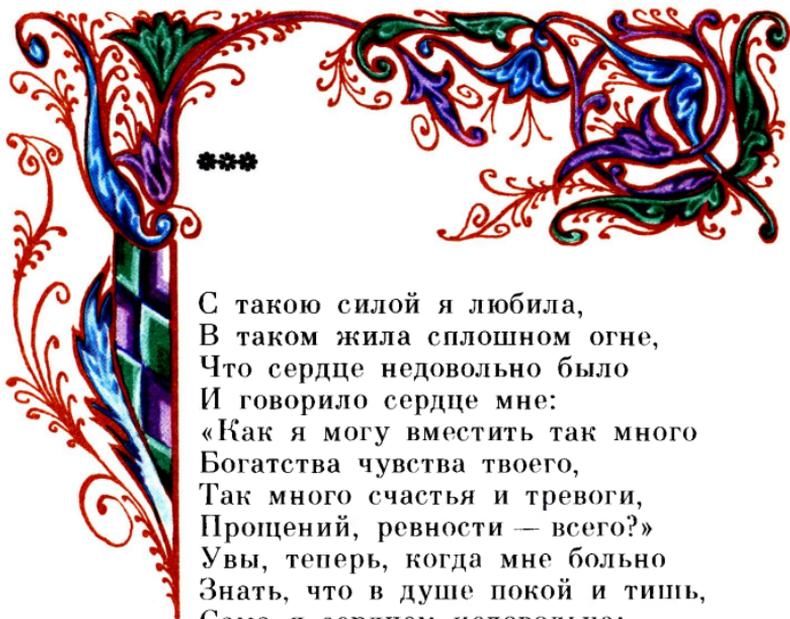

Мне казалось — город мой, мой дом,
Жизни моей каждое мгновенье
Ты своим заполнил существом
Так, что и не мыслимо забвеньё.

Но гляжу сейчас — и мучит страх:
Ты откуда здесь, ты чье подобье?!
Ты в душе моей — всего лишь прах,
А стихи мои — тебе надгробье.

С такою силой я любила,
В таком жила сплошном огне,
Что сердце недовольно было
И говорило сердце мне:
«Как я могу вместить так много
Богатства чувства твоего,
Так много счастья и тревоги,
Прощений, ревности — всего?»
Увы, теперь, когда мне больно
Знать, что в душе покой и тишь,
Сама я сердцем недовольна:
«Зачем спокойно так стучишь?
Без радостей и без печалей
Как я могу на свете жить?
Ведь мы с тобой не отстучали!
Давай любить! Желать! И жить!»

ГОДЫ СПУСТЯ

Я образ твой хочу сберечь.
Я не хочу с тобою встреч.
Порой спешу с пути свернуть,
Чтоб не столкнуться где-нибудь.

Да, я хочу, любимый мой,
Чтоб жил ты в памяти моей
Таким, как был ты той зимой,
Той давней ночью без огней.

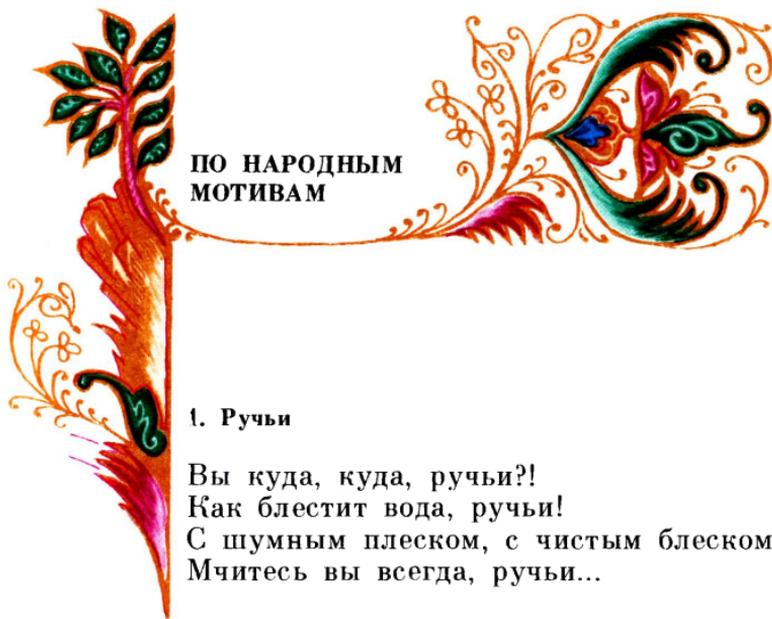
Чтоб как тогда меня любил
И той же синью цвел твой взор,
Чтоб ты нежнее снега был
И жег сильнее, чем костер.

Чтоб снова таяла зима
От жарких губ, от слов твоих,
Чтоб вновь я верила сама
В неповторимость смысла их!

Казалось мне тогда — ты мог
Забить и славу и себя
И мир восторга и тревог
К ногам моим сложить, любя.

Я образ твой хочу сберечь,
Я не хочу с тобою встреч,
С тобой, потухшим, серым, злым...
Ступай один путем своим.

ПО НАРОДНЫМ
МОТИВАМ

1. Ручьи

Вы куда, куда, ручьи?!
Как блестит вода, ручьи!
С шумным плеском, с чистым блеском
Мчитесь вы всегда, ручьи...

В ваши светлые струи
Слезы я лила свои.
Смех свой слив с моей печалью,
Вдаль бежите вы, ручьи.

Вы несите в море, вдаль
Сердца горе и печаль,
Вы скажите встречным людям,
Что утешусь я едва ль.

Только если мать мою
В дальнем встретите краю,
Вы скажите — я не плачу,
Вы скажите — я пою...

2

Зеленые дороги, неровные, неверные,
Всех вяжут ваши пути, любовные, неверные,
Лишь я на бездорожье грущу одна без милого,
Видать, судьбой пути мне дарованы неверные.

Мой милый за горами, за их грядой печалится,
Ах, добрые дороги, во мгле седой печалится...
Ко мне его ведите, цветы кидая под ноги.
Не рано ли, дороги, мне, молодой, печалиться?

3

Мы как солнце и луна —
Рядом наши имена.
Но, как солнце и луна,
Ты один, и я одна.
Не сойдутся день и ночь:
Лишь приду — уходишь прочь...
Мы как солнце и луна:
Встреча нам не суждена!

4

Теряюсь я, теряюсь я:
В безбрежности причуд твоих,
В ночном лесу кудрей твоих,
В снегах чела и щек твоих —
Теряюсь я, теряюсь я!

Теряюсь я, теряюсь я:
И в молниях очей твоих,

И в сумраке бровей твоих,
И в терниях ресниц твоих —
Теряюсь я, теряюсь я!

Из снега выйду — на пути
И лес и море: не пройти!
Как сердце мне твое найти?
Теряюсь я, теряюсь я!..

5

Прохлада ночная...
Усни, усни!
Стою у окна я.
Усни, усни...

Уйду, коль захочешь.
Усни, усни!
В безмолвии ночи
Усни, усни...

Ах, сердце, тревожно
Так не стучи!
И ты, если можно,
Усни, усни...

6. Ах, сердце твое

Подснежник глянул на белый свет —
Улыбки твоей цветение!
Фиалок первых веселый цвет —
Глаз твоих синь весенняя!

Ива, склоненная над волной,—
Стан твой, как ива нежная!
Иву ласкает ветер ночной —
Дыханье твое безмятежное!

Солнце выглянуло из-за гор —
Губы твои пунцовые!
Туча закрыла небес простор —
Ах, сердце твое свинцовое!

7

На краю скалы крутой
Мак трепещет. Это ты.
Лишь люблюсь красотой,—
Высоко растут цветы.

Вниз, в ущелье, я гляжу:
Родничок там. Это ты.
Не напившись, уйду
С одинокой высоты.

Прячет моря глубина
Редкий жемчуг. Это ты.
Не достать его со дна,
Из холодной немоты.

Вечно близок и далек
Аралат наш. Это ты.
Твой снежок меня обжиг
Недоступностью мечты...

— Эй, ручей-ручеек,
Эй, куда ты, дружок?
Пропадешь ты в морях,
Выпьет воду песок...

— Тороплюсь я в поля
К изнуренным цветам,
Солнце светит, паля,
Я напиться им дам.

Пусть я в море вольюсь
Малой струйкой воды,
Пусть в земле растворюсь,—
Лишь цвели бы сады...

9. Старинная песня

Ах, как жаль мне, как безмерно жаль
Глаз моих — тоски-тоски встревоженной,
Слов моих — слезинок-слез непрошенных
И любви потоков — в море брошенных,
Ах, как жаль мне, как безмерно жаль!..

Ах, как жаль любви, по крохам собранной,
По крупичам найденной, накопленной,
Обретенной в вековечных поисках,
В миг один утраченной и попранной,—
Ах, как жаль мне, как безмерно жаль!..

ШУТОЧНЫЕ

1

Ах, как обидно, больно и неловко,
Такое огорченье у малышки.
Тебя побили сверстники-мальчишки...
Ты плачешь, девочка-светлогловка.

Ну что ж, поплачь. На свете так ведется:
Промчатся дни — ты девушкой станешь,
На юношей влюбленных и не взглянешь.
Тебе — смеяться, плакать — им придется.

2

Что за вечер! Ласков, тих,
Словно создан для двоих.
Как не пожалеть о том,
Что гуляем мы... втроем?!

3. Вечная история

Был вечер... В саду под шумящей сенью
Двое бродили во мгле голубой:
Девушка — свежий цветок весенний,
Юноша — с первым пушком над губой.

И, за руки взявшись, как малые дети,
Шептали о чем-то.

А вечер был тих...

Казалось им, что никто на свете
Не говорил этих слов до них.

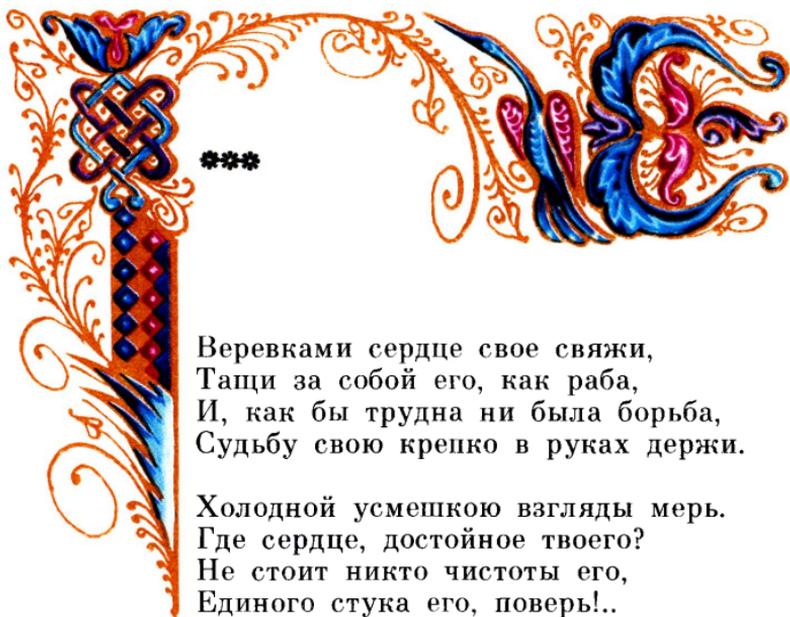
А по небу тихо луна проплывала
И, слушая их, откровенно зевала...

4. Незванная спутница

На берегу реки вдвоем
С тобой гуляли — я и ты, —
Светлы, как юность, и чисты,
Как небеса весенним днем.
Но слетя тутчас нас нашла!
И, обогнав на всем бегу,
Оставив нас на берегу,
Она, во весь поднявшись рост,
Перескочила через мост
И вдаль пошла, пошла, пошла...

Давно вернулись мы с реки
И помним этот день едва...
Но все вперед спешит молва,
Спешит — рассудку вопреки.

Веревками сердце свое свяжи,
Тащи за собой его, как раба,
И, как бы трудна ни была борьба,
Судьбу свою крепко в руках держи.

Холодной усмешкою взгляды мерь.
Где сердце, достойное твоего?
Не стоит никто чистоты его,
Единогостука его, поверь!..

ЗАПОЗДАЛАЯ
ВЕСНА

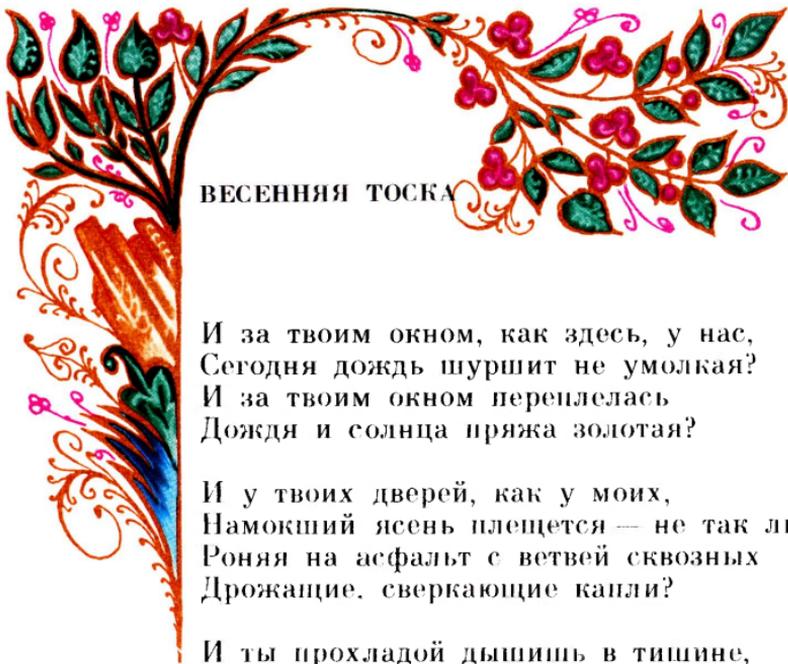

Солнце! Что ж ты глядишь так несмело?
Словно пламень сердечный погас...
Взглядом робким на миг обогрело
И за облаком скрылось тотчас...

В каждой почке, набухшей томленьем,
Ждут луча твоего лепестки,
Будто сердце порою весенней
В нежной власти любовной тоски.

Ждут они от тебя лишь намека,
Чтоб поверить счастливой судьбе,
Чтоб узнать, что весна недалеко,
Чтоб раскрыться навстречу тебе!..

ВЕСЕННЯЯ ТОСКА

И за твоим окном, как здесь, у нас,
Сегодня дождь шуршит не умолкая?
И за твоим окном переплелась
Дождя и солнца пряжа золотая?

И у твоих дверей, как у моих,
Намокший ясень плещется — не так ли? —
Роняя на асфальт с ветвей сквозных
Дрожащие, сверкающие капли?

И ты прохладой дышишь в тишине,
С окна откинув легкую гардину?
Ах, так же ли тоскуешь обо мне?
Ах, любишь ли меня хоть вполовину?..

ЛУННЫЙ СВЕТ

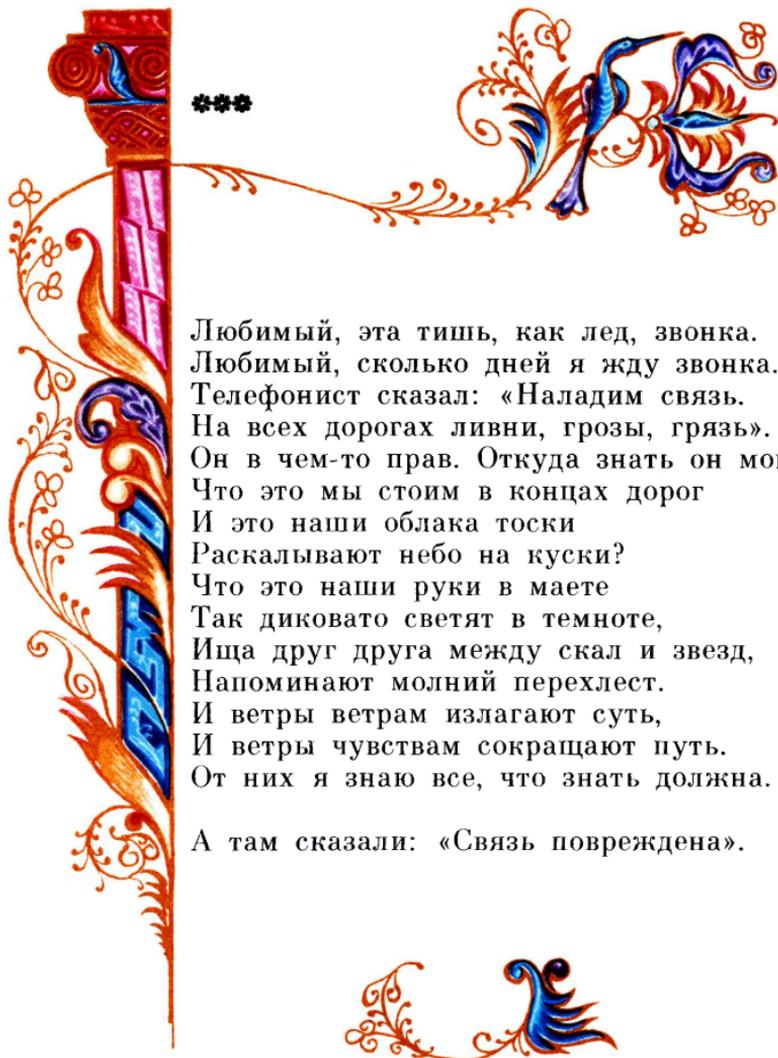
Душа луною переполнена,
Как будто я сама — луна
И с высоты глубокой полночи
Гляжу, землей изумлена.

Все пропасти, болота, ямины,
Что портили покров земной,—
Все потонуло в лунном пламени,
Преображаемое мной!

Окон созвездия несметные —
В них столько ласки и добра!
Уводят в будущее светлое
Дороги, как из серебра.

Платаны, тополи, оливы
Стоят в серебряной кайме.
Они, влюбленные, счастливые,
Ветвями тянутся ко мне.

И ты глядишь из тьмы бессонной,
Даря мне это волшебство,—
Моя любовь, шальное солнце,—
Источник света моего!

Любимый, эта тишь, как лед, звонка.
Любимый, сколько дней я жду звонка.
Телефонист сказал: «Наладим связь.
На всех дорогах ливни, грозы, грязь».
Он в чем-то прав. Откуда знать он мог,
Что это мы стоим в концах дорог
И это наши облака тоски
Раскальвают небо на куски?
Что это наши руки в маете
Так диковато светят в темноте,
Ища друг друга между скал и звезд,
Напоминают молний перехлест.
И ветры ветрам излагают суть,
И ветры чувствам сокращают путь.
От них я знаю все, что знать должна.

А там сказали: «Связь повреждена».

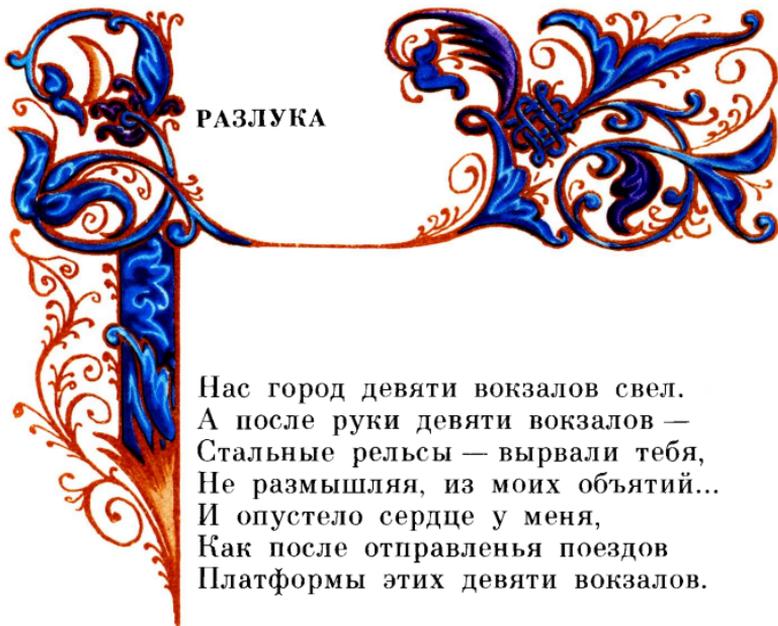

Зачем хочу я крыльев и полета,
Когда к земле привязан крепко ты?
Зачем ищу какой-то высоты,
Когда не ждешь, не ищешь ничего ты?

Я жду, чтоб свет в твоих глазах забрезжил,
А ты одним насущным хлебом сыт,
Тебя уют надежный веселит...
Что ж я, самопожертвованьем брежу?!

Неужто лишь любовь к тебе — мой жребий
И я должна тебя таким принять?
Неужто больше не о чем мечтать,
Пора забыть о крыльях и о небе?..

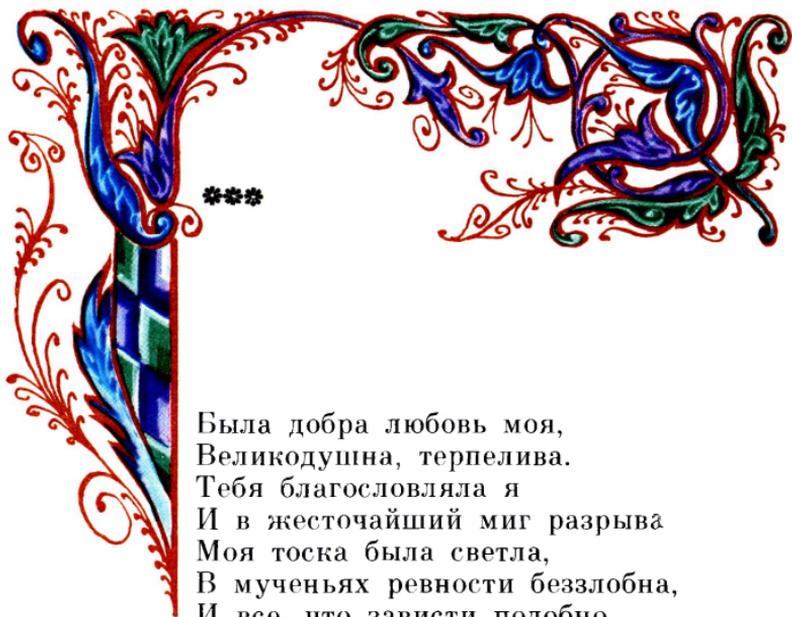

РАЗЛУКА

Нас город девяти вокзалов свел.
А после руки девяти вокзалов —
Стальные рельсы — вырвали тебя,
Не размышляя, из моих объятий...
И опустело сердце у меня,
Как после отправленья поездов
Платформы этих девяти вокзалов.

Во мне — тоска бесчисленных разлук,
Боль всех разлук на девяти вокзалах!
Протяжными, прощальными гудками
Летающих в девять точек поездов
Вдыхаю я
На стынущих дорогах...

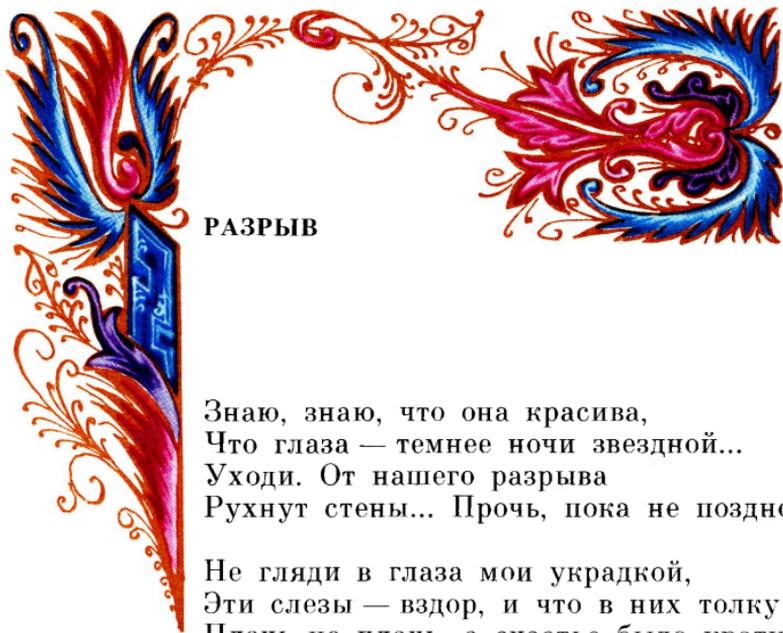
Была добра любовь моя,
Великодушна, терпелива.
Тебя благословляла я
И в жесточайший миг разрыва
Моя тоска была светла,
В мученьях ревности беззлобна,
И все, что зависти подобно,
Испепелила я дотла,
Чтобы душе не жить без света.

А нынче мелким ручейком
Сама себе кажусь, когда я,
Холодный взгляд поймав тайком,
Лишь холодею, не страдая,
Сама свидание прерву,
Когда предчувствую разлуку,
И первой протяну я руку,
Но не прощаю, не зову,
И думаю — любовь ли это?..

Чтобы поднять тебя на пьедестал,
Чтоб удержался ты на пьедестале,
Чтоб крыльями орлиными блистал,
Орлиным взором созерцая дали, —
За это я всю душу отдала.
Я верила в тебя, как верят дети.
За все твои недобрые дела
Передо мною не был ты в ответе.
Закрыв глаза, глядела на тебя,
Чтоб видеть лишь таким, как мне хотелось,
Обманывалась, вымысел любя.
Куда же ослепление это делось?
Ты рухнул с пьедестала, и тотчас
Прозрела я, но как сознаться тяжко:
Всем сердцем я платила за алмаз,
А оказался он простой стекляшкой...

РАЗРЫВ

Знаю, знаю, что она красива,
Что глаза — темнее ночи звездной...
Уходи. От нашего разрыва
Рухнут стены... Прочь, пока не поздно!

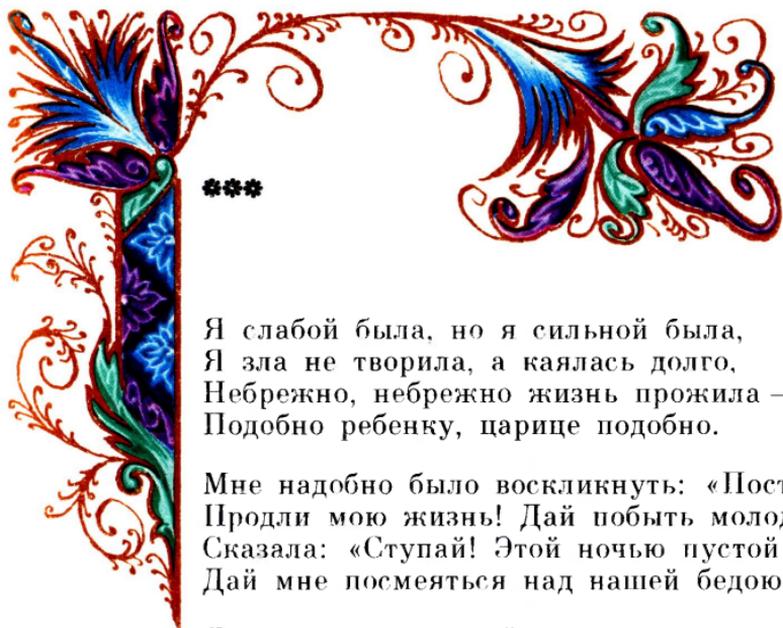
Не гляди в глаза мои украдкой,
Эти слезы — вздор, и что в них толку!
Плачь не плачь, а счастье было кратко,
Плачь не плачь, а горю длиться долго.

Уходи скорей. Открыты двери.
Не следи за мной в тоске неловкой.
Сердце не свывается с потерей,
Коль к тебе привязано веревкой.

Ты отходишь, и петля невольно
Затянулась, будто мы все ближе!
Это больно. Понимаешь? Больно.
Оторвись!

Уйди скорей!

Уйди же!

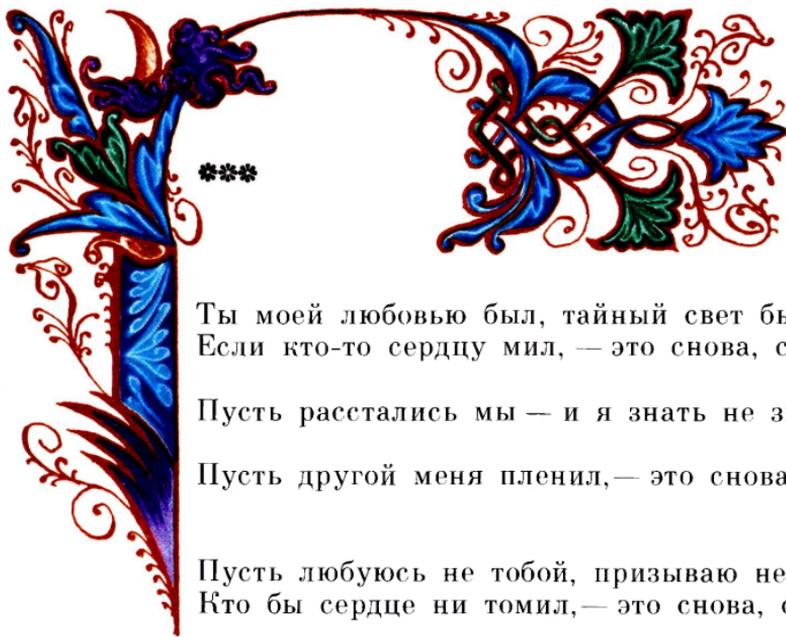
Я слабой была, но я сильной была,
Я зла не творила, а каялась долго,
Небрежно, небрежно жизнь прожила —
Подобно ребенку, царице подобно.

Мне надобно было воскликнуть: «Постой!
Продли мою жизнь! Дай побыть молодой!»
Сказала: «Ступай! Этой ночью пустой
Дай мне посмеяться над нашей бедою!»

Я верила чадуречей и лица,
Когда же мне в них обмануться случилось,
Сама отвела я глаза от лжеца,
И это была моя месть или милость.

Вовек не искала того, что нашла,
А то, что нашла, потеряла навеки.
Богатством утрат возгордилась душа,
Надменно отринув хвалу и наветы.

Я слабой была, но я сильной была,
Я зла не творила, а каялась долго,
Небрежно, небрежно жизнь прожила —
Подобно ребенку, царице подобно.

Ты моей любовью был, тайный свет былого ты.
Если кто-то сердцу мил, — это снова, снова ты.

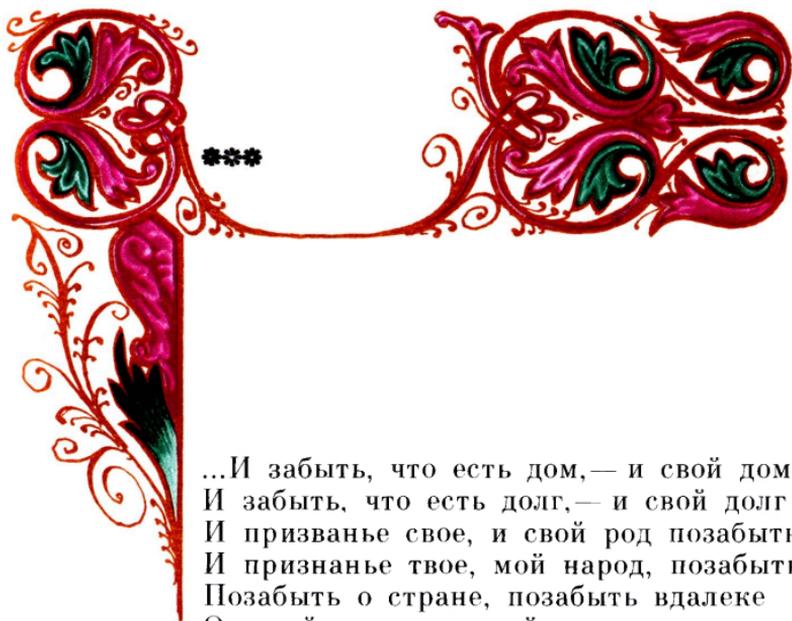
Пусть расстались мы — и я знать не знаю
о тебе.
Пусть другой меня пленил, — это снова, снова
ты.

Пусть люблюсь не тобой, призываю не тебя,
Кто бы сердце ни томил, — это снова, снова ты.

Мне другого полюбить оказалось нелегко.
Ах, тебя он не заметил, — это снова, снова ты.

Ты впитался в жизнь мою, как в сухую землю
дождь.
Если сад мой полон сил, — это снова, снова ты!

...И забыть, что есть дом,— и свой дом позабыть.
И забыть, что есть долг,— и свой долг позабыть.
И призванье свое, и свой род позабыть,
И признанье твое, мой народ, позабыть.
Позабыть о стране, позабыть вдалеке
О своей несвершенной мечте и строке.
Позабыть о суде, позабыть о судьбе,
Все концы, все начала увидеть в тебе.
И однажды низвергнуться снегом с вершин,
И до верха заполнить долину-кувшин,
И растаять, разлиться, как в марте вода,
Чтобы русло твое поломать навсегда,
Чтобы к морю свое наводненье нести,
Чтобы сделаться морем самой по пути —
Осмеять, позабыть все основы основ
И любить без оглядки, без страха, без слов...

Ни к чему эти строки — как искра в золе.
Это все невозможно со мной на земле!..

Ты писем от меня не жди.
Мне трудно в письмах жить душою.
Огонь, бушующий в груди,
В них меркнет, слово в них чужое.

Как будто кто-то за меня
Писал их, избежав признаний.
Сердечного стыжусь огня,
Стыжусь рассказанных страданий.

Но таинство, но волшебство —
Поэзия — преград ей нету:
В ней, скрытое от одного,
Звучит, всему открыто свету.

ОСЕНЬ

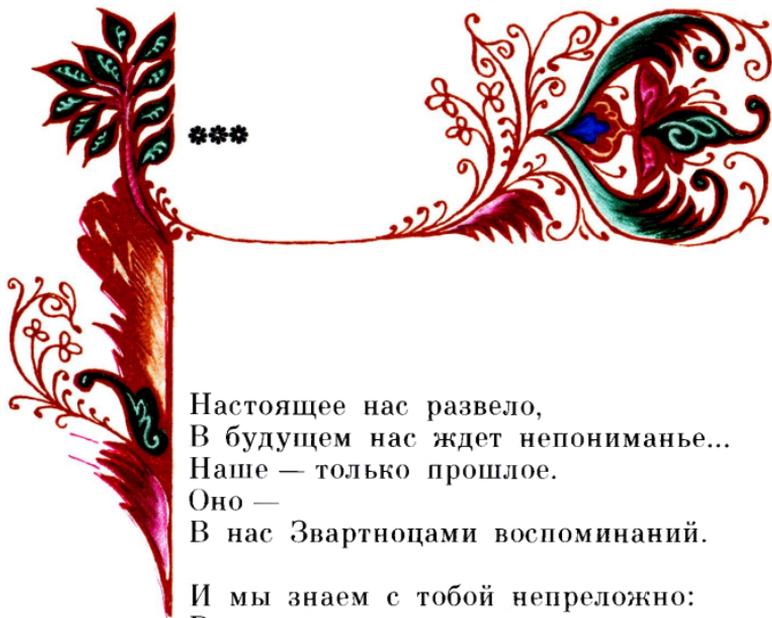
В природе — сытость влагою и сырость.
Октябрь желает желтым малевать.
Вот и свершилось то, что сердцу снилось:
Прощай! Разлуки нам не миновать.

Ступай! Иди, куда идти велит
Неверности тяжелая свобода.
Я помогу тебе! Поторопись!
Мой опыт провожаний так велик —
Я преуспела в этом, как природа
В искусстве провожать листву и птиц.
В дорогу соберу тебя сама:
Все вспышки губ, все россыпи и клады
Тайн безымянных — отдаю! Возьми!
Ах, странник мой! Полна твоя сума —
В ней все твои неистовые клятвы,
Непрочные, как детский вздор весны.

Что вспоминать! Давно растрочен август.
Душа и лес зияют в октябре.
Не медли же! Мне пустота не в тягость.

О, благодарствуй! Добрый путь тебе!
А слезы? Пусть их! Это лишь ошибки
Моих зрачков! Все минет без следа.
Мой опыт провожаний так обширен,
Так замкнута моей судьбы тропа...

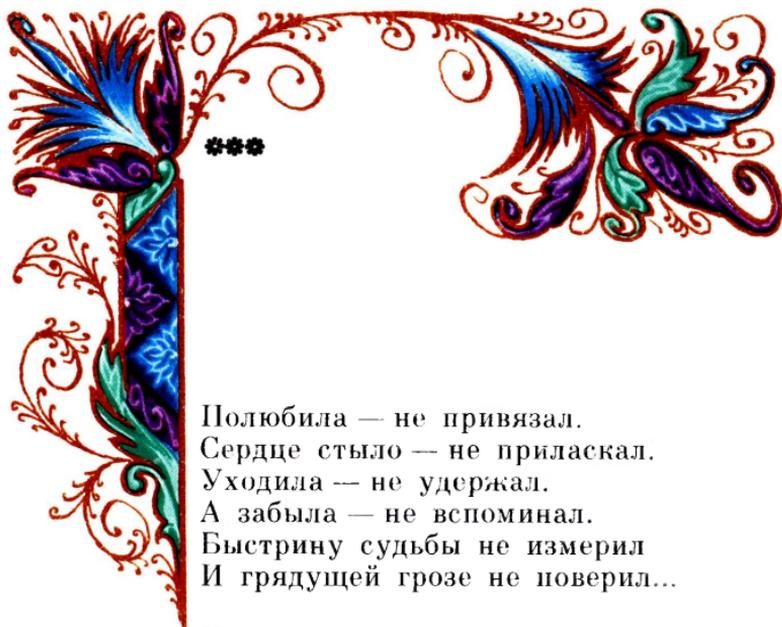
Настоящее нас развело,
В будущем нас ждет непониманье...
Наше — только прошлое.
Оно —
В нас Звартноцами воспоминаний.

И мы знаем с тобой непреложно:
Реставрация их — невозможна.
Но от нас лишь одних зависит
Словом, брошенным ненароком,
Иль поступком неосторожным
Не осквернить, не унизить
Рухнувшие капители...
Если в прошлое вдруг вернемся,
Чтобы были у нас хоть камни,
Пред которыми мы могли бы
Помолчать, преклонив колена...

Не обжигаясь, ты сжигаешь, мой любимый.
Зачем до стужи улетаешь, мой любимый?!
Из нитей сердца соткала тебе я путы,
Так что ж ты в них не попадаешь,
мой любимый?

Полюбила — не привязал.
Сердце стыло — не приласкал.
Уходила — не удержал.
А забыла — не вспоминал.
Быстрину судьбы не измерил
И грядущей грозе не поверил...

Что ж зовешь — я прийти не смогу,
Я давно на другом берегу.

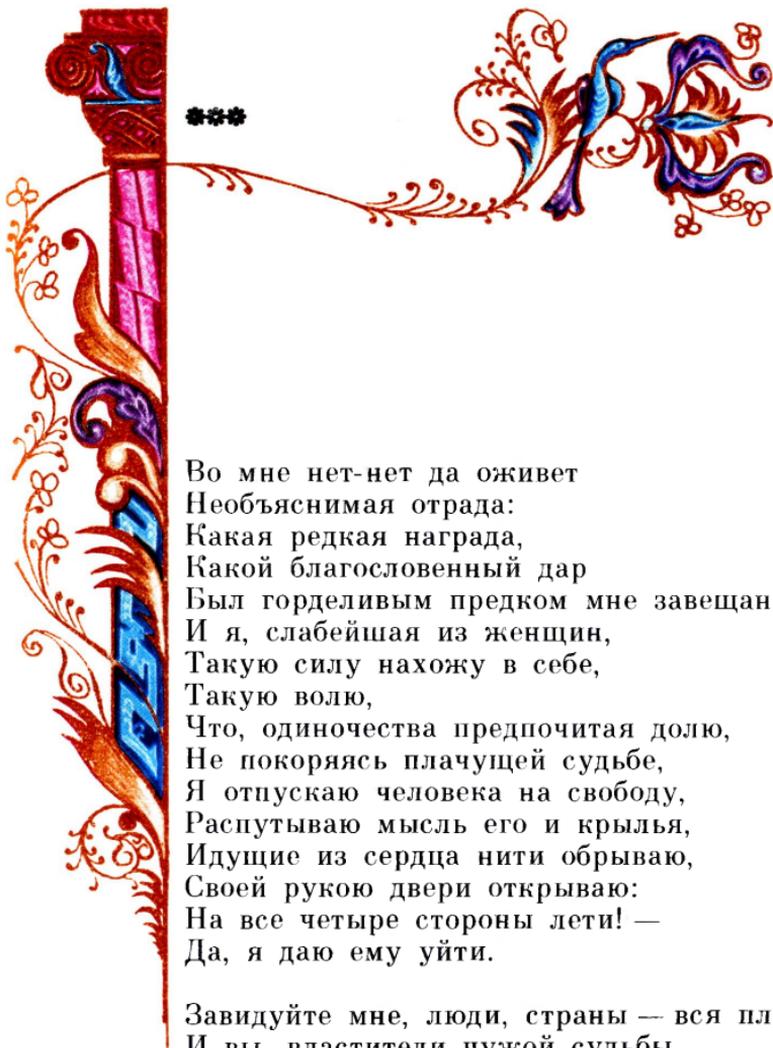

Не надо, милый, кляtv, ведь это слепота —
Сегодняшнему дню грядущий дать в залог.
Поверим в этот миг — он истинно высок,
А ждaть, искать, молить не будем никогда.

Близки и далеки, как будто две звезды,
Давай любить легко — как будто не любя.
Ведь столько есть цeпей! Так новых, для себя,
Давай не принесем в него ни я, ни ты.

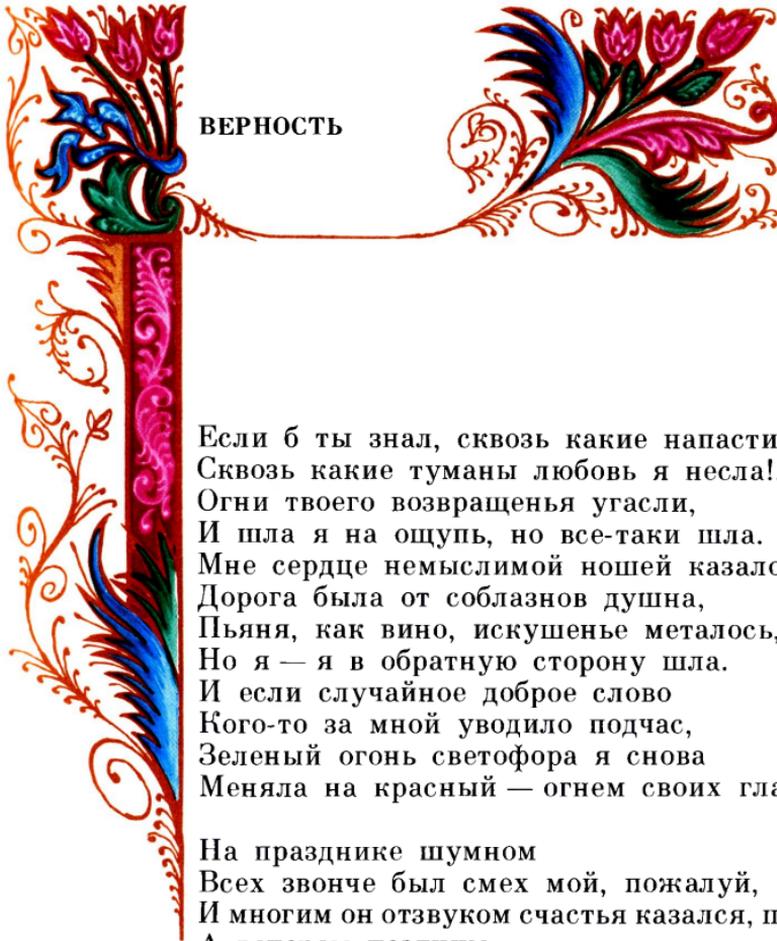

Во мне нет-нет да оживет
Необъяснимая отрада:
Какая редкая награда,
Какой благословенный дар
Был горделивым предком мне завещан.
И я, слабейшая из женщин,
Такую силу нахожу в себе,
Такую волю,
Что, одиночества предпочитая долю,
Не покоряясь плачущей судьбе,
Я отпускаю человека на свободу,
Распутываю мысль его и крылья,
Идущие из сердца нити обрываю,
Своей рукою двери открываю:
На все четыре стороны лети! —
Да, я даю ему уйти.

Завидуйте мне, люди, страны — вся планета
И вы, властители чужой судьбы.

Не раб ваш слаб,
А вы слабы!
И потому, что есть у вас рабы,
И вы — рабы!
В любви свободен тот, кому отпущен дар
Ударом не ответить на удар
И даровать, любя,
Себе подобному свободу от себя...

ВЕРНОСТЬ

Если б ты знал, сквозь какие напасти,
Сквозь какие туманы любовь я несла!..
Огни твоего возвращенья угасли,
И шла я на ощупь, но все-таки шла.
Мне сердце немислимой ношей казалось,
Дорога была от соблазнов душна,
Пьяня, как вино, искушенье металось,
Но я — я в обратную сторону шла.
И если случайное доброе слово
Кого-то за мной уводило подчас,
Зеленый огонь светофора я снова
Меняла на красный — огнем своих глаз.

На празднике шумном
Всех звонче был смех мой, пожалуй,
И многим он отзвуком счастья казался, поверь.
А вечером поздним,
Прощаясь с моим провожатым,
С любезной улыбкой
Закрывала накрепко дверь.

И я погружалась
В свое одиночество снова, —
Не смейся, не смейся,
Осталась я верной судьбе,
Любви моей свету,
Желанию счастья большого,
Всей сути моей я осталась верна —
Не тебе!..

МОИ ИСТОКИ

В дни Вардавара к родникам бегущих
Девчонок юных радость есть во мне.
Прохладный смех без видимой причины,
Что льется, как из горлышка кувшина,
И озорство их песен есть во мне,
И тяга к легкомысленным подчас,
Задиристым словам...
Но в трудный час
Я чувствую в себе
Армянских матерей живую силу,
Что у врагов пощады не просила,
Армянских матерей,
Хоть маленьких, но стойких,
Наседок,
Под крылом птенцов укрывших стольких,—
Их гнев и волю чувствую в себе.

Наряженных, торжественных, без слов
Идущих в церковь величавых снох
В моей походке плавность и осанка.

В моих глазах — остратка и приманка
Их взглядов, полных темного огня...
Но в жилах у меня
Есть сдержанная кровь
Армянских жен, свой берегущих кров,
Мужей-скитальцев молчаливо ждущих,
Терпенье у родной земли берущих,
Не видящих любви по многу лет —
Во мне их верность,
Их спокойный свет...

ТВОРЧЕСТВО

В моих любовных песнях не ищите
Безвестных иль прославленных имен,—
Вам не свершить каких-либо открытий,
Я не пойму сама — где явь, где сон.

В такие дни, которых вспомнить нечем,
Вдруг песня прерывала немоту
И, благодарная бескрылым встречам,
Крылатая, взмывала в высоту.

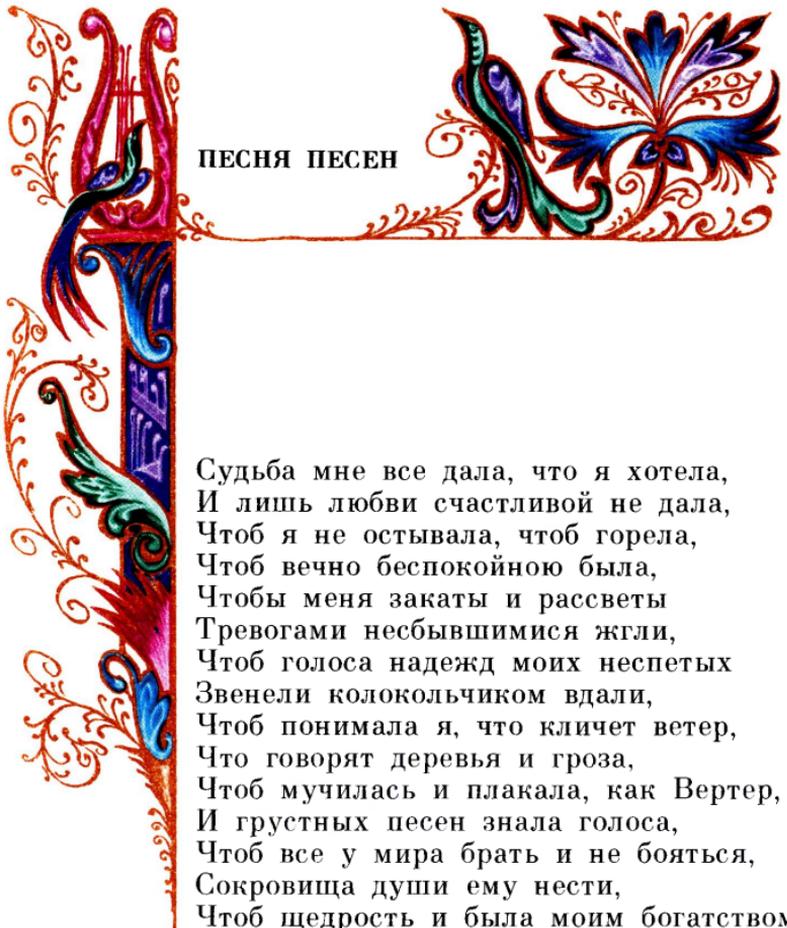
Мгновенный шепот, чей-то вздох несмелый
Иль чей-то взгляд, что счастьем засверкал,
И, словно эхо, песня зазвенела,
И, как в горах, в ней отзвук не смолкал.

Где эти люди, где мгновенья эти?..
В душе и в сердце — в существе моем.
Они — один-единственный на свете,
И только с ним сквозь жизнь я шла вдвоем.

Он явью был и вымыслом неясным.
Он был и не был, он не мог не быть.
Он воплощался ожиданьем властным.
Он возникал, чтоб я могла любить.

Он создан мной, мечтаньями моими,
Биеньем жарким сердца моего...
Вы понапрасну не ищите имя,—
Ни мне, ни вам не отыскать его.

ПЕСНЯ ПЕСЕН

Судьба мне все дала, что я хотела,
И лишь любви счастливой не дала,
Чтоб я не остывала, чтоб горела,
Чтоб вечно беспокойною была,
Чтобы меня закаты и рассветы
Тревогами несбывшимися жгли,
Чтоб голоса надежд моих неспетых
Звенели колокольчиком вдали,
Чтоб понимала я, что кличет ветер,
Что говорят деревья и гроза,
Чтоб мучилась и плакала, как Вертер,
И грустных песен знала голоса,
Чтоб все у мира брать и не бояться,
Сокровища души ему нести,
Чтоб щедрость и была моим богатством,
Чтоб все отдать — и, значит, обрести.
Чтоб не была глухой к чужой беде я
И узнавать могла, пока жива,
Непролитые слезы и смятенье,

И слышать затаенные слова,
Чтоб всех моих разбросанных по свету,
Неведомых, мятущихся сестер
Огни сердец, которым счета нету,
В моих стихах слились в один костер..
И чтобы в книгу книг моей земли,
Столетия долгими увенчаны,
Волнения и вздохи женщины
Еще одной страницей легли!..

ОДЕРЖАНИЕ

М. Д у д и н. Слово на камне	5
ТЕБЕ, СТРАНА МОЯ	
Песня о наших камнях. Пер. Е. Евтушенко	10
«Армянская страна, родная сторона...» Пер. В. Звягинцевой	12
На площади Ленина в Ереване. Пер. Д. Голубкова	13
Голуби Армении. Пер. Д. Голубкова.	15
Армянские глаза. Пер. Э. Александровой	16
Наш пантеон. Пер. В. Звягинцевой	17
Слово сыну. Пер. В. Звягинцевой	19
Карабахское наречие. Пер. Б. Слуцкого	21
«Сгораю я, сгораю...» Пер. Е. Николаевской	22
Входите к нам. Пер. Д. Голубкова	25
Ореховое дерево. Пер. В. Звягинцевой	27
«Марсельеза» в армянском селе. Пер. Е. Николаевской.	28
В Бюракане. Пер. Е. Николаевской.	31
Быть или не быть? Пер. Б. Окуджавы	33
Русскому другу. Пер. М. Петровых	35

Балкарскому поэту Кайсыну Кулиеву. Пер. М. Петровых	38
На юбилея Джамбула в Алма-Ате. Пер. М. Петровых	40
Солнце в Ленинграде. Пер. В. Потаповой	41
Материнское. Пер. В. Замаховской	43
В лесах Подмоскovie. Пер. М. Петровых	45
«В московском говоре весеннем...» Пер. Ю. Мориц	49
На полях Украины. Пер. В. Потаповой	50
Под киевскими каштанами. Пер. И. Снеговой и Е. Николаевской	51
На дальних дорогах. Пер. М. Петровых	56
Дума о лавровой ветви. Пер. Л. Гинзбурга	57
Письмо начальнику строительства товарищу Бочкину. Пер. М. Магусовского	59
Вечер. Пер. В. Тушновой	62
Песня дорог. Пер. В. Звягинцевой и М. Дудина	64

ТЕБЕ, ЧЕЛОВЕК

«Не жалеюсь на сердце я...» Пер. В. Звягинцевой	68
В севанских горах. Пер. В. Звягинцевой	69
Жизнь моя. Пер. М. Петровых	70
В залах Эрмитажа. Пер. М. Алигер	71
Моей матери. Пер. М. Петровых	74
«Проснулся день...» Пер. М. Петровых	76
«Наверное, меня поймет лишь мать...» Пер. В. Звягинцевой	77
В Цахкадзоре. Пер. В. Звягинцевой	78
Песня матери. Пер. М. Замаховской	80
Сыну. Пер. М. Алигер	82
«Учебники сын раскидал по столу...» Пер. В. Тушновой	84
«Уходят сыны, уходят сыны...» Пер. М. Алигер	85
«Не вернулся сын твой с поля боя...» Пер. В. Звягинцевой	86
«Твердь земную пропитала кровь...» Пер. М. Светлова	87
Песни о родниках-памятниках. Пер. В. Звягинцевой	88
В семье. Пер. Э. Александровой	90
Вдове героя. Пер. И. Снеговой	92

Война. Пер. М. Алигер	94
Голубь мира. Пер. М. Алигер	96
Весна. Пер. Л. Гинзбурга	97
Ода ко Дню Победы. Пер. Ю. Мориц	99
«Ты страшишься грозного грома...» Пер. В. Звягинцевой	102
Весеннее. Пер. Ю. Мориц	103
В лесу. Пер. Ю. Мориц	105
Песня о весне. Пер. М. Светлова	107
Осенний сад. Пер. Е. Николаевской	109
Запоздавшие слова. Пер. Е. Николаевской	110
В глубинах сердца. Пер. М. Алигер	113
Остановись, человек. Пер. Б. Ахмадулиной	116
В одной конторе. Пер. В. Тушиновой	118
Тайное голосование. Пер. М. Алигер	121
Береги себя, Фидель! Пер. Ю. Нейман	124
Дыханием оды. Пер. В. Звягинцевой	127
«Я не боюсь состариться...» Пер. Э. Балашева	129
Стихи, навеянные Генрихом Гейне. Пер. Ю. Ряшенцева	130

ТЕБЕ, ЛЮБИМЫЙ

Слова любви. Пер. М. Петровых	134
Дума о любви. Пер. Л. Мартынова	136
«Любовь большую мы несем...» Пер. М. Алигер	137
Лилит. Пер. М. Петровых	138
Дни влюбленности. Пер. М. Львова	140
«Нет для тебя ни преград, ни помех...» Пер. М. Петровых	142
Весенний вечер. Пер. В. Тушиновой	143
Дары любви. Пер. М. Спендиаровой	144
На озере. Пер. А. Степанэ	145
«Этот вечер сказочен и тих...» Пер. Е. Николаевской	146
«Я столько раз твое письмо читала...» Пер. В. Звягинцевой	147
«Смееюсь несдержанно и бойко...» Пер. Б. Окуджавы	148
«Что ж, торжествуй!..» Пер. И. Лиснянской	149

«Я в мыслях судеб наших не связала...» Пер. Э. Александровой	150
«Ты устал, ты изнемог...» Пер. В. Потаповой	151
На перроне. Пер. В. Потаповой	152
«Да, я сказала: «Уходи»...» Пер. М. Петровых	153
Зов. Пер. Т. Спендиаровой	154
Часы ожидания. Пер. И. Снеговой	155
«Ты в сердце моем, в дыханье моем...» Пер. В. Звягинцевой	156
«Когда ты меня провожаешь домой...» Пер. В. Звягинцевой.	157
«Идешь ты мимо дома моего...» Пер. Е. Николаевской	158
«Когда б любовь моя была...» Пер. В. Тушиновой	159
«В хрустальной вазе на столе твоём...» Пер. М. Алигер.	160
«Люби загадку — древнюю, бездонную...» Пер. М. Петровых	161
Забвение. Пер. Е. Николаевской	162
«Нет! Я видеть тебя не хочу!..» Пер. Л. Мартынова	164
«Я поведу плечом надменно, гордо...» Пер. Е. Евтушенко.	165
«Ушел...» Пер. М. Львова	166
«Объятый пламенем моим...» Пер. Б. Ахмадулиной	168
Праздничный вечер. Пер. В. Звягинцевой	169
Весна. Пер. И. Снеговой	171
«Живи как хочешь...» Пер. Э. Александровой	172
«Если б, в тебе разуверившись...» Пер. В. Потаповой	173
«В дыму горячем горького прощанья...» Пер. М. Алигер	174
Песня сожаления. Пер. Е. Николаевской	175
«Мне казалось...» Пер. И. Лиснянской	177
«С такою силой я любила...» Пер. М. Львова	178
Годы спустя. Пер. И. Снеговой	179
По народным мотивам	181
Ручьи. Пер. Е. Николаевской. «Зеленые дороги, неровные, неверные...» Пер. В. Звягинцевой. «Мы как солнце и луна...» Пер. Э. Александровой. «Теряюсь я, теряюсь я...» Пер. Б. Садовского, «Прохлада ночная...» Пер. И. Снеговой. Ах, сердце твое. Пер. Е. Николаевской. «На краю скалы крутой...» Пер. В. Звягинцевой. «Эй, ручей-ручеек...» Пер. В. Звягинцевой. Старинная песня. Пер. Е. Николаевской	

Шуточные	186
«Ах, как обидно...» Пер. В. Звягинцевой. «Что за вечер...» Пер. В. Звягинцевой. Вечная история. Пер. Е. Николаевской. Незваная спутница. Пер. Е. Николаевской.	
«Веревками сердце свое свяжи...» Пер. И. Снеговой.	188
Запоздалая весна. Пер. М. Светлова.	189
Весенняя тоска. Пер. Э. Александровой	190
Лунный свет. Пер. А. Вознесенского	191
«Любимый. эта тишь, как лед, звонка...» Пер. Ю. Мориц.	192
«Зачем хочу я крыльев и полета...» Пер. М. Петровых.	193
«И эта любовь так была на любовь нехожа...» Пер. Ю. Мориц	194
Разлука. Пер. Е. Николаевской	195
«Была добра любовь моя...» Пер. М. Петровых	196
«Чтобы поднять тебя на пьедестал...» Пер. М. Петровых	197
Разрыв. Пер. М. Петровых	198
«Я слабой была...» Пер. Б. Ахмадулиной	199
«Ты моей любовью был...» Пер. М. Петровых	200
«...И забыть, что есть дом...» Пер. Ю. Мориц	201
«Ты писем от меня не жди...» Пер. М. Петровых	202
Осень. Пер. Б. Ахмадулиной	203
«Настоящее нас развело...» Пер. Е. Николаевской	205
«Не обжигаясь, ты сжигаешь...» Пер. И. Лиснянской	206
«Полюбила — не привязал...» Пер. Л. Мигдалова	207
«Не надо, милый, кляत्व...» Пер. Ю. Ряшенцева	208
«Во мне нет-нет да оживет...» Пер. Э. Балашева	209
Верность. Пер. И. Снеговой	211
Мои истоки. Пер. Е. Николаевской	213
Творчество. Пер. М. Петровых	215
Песня песен. Пер. М. Петровых	217

Для старшего возраста

Сильва Барунаковна Капутикян

ПОСВЯЩЕНИЕ

ИБ № 2882

Ответственный редактор

Р. Д. Кафризляц

Художественный редактор

И. Г. Найденова

Технический редактор

Н. Д. Лаукус

Корректоры

К. И. Каревская

и **Э. Л. Лофенфельд**

Сдано в набор 21/XII 1977 г. Подписано к печати 30/XI 1978 г. Формат 70×108/32. Бум. офсет. № 1 семимат. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,8. Уч. изд. л. 7,67. Тираж 50 000 экз. Заказ № 113. Цена 1 р. 70 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Капутикян С.

К20 Посвящение: Стихи/Пер. с арм.: Художник
А. Панин. М.: Дет. лит., 1979. — 223 с., ил.

В пер.: 1 р. 70 к.

Стихи лауреата Государственной премии. Книга издается к 60-летию поэтессы.

К 70803—051 280—78
М101(03)79

С (Арм) 2

